

Соло Всеслав Переодетые в чужие тела

Всеслав Соло
Переодетые в чужие тела
Мистический роман
(фэнтези)
В мире "Астрального тела"

Мой мистический роман "Переодетые в чужие тела" написан совершенно не случайно. Если "Астрально-Мистическую Эпопею "Астральное тело" можно назвать своеобразным крупным планом идеи, которая старательно и планомерно воплощается мною в литературе, (я имею ввиду идею о "Растворении Земли"), то, " Переодетые в чужие тела " и другие мои подобного плана книги станут повествовать панораму мира, что располагается за кадром крупного плана Эпопеи. Герои "Переодетых в чужие тела " тоже примут свое участие в очередных романах "Астрального тела", но, конечно же, в рамках их сюжетов.

Читая Эпопею, читатель благодаря таким романам как " Переодетые в чужие тела ", сможет, будет иметь возможность узнать о том или другом герое Эпопеи более подробно, узнать то, каким образом тот или другой герой пришел на ее страницы.

Если Астрально-Мистическую Эпопею я называю крупным планом моей идеи, то " Переодетые в чужие тела " и другие подобные ближайшие книги можно обозначить как крупные планы того мира, в котором грани идеи формируются и рождаются, подрастают для реализации в Эпопее.

Вот почему роман " Переодетые в чужие тела " является книгой из Астральной библиотеки главного героя Эпопеи Сергея Истины, и не могло быть иначе.

Всеслав Соло
Всеслав Маркович Соло (Сергей Александрович Парецкий), автор, 1996 г.
Гр-н Сергей Александрович Парецкий, автор, 1996 г. ,
("Победитель Мира") Издатель, 1996 год.

Хирурги Люцифера

-- Классная фирма!
-- Да. Я согласна с Вами. Я с таким нетерпением искала ее.
-- Времена другие -- все проще. Я долго не хотел встречать нож не на улице -- не в операционной, а теперь... Слава Богу -- эта фирма.
-- И все-таки, как им это удастся?
-- Не знаю, да и знать не хочу, скорее бы сделали и мне. Я уже ненавижу мужчин за то, что я такой как они.

-- Как можно! Мужчины -- это прелесть, их мускулистое тело...
-- А вы, женщина...
-- К сожалению, так, пока. Я надеюсь...
-- А я разодрал бы всех женщин в клочья за то, чем они обладают.
-- Дурашка ты. Как бы я была счастлива, имея твой вид...
-- Да на тебе, забирай хоть сейчас... господи... господи, сжался, я ее сейчас убью.
-- Вы что-то сказали?
-- Нет. И оставьте меня.
-- Хорошо.

Непродолжительное время, двое, только что, казалось разговорившихся друг с другом посетителя, молчали, словно протаптывали для ухода прочь чувственную тропу одиночества, но вскоре, потоптавшись на месте, поняли, что расходиться по своим тропам некуда, потому что сидят теперь они у одной, заповедной цели, в этом, не большом фойе-приемной, в роскошных, перинной мягкости, кожаных креслах, друг против друга, где единственный секундант между ними -- журнальный столик и каждый противник сам для себя и кто из противников нажмет первым "курок?". Ожидание возле инкрустированной смуглой,

пахнущей деревом, двери, за которой, вскорости, там, в глубине таинственной фирмы и произойдет "выстрел", который обязательно решит кому остаться в живых: тому, кто есть или тому, кем он живет.

Он и она. Женщина и мужчина...

Первой оборвала молчание девушка:

-- Я видела тех, кому помогли: я разговаривала с ними и умирала от зависти, -- сказала она.

-- Меня с ними тоже знакомили, -- дал свое согласие на продолжение разговора молодой человек.

-- На собеседовании? -- оживленно и заинтересованно спросила девушка.

-- Нет, -- ответил парень в интонации отрицающей уточнения на этот счет.

-- Они хороши, но только... -- начала было говорить, но задумчиво замолчала девушка, как бы выискивая в собеседнике того же понимания, о котором недоговорила сейчас, но о котором, как виделось ей, он тоже размышлял. Как бы для собственного утверждения в не ошибочности своей внутренней догадки, она, хотя могла договорить и сама, все-таки ожидала, чтобы договорил за нее собеседник. Борьба: боязнь того, что он скажет не то, что подумалось ей сейчас и непоколебимая уверенность в том, что она услышит от собеседника все-таки то, что понимает она -- это разволновало ее, и она покраснела немного, опустила глаза, озадаченно прикусила нижнюю губу.

-- Я знаю, о чем вы хотели сказать, -- проясняя заминку в разговоре, сказал молодой человек.

-- Правда!? -- мужественно отозвалась, сглатывая волнение, девушка. Теперь своим взглядом она опиралась на собеседника.

-- Здесь что-то не так, -- произнес он, и едва уловимым кивком головы и движением глаз указал в сторону загадочной двери, -- Вы меня понимаете? -шепотом, бегло договорил он, потому что дверь плавно распахнулась на треть и мягкий, нежно вкрадчивый мужской голос огласил:

-- Следующий, пожалуйста, кто? Проходите -- и тут же: только что, внезапно приоткрывшаяся дверь, снова оказалась закрыта, оставив перед собой короткую паузу смятения двух посетителей фирмы...

Светлое и просторное помещение. На всю длину одной из его стен протянулось окно, застекленное темным, с металлическим отблеском стеклом. Напротив окна, и справа и слева от него, еще по одной двери. Сразу вдоль окна длинный стол, обтянутый черной кожей. На столе: компьютер и несколько папок. Одну из них подписывает, тем обозначая в ней хранение чего-то, мужчина не высокого роста, лет сорока пяти на вид, с черной вьющейся бородой и усами, с пышной, барашковатой шевелюрой на голове, мужчина в белом халате, отблески сегодняшнего солнца на его тонкой, золотистого цвета оправе очков. Возле стола одно мягкое кресло, как и в приемной-фойе, такое же, из которого несколько секунд назад, только что встал, постучался и вошел сюда и остановился поодаль от стола, этот молодой человек:

-- Следующий я, -- медленно проговорил он.

-- Присядь, голубчик мой, в кресло, -- убедительно сказал мужчина, приподняв левой рукой очки на лоб и взглядевшись в очередного. -- По какому каналу к нам? -- тут же спросил он, снял очки и положил их на стол по левую руку от себя, возле монитора. Он, еще раз пронзительно взгляделся в посетителя, и от этого сосредоточенного рассматривания неведомо с каким намерением направленного, вошедшему оказалось не так уж и уютно. Когда он присел в предложенное кресло, оно будто тяжело вздохнуло под ним, напрягая свою воздушную пухлость и невесомость, но все-таки привычно удержало тяжесть очередного человеческого тела в равновесии своей мягкости.

-- В каком смысле -- "по какому каналу"? -- в настороженной интонации переспросил молодой человек.

-- Мы официальная фирма и по знакомству не работаем, -- суетливо, но уже не

подавляюще заговорил мужчина в белом халате, -- канала у нас всего два: один из них -- всевозможная реклама, а другой -- наши агенты. Так по какому из перечисленных: Реклама?.. Рекомендация агента?..

-- Агент, ваш агент рекомендовал обратиться.

-- Через что ты вышел на агента?

-- Как это через что? Сами же знаете, почему я обращаюсь.

-- Я не это имею ввиду, не твое недовольство собою, с этим разберемся обязательно и думается в положительном варианте, надеюсь как всегда. -Хозяин кабинета не надолго замолчал, исподволь, скорее исподтишка, посматривая на посетителя. Потом он глубоко вздохнул и, словно заученной заранее скороговоркой, применяемой в подобных случаях, проговорил несколько вариантов ответа, -- поликлиника, больница, улица, отделение милиции, другое. В каком-либо из этих, названных мест? Мне необходимо знать для статистики, для правильного и оперативного рассредоточивания сил фирмы, бизнес должен быть эффективным. Прибыли, голубчик мой, не последнее дело в нашей работе.

-- С вашим агентом я познакомился на улице, -- тут же ответил молодой человек, как только отговорил мужчину в белом халате.

-- Очень хорошо. Вот, возьми-ка анкетку, -- хозяин кабинета протянул несколько листков бумаги посетителю, -- заполни ее. Будет что-то не понятно -- спрашивай, вместе разберемся, я помогу. Документы при себе имеются? -ненавязчиво спросил он и добавил, -- я имею ввиду паспорт и подобное.

-- Все есть, что нужно, ваш агент консультировал.

-- Ну, что ж... заполняйте анкету, -- коротко, будто обрывая напрасную трату времени, сказал хозяин кабинета, снова одел свои очки и отвернувшись к монитору, стал своими костлявыми пальцами пощелкивать клавишами на клавиатуре компьютера.

Прошло приблизительно с пол-часа, прежде чем молодой человек ответил на все полагающиеся вопросы анкеты и протянул заполненные листки мужчине в белом халате обратно. За все время заполнения анкеты посетитель ни разу не обратился за помощью к хозяину кабинета и потому представитель фирмы, оторвавши внимательный взгляд от монитора, снова снявший привычно свои очки, тут же суетливо углубился в изучение изложенного по пунктам материала.

-- Так-так... -- изредка приговаривал он, -- ясенько... хорошо...

Молодой человек терпеливо ожидал своей участи и не отрывал своих глаз от прищуренного лица читающего, но мало что было понятно парню из обрывистых, не связанных друг с другом фраз представителя фирмы, и потому, настороженность его росла.

-- Ладно. Все понятно, -- вскоре подытожил свое изучение хозяин кабинета. -- Вот тебе пачка фотографий, -- и он протянул посетителю не большой по размерам, но увесистый черный пакет.

Молодой человек принял пакет, развернул его и принялся рассматривать, медленно отлистывая одну за другой, фотографии, на которых были изображены девушки, девочки, женщины, и даже довольно симпатичные старушки. Когда он просмотрел всю пачку фото-лиц, то представитель фирмы предложил ему пересмотреть ее заново еще раз и всю:

-- Ты должен выбрать и показать мне ту, которая тебе более к лицу, каким бы ты не отказался жить. Думаю, ты меня понимаешь.

Посетитель быстро перешерстил некоторое количество фотографий и бегло положил одну из них на стол подвинув ее к представителю фирмы поближе.

-- Губа у тебя не дура! -- воскликнул представитель фирмы. -- Кажется, так говорят обычно. Хороша девочка. Ты больше не хочешь выбрать что-нибудь еще, так сказать, для расширенного определения, или тебе нравится только эта?

-- Есть еще одна, но, она...

-- Что такое, говори, может, похлопочем.

-- Она, еще не зарегистрирована у вас.

-- Подскажи, где ее можно отыскать, наш агент поработает.

-- Ее не надо искать. Она здесь.

-- Ну, так вытащи же ее из пачки.

-- Вы меня не так поняли, она здесь, но не в пачке, а там, -- молодой человек кивнул головой в сторону фойе-приемной, -- сидит в кресле.

-- Теперь понятно, -- как бы успокаивая свой интерес, произнес представитель фирмы, -- она сейчас, так сказать живьем, в приемной сидит. Я правильно тебя понял?

-- Да, она там.

-- Хорошо. Я буду иметь это ввиду, но только ей ничего не говори. Выйдешь отсюда через другую дверь, -- и хозяин кабинета указал правой рукой в сторону предложенного пути для ухода посетителя. -- Придешь ко мне через три дня, в эту пятницу, не опаздывай, ровно в десять утра. Вот тебе памятка о том, что необходимо тебе будет иметь и сделать, прежде чем явишься в назначенный срок.

-- Молодой человек удалился из кабинета, рассматривая на ходу прихваченную памятку.

-- Следующий, пожалуйста, кто? -- прозвучал в приемную голос представителя фирмы через проем, в очередной раз приоткрытой им, входной кабинетной двери...

... Наступила пятница. Широкоплечий, среднего роста и телосложения, с заостренным носом и глубоким выражением черных, смоляных глаз, с длинными и пышными, ниже плеч волосами молодой человек, в разноцветных кроссовках и в темно-синем спортивном костюме постучался, в уже знакомую дверь, ровно в десять часов утра, как и было ему, грубовато, велено три дня назад.

Через несколько секунд входная дверь в рабочий кабинет представителя фирмы открылась. Как и в прошлый раз, ее открыл хозяин кабинета, мужчина в белом халате.

-- Проходите, голубчик мой, -- нежно и порядочно заговорил он, --проходите и присаживайтесь в кресло... А я, признаться, было уже начал немного волноваться за вас, когда более подробно изучил ваши документы, -словно отчитался он за последние дни своей работы в адрес молодого человека, усаживаясь за свой рабочий стол.

-- Почему же так! Я дисциплинированный в таких серьезных вещах, -оповестил милого собеседника парень, размышляя про себя: "В прошлый раз обращался на "ты", а теперь..., будто заискивает для чего-то?"

-- Вы наверно удивлены, -- стал объясняться представитель фирмы, -почему это он, мол, то есть, я, во вторник -- на "ты", а в пятницу -- на "Вы"?.. Все очень просто.

"Будто мысли читает", -- подумал парень.

-- Так вот, я говорю -- все очень просто, -- через паузу продолжил далее представитель фирмы. -- На "ты" я называю всех, абсолютно всех, кто приходит к нам и уходит безвозвратно, но, когда я прочел ваши документы и убедился в обратном, в том, что вы обязательно вернетесь к нам, то, признаться, немного заволновался даже, мало ли что, а вдруг-таки передумаете, хотя и маловероятно, но все же -- всякое бывает, а для нашей фирмы каждый верный клиент -- это перспективный доход, прибыль, голубчик мой! А, сами понимаете, верный клиент, это уже -- человек уважаемый, это уже -- "вы"! Правда, пока не больше, но и не меньше того! Думается, что теперь вы успокоились и мы имеем возможность продолжить нашу работу?

-- Конечно, -- как бы мимоходом улыбнувшись, подтвердил молодой человек и пожал, неожиданно, ему, во мгновение протянутую руку представителя фирмы.

-- Теперь, пожалуй, мы можем пройти в соседнюю комнату, где мы и оформим с вами наши дальнейшие совместные отношения. Необходимо все скрепить договором и оговорить отдельные деликатно тонкие нюансы, -- отчеканил, выпрямившись во весь небольшой рост, представительно, как это бы он сделал на заседании сотрудников фирмы, мужчина в белом халате.

Соседняя комната выглядела совершенно так же, как и рабочий кабинет представителя фирмы, только окна в этой комнате не было, вместо него, там, где бы должно быть окно, во всю эту стену, мелодично красовалась фотографическая картина золотистого осеннего

лесного пейзажа, выполненная на бумаге и наклеенная непосредственно на стену от пола до потолка. Картина подсвечивалась особенно, так, что свет, нескольких подвешенных на потолке фонарей, освещающий ее, вырисовывал дополнительную глубину изображения и создавал иллюзию присутствия живого отрывка леса здесь, в этой комнате, и работа скрытого кондиционера воздуха подчеркивала объемность такого присутствия. Молодому человеку было, так же, предложено присесть в очередное кресло, что он и сделал без промедления, а мужчина снял свой белый халат, повесил его на вешалку во встроенный шкаф и предстал теперь перед своим посетителем в шикарном серого цвета атласном костюме. Поправив свой галстук, он занял свое место за столом с весьма гордым и официальным видом усевшись во вращающееся кресло на колесиках.

-- Кажется, можно приступить, -- сказал вдохновенно он. -- Георгио Фатович Ворбий, к вашим услугам! Учредитель фирмы "Обратная сторона", -отрекомендовался торжественно мужчина.

-- Очень приятно, -- с нескрываемым удивлением отозвался на представление молодой человек. -- Ну..., а меня вы уже знаете по документам.

-- Нет уж, уважаемый, будьте добры и не сочтите за труд, но представьтесь тоже. Поймите, голубчик мой, ваше представление важно не для апофеоза или каприза настроения -- это своеобразное начало ритуала нашей фирмы. Необходимо оставить прежнюю вашу жизнь в том кабинете из которого мы сюда с вами явились. Итак...

-- Бондаревски Юрий Анатольевич, -- отрекомендовался молодой человек.

-- Рад. Весьма рад иметь с вами дело, Юрий Анатольевич, -- подытожил словесный камуфляж представитель фирмы и снова протянул свою руку, но на этот раз не спеша, клиенту.

Обменявшись очередным рукопожатием, оба, сидящих друг против друга человека, с пару, почти неуловимых секунд, смотрели глаза в глаза.

-- Итак, первое условие нашей фирмы, -- заговорил Ворбий. -- Оно заключается в знакомом и в присущем всему на свете: в энергии обмена. А раз обмена, то, как вы, Юрий Анатольевич понимаете, состоит, это условие из двух, неразрывно связанных, частей, компонентов, так сказать.

-- Я не совсем понимаю вас, -- насторожился Бондаревски.

-- Выражаюсь естественнее :мы, наша фирма производит определенную, жизненно необходимую для вас, работу, а вы ее оплачиваете. Результат нашей работы вам известен, иначе бы вы не сидели сейчас передо мною. Теперь, думаю, наступила пора...

-- Сколько это стоит?

-- Вот-вот, я именно об этом и говорю, -- согласился с вопросом клиента представитель фирмы. -- Наступила пора знать вам и второй компонент. -Бондаревски замер во внимании. -- Это стоит, не имею точного представления как для вас, но в масштабе "Обратной стороны", -- сущий пустяк.

-- Сколько же? -- не выдержал Бондаревски.

-- Двадцать тысяч.

-- Чего? -- поторопил прояснение ситуации клиент.

-- Вы меня обижаете. Долларов, конечно же, долларов.

-- Долларов?.. -- разочарованно и медленно произнес, будто переспрашивая у самого себя, молодой человек. -- У меня нет... таких денег, -- окончательно поникшим голосом подытожил он.

-- Правильно, -- весело продолжал как ни в чем не бывало Георгио Фатович. -- Скорее всего может и не быть никогда! Но нам вы их обязательно выплатите!

-- Как?! -- только и вырвалось у клиента, и нарастающий поток гнева почувствовался даже в этом коротком "Как?!"

-- Согласно контракту, который вы подпишете, вы обязаны будете отработать за границей, скажем..., в той же Бельгии -- два года, и все там заработанные вами деньги будут перечисляться на счет "Обратной стороны".

-- Но, я же должен буду там на что-то существовать, а это -- растраты, смогу ли я собрать такую сумму?

-- Это уже не ваша забота!.. Ваше дело будет заключаться только в одном: добросовестно выполнять свои, определенные, рабочие обязанности. Вас будут кормить, вам будет где жить, а также доставка к месту работы и обратно, в Россию, гарантируется -- бесплатной!

-- Тогда, в чем же резон? Я не понимаю.

-- Им, работодателям, удобен для своего бизнеса дешевый наемный труд, вам будут платить меньше, чем, если бы платили бельгийцу, а вы будете выполнять различного рода черновые работы, совершенно не требующие никакой квалификации. Это слишком долго мне объяснять вам, да и нет необходимости, в чем, и что, заключается и, как оно исчисляется. Важно, что эта сделка выгодна вам, нам и работодателю.

-- Хорошо, я должен подумать.

-- Вам придется ответить сейчас или мы больше не примем вас никогда, --определился представитель фирмы и нежно улыбнулся в лицо клиенту.

-- Что ж... У меня нет выбора... Я согласен с такими условиями.

-- Вот и прекрасно! -- воскликнул торжественно и театрально Ворбий. --Она тоже согласилась, -- добавил он.

-- Кто? -- опять насторожился было начинающий смиряться со своей участью клиент.

-- Та самая девушка, на которую вы "положили" глаз во вторник, в первый свой приход сюда.

-- Согласилась на что?

-- На эти условия конечно же, а вы думали на что?

-- Не знаю.

-- Как вам угодно... Итак... Остается добавить, что для последующих событий, в которые вы, с момента подписания контракта, вольетесь, вашего, или ее, вашей избранницы, согласия, больше ни какого, не потребуется. Потому как, все остальное -- технология, наша забота, фирмы, непосредственный процесс нашей для вас услуги, и здесь: и ей, вашей избраннице, и вам, все остальные условия просто придется выполнить.

-- А что это за условия?

-- Сама процедура, но об этом потом. Подпишите контракт, он перед вами на столе.

Бондаревски подписал контракт и Ворбий тут же положил его в секретный сейф вмонтированный в стене лесного пейзажа.

-- На этом моя работа оканчивается, а вам я предлагаю пройти через ту дверь, -- и представитель фирмы вежливо указал рукой на соответствующую дверь. -- Там вас подготовят и произведут с вами все необходимое. Прощайте, голубчик мой.

-- До свидания, -- сказал молодой человек.

-- Прощайте, -- настоятельно повторился Ворбий.

Когда молодой человек оказался в следующем помещении, то ему незамедлительно захотелось вернуться в комнату с лесным пейзажем и он попробовал обратно открыть дверь, через которую только что очутился здесь, но..., дверь была заперта и даже не дрогнула под сильным рывком.

-- Обратной дороги нет, -- услышал он чей-то крепкий голос за своими плечами. -- Истерики не помогут, ты уже не принадлежишь себе -- ты теперь на все время контракта -- собственность "Обратной стороны".

-- Я свободный человек! -- панически вскричал, не оборачиваясь, клиент.

-- Был. До контракта, -- безоговорочно подытожил все тот же, неумолимо спокойный и властный голос.

И вот: зазвучала музыка -- тихая, шелковистая.

Медленно... повернулся Бондаревски на музыку, чуть ли не лицом к лицу он оказался перед молодым человеком, видимо которому и принадлежал голос. Этот человек выглядел атлетически накачанным, его мышцы были высвечены будто подтеками неяркого,

удивительного света. На нем был одет белый длинный фартук и штаны, напоминающие шаровары. Атлет стоял на белокафельном полу босиком, коротко подстриженный, с мясистым лицом. Такому невозможно было отказать в повиновении и Бондаревски предложил сам то, что он ясно теперь понимал -- от него все равно потребуют.

-- Куда мне пройти? -- спросил Бондаревски.

-- За мной,-- тут же раздался непоколебимый голос и Атлет развернулся и увесисто прошагал за длинную, протянувшуюся во все громадное помещение кипельно белую ширму.

Здесь клиента встретил еще один, такой же, Атлет, и оба, эти громадные человеческие существа, легко подхватили Бондаревски на руки и мягко уложили его на жесткую широкую кушетку. И когда Бондаревски, немного освоился со своим лежачим положением и стал разглядывать все вокруг, то тут только, он, внезапно, увидел ту самую девушку, что находилась с ним вместе в приемной фирмы, во вторник, и, о которой напомнил ему представитель фирмы в "лесной комнате". Это была, действительно, она, но он даже не знал как ее зовут. Девушка лежала, так же, на широкой кушетке недалеко от него и она приветливо улыбнулась ему:

-- Мужайтесь, -- прошептала она молодому человеку пока Атлеты возились возле какого-то нагромождения приборов и переключали какие-то выключатели и нажимали беззвучные кнопки. И молодому человеку снова захотелось встать и уйти отсюда, но...

Неожиданно, в это громадное помещение, видимо, кто-то вошел еще, потому что Атлеты сразу же отошли в невидимую зону для Бондаревски, и, где-то, далеко за его головой, с кем-то негромко, но активно запереговаривались.

После этого, не продолжительного, своеобразного совещания, послышался откуда-то из глубины помещения, но, опять же, из невидимой зоны для Бондаревски, мягкий, вкрадчивый голос:

-- Приступим, уважаемые господа. Расслабьтесь, закройте глаза.

И молодой человек и девушка закрыли глаза, но Бондаревски попытался открыть их, когда почувствовал чье-то присутствие рядом со своей кушеткой.

-- Закройте глаза и не волнуйтесь, -- внушительно сказали ему.

Молодой человек даже не успел хорошо разглядеть что-либо, только лишь какое-то передвижение белых пятен, скорее всего -- это были Атлеты, но команда закрыть глаза исходила не от них, она была повторена все тем же мягким и вкрадчивым голосом, но только, на этот раз некоторая нервность почувствовалась в нем.

Только теперь Бондаревски понял, когда вдруг снова услышал звучание музыки, понял, что она перестала звучать, сразу же, как Атлеты уложили его на кушетку, но он, этого даже не заметил. Музыка, сочно насытила все, понимаемое молодым человеком, пространство вокруг. Музыкальная, свежая и не плотная вязкость пространства, почти что ощутимая телесно, будто овеивала прохладой, солнечным теплом. С Бондаревски, сняли спортивный костюм и нижнее белье, по-прежнему запрещая ему открывать глаза, и теперь его тело нежилась и сочилось музыкой пространства. И вдруг: острая боль, довольно глубоко, вонзилась в руку молодого человека, где-то, в районе локтя и Бондаревски свирепо вскричал:

-- О-о! Господи! -- а музыка продолжала звучать все так же, сладостно, но только теперь она воспринималась как насмешка, и Бондаревски снова попытался открыть глаза: перед ним промелькнул шприц, а глаза ему, тут же, насильно залепили каким-то клейким материалом. Молодой человек сделал попытку встать, но сразу же понял, что выполнить это действие он не может -ни руки, ни ноги, ни голова -- не слушались его.

Вскоре боль утихла и музыку словно приглушили. Бондаревски пытался хоть за что-нибудь ухватиться, потому что он стремительно падал в какое-то бездонье и нарастала скорость этого падения, отчего все отчетливее, доносился шум возникающего ветра из ничего, а далее ветер, перемешанный с гулом и пустота, провал, только память о том, что он где-то и какое-то время находился.

Молодой человек открыл глаза.

-- Как вы себя чувствуете, Виктория Леонидовна? -- задал молодому человеку вопрос

один из Атлетов, стоящих у его изголовья.

Бондаревски пошевелил головой, она поддалась и он осмотрелся по сторонам, но не увидел к кому же обратился Атлет, почему-то смотрящий ему в глаза.

-- Что со мной было? -- спросил Бондаревски.

-- Пожалуйста, скажите мне: как ваша фамилия, имя и отчество? -- настоятельно поинтересовался Атлет, все так же смотрящий в упор.

-- Бондаревски Юрий Анатольевич, -- без особого труда ответил клиент.

-- Вам предстоит научиться отвечать правильно, иначе... -- атлет на мгновение замолчал, -- сразу отсюда вас упекут в сумасшедший дом.

-- Но, я же, действительно, Бондаревски! -- удивленно и жалобно проговорил молодой человек.

-- Вы... теперь девушка. Девушка! Привыкайте... И Фамилия ваша...

Профессор

Василий Федорович Аршиинкин-Мертвяк выглядел довольно непривлекательно и если бы не его социальное положение... Никогда бы не подумал кто-либо, глядя на этого шестидесятилетнего человека, что он является профессором университета: низенького роста, живот выпячивался так неестественно, что только уродовал его обладателя, но никак не выказывал достаток или упитанность тела, невысокий лоб, глубокие морщины на продолговатом лице, глаза грязного цвета, всегда плохо выбрит, прическа седых волос, часто во многих местах перемята залежнями от ночного сна, а голос -боязливо-трепетный.

Был Василий Федорович дважды женат. С первой супругой разошелся, наживши в этом браке двоих детей. Эта, первая жена его являлась "сухим адом", как всегда произносил он присказку в ее адрес, если доводилось с кем-нибудь поделиться ему судьбою своих ранее прожитых лет. Женился он на этой женщине, еще будучи студентом, по стечению обстоятельств. И потом, всякий раз, будет кричать на свою невестку, при каждом очередном скандале, мать Василия Федоровича: "Растопырка! Подлегла под мужика! Губительница!" "Будущая "губительница" тоже училась в университете и была на первом курсе, а Аршиинкин-Мертвяк тогда, как он выражался, "распечатал" последний год обучения на том же факультете, что и она: худая, свитая из жесткой и угловатой деревенской мускулатуры, с длинным и острым носом, глаза, рассказывал друзьям Василий Федорович, "в кучку", волосы редкие, часто потом вызывавшие брезгливость у мужа, злая до истерик, но трусливая до звонков в отделение милиции -- если она была дома, то соседи по квартире, а жил в ту пору Аршиинкин-Мертвяк в коммуналке, не высывались из своей комнаты, чтобы просто не видеть ее, но слышать при-ходило, потому что орала она и на мужа и на двух сыновней истошно и мучительно. Дети являлись погодками: еще грудью кормила одного, а ходила беременною другим. "Чтобы мужа к юбке привязать!" -- говорила про это мать Василия Федоровича. Дети подрастали: старший, еще кое-что соображал, а второй сын родился и рос с явными признаками дебилности. Позже, Василий Федорович понял еще одно неприятное для него, что жена ни капельки и никогда не любила его, а замуж за него вышла из-за Москвы -- хотелось ей жить в столице. Аршиинкину-Мертвяку мечталось учиться дальше, но возможности в такой "семейке" у него не было и он, все-таки, решился и -- покинул ее. Ушел жить к своей одинокой матери, а вскоре мать умерла и, несколько лет Василий Федорович просуществовал один в трехкомнатной квартире старого, не высокого домика, который располагался неподалеку от Таганской площади в Большом Дровянном переулке, зато окончил аспирантуру и защитился, и вскоре получил первое свое звание кандидата наук. Потом наступило время второго брака. Вторую жену, Аршиинкин-Мертвяк любил, заморожено и ненасытно, но была она весьма болезненной. Два года прожили они вместе: душа в душе. Но случилось. Катенька родила, умерла. Василий Федорович больше не женился, вырастил дочь самостоятельно. (Теперь она заканчивала тот же факультет Университета, что и когда-то ее отец.) Девушка созревала. Все чаще задумывался Василий Федорович о том, что приближается самое трудное время: дочь, похорошевшая и взрослая, рано или поздно, выйдет замуж. Это очень беспокоило Аршиинкина-Мертвяка. Дело в том,

что дочь Юленька была невероятно похожа на свою покойную мать -- дьявольская, соблазнительная копия. Василий Федорович мучился и хотел видеть Юлю всегда рядом с собою. Страшные мысли приходили в голову, уставшему от неопределенного, многолетнего ожидания, Василию Федоровичу. Наедине с собою и в присутствии дочери, он все чаще раздумывал о многих решениях, не укладывающихся в рамки социума -- но пугался подобных мыслей Аршиинкин-Мертвяк и заставлял их замолкать, и они отпускали его, на какое-то время, но снова и снова являлись эти мысли к нему и укоряли за не гостеприимство с его стороны, и тогда он обнажал их в своем дневнике.

Когда он видел Юлю в обществе какого-нибудь очередного поклонника, то всячески старался либо ему понравиться, либо отыскать в нем будущего врага и каким-нибудь образом отговорить "наивную" дочь от общения с ним. Теперь Василий Федорович жил в достатке: и машина и дача, множество импортных вещей, счета в банках, -- все имелось "для дочери".

... Зимним солнечным утром воскресного дня, привычно, в девятом часу, исполняющий обязанности профессора психологии столичного университета Василий Федорович Аршиинкин-Мертвяк, по кличке Мертвец в студенческой среде, вышел из подъезда того самого дома, что по соседству с Таганкой, сел в собственный автомобиль "БМВ", и лихо скульнули задние колеса машины, когда ее хозяин резко нажал педаль акселератора. Автомобиль через несколько мгновений выскочил из крохотного дворика и скрылся за углом соседнего дома разматывать привычный клубок дороги в такой день.

Василий Федорович ехал за город на свою дачу. Одет он был в утепленный черного цвета лыжный костюм и думалось ему на редкость сегодня легко, не одолевали мрачные мысли о до-чери. Сейчас, когда он мчался уже по объездной кольцевой дороге, Юля еще спала дома, потому что Василий Федорович, не отрываясь от управления автомобилем, дважды успел позвонить к себе домой по недавно приобретенному им японскому радиотелефону. Звонками он как бы убеждал себя. "Я ей верю. И потом, -- думалось Василию Федоровичу, -Юленька сегодня безоговорочно обещала мне: никуда не ходить и ни кого не принимать до шести часов, до моего вечернего возвращения. У нее много работы по дому, да и английский займет немало времени -- жаль, что ускоренный курс Илоны Давыдовой быстро осваивается!" -- размышлял Василий Федорович и в конце концов он поймал себя на мысли, что абсолютно забыл о дочери и вспомнил о ней только тогда, когда уже въехал в коттеджный поселок, где и располагалась его дача. Определенное время пути профессор был предоставлен сам себе, что давно не случалось, и здесь его фантазия впервые разыгралась вольно и властолюбиво. Василий Федорович воображал себе: как если бы он, вдруг -- смог, по волшебству, прямо сейчас, оказаться молодым и красивым человеком, тогда бы "к черту диссертации и прочие университетские шалости!" -- думалось ему, зажил бы при сегодняшнем достатке своем легко и непринужденно, как полагается. И так размечтался Аршиинкин-Мертвяк за рулем, что страшная мысль, из тех, которые мучили его, подкралась и заставила снова вспомнить о Юле. И по коттеджному поселку он ехал медленно, словно опасался собственного порыва обезумевшей фантазии, которая, казалось, могла в любую секунду подавить своего породителя и ввергнуть его в свои уродливые проявления, где нету старого и некрасивого профессорского тела, а есть молодое и крепкое, и ринулось оно жить, да еще как!.. "Нет... Успокойся... Достаточно..." -- сосредоточивался Василий Федорович.

Когда он добрался до окраины поселка и уже почти подъезжал к спортивному комплексу, он совсем успокоился и взял себя в руки.

Сегодня предстояло: поиграть несколько партий в большой теннис, "если выдержу" -- подумал профессор, попариться в финской бане, подумать в шахматы, прогуляться в лесу и, немного отдохнувши у себя в коттедже -ринуться снова на автомобиле в Москву.

-- Удачного воскресенья вам, Василий Федорович! -- вежливо улыбнувшись, сопутственно пожелал профессору высокий и крепкий молодой человек, подавая ему полотенце.

-- Здравствуй, Миша! -- приветливо похлопав парня по плечу ладошкой, задумчиво

проговорил Василий Федорович. -- Нам активно отдыхать, а тебе работать!

-- График есть график, и сегодня моя смена, -- бойко и уважительно отчеканил молодой человек.

-- Ладно. Передал бы свой гр-р-афик, -- шутливо и подвижно заговорил Аршиинкин-Мертвяк, -- кому-нибудь, да к нам, в университет, на мой факультет, а? Что скажешь?

-- Василий Федорович! -- словно попросил пощады в игривой интонации парень. -- Спорт и я -- одна семья! Хочешь кончить дистрофией -- подружись с философией!

-- С философией, Миша, с философией, -- грустновато заключил профессор.

-- А может, вы к нам, Василий Федорович?

-- Я!?!... -- призадумавшись воскликнул Аршиинкин-Мертвяк, и ничего не отвечая, зашагал по длинному коридору по направлению к большому спортивному залу.

-- Вы что..., обиделись!? -- раскатисто и громко окликнул профессора молодой человек, испытывая неловкость от ситуации, но профессор продолжал удаляться молча, -- Василий Федорович -- я пошутил! -- немного заволновался парень.

-- Ладно, -- на несколько мгновений остановившись и обернувшись назад, подкрикнул молодому человеку Аршиинкин-Мертвяк и внезапно взбодрившись, добавил: -- Так держать, Миша!

И молодой человек облегченно вздохнул в сторону удаляющегося профессора и о чем-то задумавшись, смотрел ему вслед, пока Василий Федорович не скрылся с его глаз за дальним углом коридора...

Душою профессор был чувствителен и от этого не всегда успевал сдерживать ее в собственных сооруженных законах. Он существовал, помимо социальной логики, еще и в своей, дополнительной, внутренней логике жизни и потому труднее было ему, чем кому-либо, переносить экстремальные ситуации. Иной раз не совпадали выводы социума, общества людей, с его пониманием той или иной ситуации, и тогда радость в душе Аршиинкина-Мертвяка могла сражаться со своим осуждением, а печаль и беда, возникающая в его окружении, случалось, разукрашивалась личным восторгом и одобрением. Отсюда и прослыл профессор Василий Федорович, среди своих коллег и знакомых, интересным, неординарным, но с тяжелым характером человеком.

Его ни то чтобы уважали, скорее, не всегда понимали, как он бы того хотел, и многие просто не знали как себя с ним вести, отсюда и стиль его отношения с людьми отработался: коротко, по существу, конкретно, а если удавалось возможным, то и вообще не общаться.

На теннисной площадке большого спортивного зала играли в мячик двое: оба играющих высокие, спортивно сложенные люди, мужчина и женщина, средних лет, знакомые Аршиинкину-Мертвяку по университету: лаборанты-химики. Они подбадривали каждый сам себя комплементами, то по поводу удачного удара, то по поводу виртуозного прыжка, похваливали себя, и лишь изредка критиковали, будто выступали в роли собственных комментаторов игры. Профессора, потихонечку присевшего на краешек длинной деревянной лавки, протянувшейся вдоль стены спортивного зала, они долго не замечали, а он, напряженно наблюдал за тем, как сияющей белизны мячик, словно штриховал, пытался заштриховывать карандашно, пространство между играющими, но белые штрихи его тут же таяли, не оставляя следа, согласно инерционной памяти зрения. Профессор тоже пытался заштриховать в своей памяти этим наблюдением игры то состояние, которое возникло у него десятки минут назад во время езды в автомобиле сюда, и эти его усилия, попытки также бесследно таяли, как и следы от мячика, в памяти его сложного сознания, и теперь, порожденное минутной слабостью внутренних законов, состояние, продолжало отчетливо помниться, хотя и не назойливо и без чувств, но все же -- мешало переключиться на привычную среду переживаний и размышлений, оно фотографически, портретно присутствовало и смотрело в упор на Аршиинкина-Мертвяка и являлось единственным свидетелем профессора, видящим его изнутри. Состояние молчало, но оно неумолимо понимало то, что никто не мог понимать, и Василий Федорович знал, что

оно никому и ничего не расскажет и не шепнет, но все же... это его стесняло и порождало дополнительный дискомфорт и неуклюжесть. Так, в никем не замеченном сидении на лавочке большого спортивного зала, определенное время профессор просидел в собственности своего одиночества, которое все больше, с годами, пыталось навязываться ему.

"Наверняка они скоро поженятся..." -- продолжал размышлять про себя профессор в адрес рассматриваемых им, корчущихся в падениях и прыжках, гибко изламывающихся фигурок людей с ракетками в руках на теннисной площадке, занятых упругостью мышечного азарта. -- "Они еще молоды и свежи, а я..." -думалось грустновато ему.

Неожиданно профессор опять вспомнил о дочери. -- "Теперь она проснулась уже, девочка моя", -- сладко проговорил одними губами.

Василий Федорович неохотно брал с собою по воскресеньям Юлию на дачу, и, хотя и переживалось ему о том -- как же там она в городе, а главное с кем и для чего, но и здесь, если случалось такое, что она все-таки приезжала с ним отдохнуть -- беспокойства хватало в достаточности: соблазны мужских улыбок вокруг, а главное -- множество знакомых, которые вполне могли бы обманом развести отца и дочь по разным углам коттеджного поселка, и тогда могло бы случиться то самое, пугающее, отчего нередко случалось у профессора, на какое-то время пропадал аппетит и сосущая, неумолимая бессонница поднимала его посредине подобной ночи, уставшего от напряженного лежания в постели. Но и не ездить на активный отдых профессор не мог, потому что это единственно поддерживало его телесную форму, а оказаться обузой и развалиной для дочери, такой шанс для судьбы он предоставить не мог и не желал.

И вот, когда профессор, порядочно увлекшись, увяз глазами в мельтешение мячика, душою в переживаниях, а мыслями в смятении, в большой спортивный зал, он и не заметил как, тихо вошел и присел рядом с ним его многолетний коллега и в какой-то мере близкий приятель, тоже профессор, но психологии, Порядков Петр Алексеевич, который был на пять лет помладше Аршиинкина-Мертвяка. Петр Алексеевич с оттопыренными ушами, охотник до не всегда уместных и скромных шуток в разговорах один на один, случалось и язвительных подколов в адрес не слышащих об этом окружающих, а привычка слегка прищуриваться, часто придавала его лицу не существующую на самом деле застенчивость, на чем не раз обманывались многие студенты, особенно при сдаче экзаменов и зачетов.

-- Сидим? -- потихонечку шепнул на ухо своему приятелю Порядков.

-- А-а!? -- едва было встрепенулся от неожиданности возникшего рядом с ним человеческого голоса Василий Федорович, но тут же, "на лету" сориентировался и успокоился. -- Когда ты вошел? Я тебя и не заметил, -сказал он.

-- Пятьдесят процентов победы -- неожиданность! -- торжественно произнес, спортивно расправившись в плечах, Петр Алексеевич. -- Плюс пятьдесят процентов моей игры и можешь считать заранее, что ты уже на лопатках, друг мой, партия за мной!

-- Психологическая обработка противника до начала поединка -- это не лучший спорт, коллега. Но поверь мне: ты напрасно думаешь, что испугав меня до игры своим появлением -- заставишь тем самым испугаться и на площадке, потому как я, без сомнения, умею знать, что Солнце -- не есть Земля, а Земля не есть Солнце.

-- Но ты же не станешь отрицать, что и Земля и Солнце -- есть единое целое.

-- Совершенно верно и бесспорно, -- определился Василий Федорович. -Но... и Земля и Солнце не могут существовать больше того, чем они есть на самом деле относительно друг друга, в противном случае: либо Земли, либо Солнца не существовало бы вовсе.

-- Один ноль в твою пользу, коллега, ты как всегда прав: к чему производить игру, если уже победил, уж лучше посражаемся! Не так ли?

-- Конечно, -- утвердительно одобрил Василий Федорович вывод профессора психологии.

В это время, играющие на площадке химики-лаборанты, завершили свою партию и пожали друг другу руки. Наконец-то они открыли для себя присутствие в зале двух

профессоров, ожидавших своей очереди поиграть, и теперь поднявшихся с лавки и направляющихся к ним. Лаборанты-химики, будто нашалившие студенты-первокурсники, немного сконфузились оттого, что не сумели заметить их раньше.

-- Я в такие годы как у них лучше бы не в мячик трахался, -- на ходу шепнул Порядков для ушей Аршиинкина-Мертвяка, -- и чуть погромче, чтобы слышали химики-лаборанты, добавил: -- Скажите, что я не прав, коллега?

Василий Федорович ничего не ответил на язвительность профессора психологии, потому что в это время оба они подошли к лаборантам-химикам и мужчина-лаборант спросил:

-- Мы на не слишком долго задержали вас в ожидании?

-- Поверьте, так заигрались, -- начала было оправдываться лаборант-женщина.

-- Все в порядке! -- тут же мило прищуриваясь, заговорил Петр Алексеевич. -- Мы в сторонке вдохновлялись на рыцарский поединок.

-- Да-да, -- подсказал Аршиинкин-Мертвяк, -- и благодарны вам за эту задержку, потому что успели совершить репетицию, сыграть маленькую партию психологии с философией.

-- И кто же оказался победителем? -- спросил, обтирая взмокшую шею полотенцем, мужчина-лаборант.

-- Пока ничья, -- глянув умиленно в сторону Василия Федоровича, ответил Порядков.

-- Надеемся, что на площадке -- озорно и по-девичьи улыбнувшись как бы начала подсказывать женщина лаборант и перевела дыхание. -- Из вас, все-таки кто-то обязательно окажется победителем?

-- Это буду я! -- высказал радость предвкушения игры Порядков.

-- Нет, не вы! Победителем будет сильнейший! -- подзадорил Петра Семеновича Василий Федорович.

-- Вот философы! -- затеатральничал гримасами профессор психологии, -и не сказал, что он победит, но и так все понятно, что все-таки он! Ну, и плутовская штука -- философия!

Когда химики-лаборанты ушли, Порядков, как обычно он умел это делать, перешел на дружески деловой тон:

-- Вечером в моем домике вечеринка, -- сообщил он Аршиинкину-Мертвяку с достоинством знатока подобных мероприятий.

-- Ну, и что ты хочешь этим сказать? -- рассматривая свою ракетку, спросил Василий Федорович.

-- Приглашаю! -- прищурился Порядков.

-- Кого, меня? -- спросил, посмотревши коллеге в глаза, профессор философии.

-- Конечно тебя, а почему бы и нет?!

-- Ты же знаешь: я не могу вечером -- это значит заночевать.

-- Да знаю все наперед, что скажешь: и что Юлька останется одна, и что волноваться будет. Так позвонишь ей, у тебя же теперь совершенство -радиотелефон! Соглашайся, Василий Федорович, не пожалеешь, -- и Порядков смачно причмокнул языком, как он это умел для большей соблазнительности. -Если, честно сказать, то одна особа, -- и он выдержал завораживающую паузу, -- лично меня попросила о том, чтобы ты обязательно был приглашенным на сегодняшний сабантуй.

-- Что ты хитришь, Петр Алексеевич! -- попытался отшутиться Аршиинкин-Мертвяк. -- Сказал бы уж, мол, так и так, надоело деградировать в мало интеллектуальных компаниях -- поговорить не с кем.

-- Ну что ты в самом деле! Я не шучу, действительно, именно тебя -дама приглашает, -- как можно серьезнее и с расстановками произнес Порядков, и ему и в самом деле стало немного обидно, и это почувствовал профессор философии.

-- Ладно, -- коротко подытоживая эту тему разговора, сказал Аршиинкин-Мертвяк.

-- Что ладно? -- продолжая выказывать обиду и предлагая определиться окончательно по этому вопросу Порядков, -- придешь или нет, что ли?..

-- До Бога высоко, а до вечера далеко, -- задумчиво произнес Василий Федорович, словно сказал так, для самого себя вслух.

-- Хорошо, вечером ответишь, -- понимающе согласился Порядок.

-- Будем играть? -- как ни в чем не бывало спросил профессор философии.

-- Естественно не играть! -- взбодрился профессор психологии и прибавил: -- только чур не поддаваться!

-- Еще чего не хватало... Пощады не жди!..

Сумасшедшая?!

-- Какая стоит за окном уютная ночь, -- тихо произнес Аршиинкин-Мертвяк, выглядывая в окно второго этажа собственной дачи в щель между штор и рассматривая небольшой, таинственно освещенный луною, и от этого почти неузнаваемый хозяйским глазом, дворик.

-- Уютная, потому что нам уютно, -- отозвался голос женщины позади него из глубины едва освещенной свечкою комнаты.

Сегодня весь выходной день профессор философии провел на подъеме ожидания, в ощущении вкуса приближения вечера, но вся его приподнятость сопровождалась легким налетом тревожной пыли раздумий о дочери, и от этого его растрепанное настроение выглядело будто сверкающий кристалл, оброненный неглубоко в мутную воду. Что редко случалось, но случилось теперь, и в объявившееся внезапно в таком стечении обстоятельств воскресенье, отчетливо проявилось у Василия Федоровича, даже замечая для окружающих: кратковременные вспышки эйфории, необъяснимой, необоснованной радости в течении этого дня, которая сочеталась контрастно с минутной задумчивостью, ответами не попадая на вопросы сотоварищей по коттеджному поселку. Что невероятного было для натуры Аршиинкина-Мертвяка, невероятного в его состоянии души в течение целого, теперь отзвучавшего дня? Профессор абсолютно уверен был, что не сможет отказаться заночевать на даче, от вечеринки предложенной еще утром Петром Алексеевичем. Но одновременно профессор, как бы занимаясь изучением собственной двухсторонней болезненной муки чувств, периодически сам же и подпитывал, вызывая жесткую дискомфортность чувств, и даже получал от этого нескрываемое удовольствие: с одной стороны, отказывал себе пойти на вечернее развлечение, которое одновременно он понимал -- обязательно произойдет с ним, с другой стороны, его одолевала невероятная жажда быть подле дочери и одолевала тем сильнее и больше, чем определеннее он подготавливал себя к вечеринке.

-- О чем ты опять задумался, Василий Федорович? -- через некоторое время безмолвия полуночных партнеров, одного -- в наброшенном на плечи халате маленько и сутуло стоящего у окна, другого -- лежащего в постели в ласковой наготе собственного тела, которая, сумрачно белела в приземистом освещении свечи, стоящей на низенькой тумбочке.

-- Слабый мужчина я для тебя, -- проговорил безлико и равнодушно профессор. -- Зачем ты со мною захотела переспать, -- оживляя некоторую, снова прорывающуюся, привычную унылость продолжал он, -- ведь, такое множество здесь, в поселке, молодых жеребцов?

-- Вот-вот, -- подтвердила она, -- именно -- жеребцов, -- и прихихикнувши в подушку, сказала: -- Все они хороши, и я спала со многими. Но как бы тебе объяснить, чтобы ты меня правильно понял, -- на мгновение серьезно задумалась женщина, -- я развиваюсь и живу символами. Да -наслаждение, и его всегда, было бы желание, можно получить, но символ -надо искать и долго приобретать.

-- Что-то не пойму, о чем ты хочешь сказать, о каком символе ты говоришь, когда тут все просто и ясно как белый день: стар и неуклюж в любви, вот и весь, как я понимаю, символ? Разве может принести такой, как я, удовлетворение? -- профессор отошел от окна и медленно удалился в глубину комнаты и теперь остановился у распахнутой ненасытности кровати, потому что присутствовала на ней женщина, по его убеждению, не получившая полноценного мужского общения. Халат соскользнул с его плеч на пол, и профессор виновато присел на кровать у изголовья женщины.

-- Поцелуй меня, -- нежно потребовала она, и Аршиинкин-Мертвяк, подавляя мужское неуважение к себе, наклонился плавно к ее лицу и едва прикоснувшись своими дряхлыми, понималось ему, губами, поцеловал ее свежий и ароматно пахнущий подбородок, но он не успел оторвать своих губ от него.

Женщина уловила напряженную шею профессора в объятия локтевых шелковистотеплых изгибов своих рук и неожиданно соскользнула влажно-прохладными губами прямо в губы Аршиинкина-Мертвяка, и тут же трепетно и крепко прижалась всеми своими изгибами тела к профессору.

Долгий поцелуй так же неожиданно, как и возник, прекратился: она освободила профессора от взволнованного объятия, и он отклонился от женщины и остался сидеть у ее изголовья.

-- В чем же символ? -- спросил он.

-- Вам... -- женственно вздохнула она мужчинам никогда не понять, пока вы сами не испытаете этого, не окажетесь женщиной...

-- Прости, -- остановил ее профессор, -- но ведь так же и женщинам, -не понять нас, мужчин, пока они не побывают мужчиной.

-- Бесспорно, но это другим, остальным женщинам.

-- Ты хочешь этим сказать: другим женщинам, но не тебе?

-- Именно так.

-- Но разве ты была в шкуре мужчины?

-- Позволь мне не отвечать на этот вопрос.

И Аршиинкин-Мертвяк, немного насторожился, но постарался никаким образом не высказать этого.

-- Хорошо. Не отвечай, -- согласился он.

-- Так вот, -- продолжила Виктория, внимательно присматриваясь к выражению глаз профессора в отблесках света свечи, как бы выискивая, думалось профессору, именно его сейчас настороженность по отношению к ней, не исключено, для того, чтобы поиметь повод прервать разговор и обидеться. Тогда профессор отвел свой взгляд от Виктории и продолжал слушать ее, определенно всматриваясь в огонь свечи. Так вот, -- говорила она, -- вам, мужчинам, никогда не понять, что если она, женщина, не может существовать только с одним мужчиной, так это не всегда от безрассудства, глупости, разврата или еще чего, а от другого, скажем: незнания, скорее даже -познания себя как женщины, женщины как таковой. Это тот самый момент, когда женщина не знает возможностей женского тела и потому обнаруживает эти возможности, изучает проявления своего тела и души как ребенок какую-нибудь игрушку. И только те женщины, которые твердо знают свое тело и понимают его -- быстро охлаждаются к нему или же всегда остаются в какой-то мере безразличными к своему естеству, а если нет..., есть еще один путь, но лишь для немногих женщин, которые, обнаруживают себя в соединении с истинным мужчиной, который проявлен в истинном символе, сотканном из бесчисленного множества необходимых для такой счастливой пары образов, дающих ей возможность раскрывать и познавать себя -- с этим, одним, единственным и незаменимым, но заменяющим и вмещающим в себя все и всех остальных.

-- Виктория замолчала.

-- Уверен, что ты, возможно, права, Виктория, -- прозвучал посвежевший голос профессора, смотрящего неотрывно в глаза женщине, еще не досказавшей. -- Но что же все-таки есть символ? -- придав своему голосу мягкую и заинтересованную интонацию, осведомился он, не притворяясь, выказав подлинную откровенность своей души, выказав то, что она, его душа сейчас и чувствовала на самом деле, а еще он почему-то боялся, что Виктория не продолжит начатый разговор на тему, от которой профессор находился каждый свой день неподалеку: дочь Юлия. -- Так что же все-таки символ? -- поторопил он ответ вторично, потому что Виктория все еще продолжала молчать.

Прошла осторожная минута со стороны профессора и загадочно-напряженная со стороны его партнера-собеседницы.

-- Тебе сколько лет? -- наконец, но неожиданно спросила она.

-- Двадцать, -- немного обиженно ответил профессор.

-- Я спросила серьезно.

-- Двадцать... Сорокалетней давности, -- грустновато подтвердил он.

-- Значит..., шестьдесят лет, -- подыскивая слова для продолжения разговора, как бы по пути передвижения своих мыслей, определилась она.

-- Значит, шестьдесят, -- будто машинально повторил за Викторией и профессор.

-- Слушай, ты прожил, -- заговорила она, -- шестьдесят и неужели так и ни разу не задумывался над этим?

-- Над чем?

-- Над символом.

-- Я все время пытался бороться только с его последствиями.

-- Что ты имеешь в виду?

-- Я примеряю на себя сказанное тобою и все совпадает. Ты говоришь символ, а я понимаю -- цель.

-- Можно и так, -- подтвердила Виктория.

-- Моя первая жена, (если бы я понимал тогда!), имела символ по отношению ко мне, когда выходила за меня замуж, всего лишь, остаться по окончании университета на жительство в Москве, и по осуществлении символа она стала уродливой натурой, отвратительным человеком.

-- Но она не виновна в этом. Она познает себя, -- пояснила заинтересованно слушающая профессора собеседница.

-- И это я теперь понимаю. Больше того, скажу, и каждый мужчина, как ты повествуешь о женщине, должен научиться заранее распознавать, и если не желает потерять любовь своей избранницы, то, и уметь во время выражать из себя -- очередной символ, новый и именно тот, который она, его суженая, еще не открыла, не познала, но теперь возжелала -- открыть и познать. Она, обладательница предыдущего символа, как исчерпавшего себя, ибо она его достигла, но она не может остановиться и, тем самым, продолжая собирать себя, она начинает стремиться и выискивать, иначе, убегая от деградации, новый символ, а развитие не может быть обвинительно, это все равно что ополчаться на свечение Солнца: оно есть и светит, потому что не может иначе. По-детски просто, по наитию природы, обнаруживает она в себе свое естество женщины, и потому ей будут всегда требоваться все новые символы, пока она не станет полностью женщиной, чтобы перестать быть и ею. И ты же не станешь отрицать, что мужчины так же познают и открывают себя, как и вы, женщины.

-- Ты присутствовал на защите моей диссертации? -- тут же ответила на вопрос вопросом Виктория.

-- Да, и потом внимательно читал ее содержание.

-- Тогда зачем ты, -- немного обидевшись, в свою очередь сказала собеседница, -- спрашивал о символе?

-- Не обижайся на меня. Одно дело знать об этом, и совсем другое, поверь мне, уметь правильно определяться в жизни.

-- Это касается тебя и сейчас?

-- Да... Моя дочь, Юлия... Я хочу остаться для нее в символе, целью -всегда необходимого рядом отца. Возможно ли такое?

-- Остаться отцом... -- задумалась, заботливо оживившись, Виктория. -Думается, в основном такое не составляет проблемы для большинства людей... Но отцом..., который всегда рядом...

-- Именно так, -- подтвердил без колебаний Аршинкин-Мертвяк.

-- Что значит рядом? -- поинтересовалась Виктория. -- В смысле, возьмем гиперболу, даже в постели?

-- Я не говорил этого, но... такое... -- замешкался стеснительно Василий Федорович,--

было бы в самый раз... Идеал, -- вырвалось у него.

-- Ты говоришь о таких вещах, о которых можно услышать только человеку понимающему.

-- Да, Виктория, и ты меня должна понять правильно: она, Юлия -- как две капли воды похожа на мою вторую жену, если хочешь, то она -- мой недостигнутый символ.

-- Так и займись ею, женой.

-- Она умерла. Давно.

-- Извини, я не знала, Василий Федорович.

-- Так, возможно ли это? -- будто и не слыша извинений в свой адрес, волнительно спросил профессор.

-- Возможно, -- коротко, но почему-то настолько убедительно сказала Виктория, что профессору, стало на какое-то мгновение, окрыленно легко, по-мальчишески шаловливо и радостно. Но это мгновение ускользнуло и логика отцовства предоставила свои достоверные оправдания:

-- Как же я буду выглядеть в социуме, не говоря уже перед самой дочерью, если я предложу ей свои руку и сердце? -- опечалено, словно позоря себя вслух, сказал он.

Некоторое время, они, Виктория и Василий Федорович молчали: Виктория словно решалась на что-то -- сказать или сделать, но профессор, не замечая ее чувственной подготовки на какое-то действие, сидел все так же, на кровати, но теперь -- мучительно охватив свою голову обеими руками и облокотившись себе на колени.

-- Мне сейчас трудно тебе это объяснить, но я сейчас подумала, что такую проблему под силу решить, только... "Обратной стороне" -- шепотом проговорила Виктория последнюю фразу.

-- Ты шутишь, -- не отрывая рук от головы, почти безразлично проговорил профессор.

-- Нисколько, -- в полуголосе, но твердо подтвердила Виктория.

-- Не надо. Я прошу тебя, -- умоляюще попросил Аршинкин-Мертвяк и, выпрямившись, посмотрел собеседнице в глаза.

-- Напрасно. Я думала тебе помочь и не более того, но то, о чем ты предположил, шутки исключены, Василий Федорович.

-- Хорошо. Помоги, -- безнадежно согласился профессор. -- Что это, "Обратная сторона"?

-- Как ты думаешь..., -- прошептала собеседница, -- кто я?

-- Виктория, -- начал было говорить профессор, но собеседница отрицательно покачала головой в знак неправильного ответа, -- я имел в виду, -- поправился профессор, -- Виктория Леонидовна Юсман, кандидат психологических наук.

-- Опять же... Неверно, -- не приняла ответа она.

-- Ну..., я не знаю..., хотя... Не назвал еще одного -- женщина?.. Так?..

-- Абсолютно не так.

-- Но позволь, не мужчина же... ты?

-- Именно так.

-- Тогда, в таком случае, мне остается подумать, что ты либо дуришь невпопад, обижаешь, а это, мягко говоря -- неприятно; либо ты... -сумасшедшая, извини конечно меня, Виктория.

-- Ты не назвал третьего.

-- Никакого третьего варианта не может здесь быть.

-- Третий вариант есть... Бондаревски Юрий Анатольевич, -- спокойно сказала Виктория.

-- Что-то не припомню. Кто он? -- озадачился профессор, настраиваясь услышать привычную логику ответа.

-- Это -- я, Василий Федорович, -- подтвердила Виктория. -- Он самый, собственной персоной, и она назвалась громче и отчетливее, -- Бондаревски Юрий Анатольевич. Но теперь, -- прибавила она, -- в телесах женщины. Прошу любить и жаловать, но это между

нами!.. Что ты молчишь, Василий Федорович?.. Ты удивлен?.. А-а..., понятно... Снова подумалось, что говоришь с сумасшедшей?.. Ну..., как знаешь..., молчи, -- и она потянулась рукой, и ловко взяла свою сумочку со стоящего рядом с кроватью низенького стола и пламя свечи раскачалось от ее манипуляции.

Виктория извлекла из сумочки блокнот в кожаном переплете, быстро раскрыла его, отлистала несколько страниц и вырвала ту, на которой теперь остановилась -- страница оказалась чистой, как заметил наблюдавший за этим профессор. Виктория бегло, по памяти, написала оказавшейся в ее руке ручкой, видимо хранившейся в корешке блокнота, пару небрежного почерка строк и подала листок Аршиинкину-Мертвяку.

-- Здесь, если надумаешь, необходимый тебе адрес и телефон... Возьми, -- профессор принял листок, продолжая молча смотреть на Викторию, -- "Обратная сторона" -- делает перевертышей... Это официальная фирма, правда известная не такому широкому кругу как другие медицинские учреждения. Может они и согласятся помочь, довольно не исключено. Больше... Я тебе ничего не скажу, Василий Федорович. И не смотри ты на меня такими неподвижными глазами. Никто, никогда и нигде тебе не поверит, что я не Виктория!... Ты и сам не поверишь, все-таки советую обратиться.

-- Но я же не... тот..., который... Не из тех..., что?... -- продолжая смотреть стеклянным взглядом на собеседницу, недосказал, будто попытался оправдаться профессор.

-- А я и не думала тебя обижать, Василий Федорович. Но... Не могу я, и не имею права тебе сказать больше, чем уже тебе известно теперь.

Утром, всю обратную дорогу в Москву, сидя за рулем своего БМВ, Аршиинкин-Мертвяк, машинально распознавая дорогу, сосредоточенно просматривал в своей памяти фрагментами саму вчерашнюю вечеринку, постельные удовольствия с Викторией. Но потом... Теперь, в кармане его спортивного костюма, спрятан адрес "Обратной стороны", написанный на блокнотном листке Викторией.

Дьявольщина

Аршиинкин-Мертвяк возвратился домой в Москву в привычную трехкомнатную квартиру и объявился перед своею дочерью каким-то, как показалось ей, нерасторопным: не одел свои тапочки, а только лишь взял их в руки и немного посмотрев на них, бросил валяться у вешалки -- остался в носках, проскочил на кухню -- схватил бутерброд с колбасой -- надкусил его и положил обратно в тарелку.

-- Как отдыхалось, папа? -- задала обычный вопрос Юлия, на который Василию Федоровичу можно было даже не отвечать, потому что за последние годы вопрос этот приобрел форму своеобразного приветствия между ним и дочерью, и профессор традиционно не ответил на него и было уже решил пройти к себе в кабинет, который, впрочем являлся и его спальней, но... Юлия почему-то вопреки образовавшимся правилам настоятельно повторила вопрос:

-- Как отдыхалось, папа? -- более требовательно произнесла она.

И теперь не ответить профессор не мог. Он остановился в прихожей, едва приоткрывши дверь в свой кабинет, а дочь смотрела ему прямо в глаза, и она ожидала ответа.

-- Хорошо, Юленька -- неуверенно и озадаченно проговорил Василий Федорович на инерции внутреннего раздумья.

-- Зачем же ты пытаешься от меня скрыть очевидное! Я вижу. Я понимаю, что что-то не так... Папа!

-- Все так. Все нормально, Юленька. Нет проблем, кроме тех, что и всегда с нами, -- ласково проговорил Аршиинкин-Мертвяк.

-- Как знаешь, папа. Будем считать, что мне показалось.

-- Вне каких-либо сомнений, Юля... -- коротко и подвижно сказал профессор и... на пару секунд замолчав, извинительно добавил: -- Мне еще надо успеть переодеться и кое-что обдумать.

-- Да. Конечно же, папа.

-- Надо войти в повседневную форму, -- все так же, извинительно, пояснил Василий Федорович, но уже в тоне подоспевшей на выручку шутливости.

Юлия немного успокоилась.

-- Тебе заварить кофе? -- спросила она.

-- Да-да, естественно, -- тут же согласился профессор -- быстро ускользнул в свой кабинет и уже, когда он закрыл за собою дверь, вдогонку уходящей на кухню дочери донесся его поспешный голос, -- и пожалуйста -по-крепче!..

Аршиинкин-Мертвяк остался один на один сам с собою. В начале он медленно прохаживался по своему небольшому кабинету от окна к двери и обратно, потом он присел на свой любимый мягкий, с нежной обивкой диван, который уже два дня не принимал тепла своего хозяина и встретил теперь его прохладно. Все размышления Василия Федоровича были направлены только в одном направлении: последняя ночь, проведенная в обществе женщины, безумная, но может быть, очень хотелось так, -- реальная возможность разрешения всех нестерпимо-болевых проблем, и такая перспектива нормальной жизни! Удержаться от соблазна пофантазировать профессор не мог, но так же, не мог он, все же отдаваясь влечению обольстительного желания перестать быть самим собою -профессором философии Университета, и он, наряду с наслаждением, все-таки пытался давать себе отчет, анализировать, наработывать вывод в колючих рамках освоенной им на протяжении жизни логики. "Ну, это же не логично!" -думалось ему, -- "Как можно поверить в такое?!" -- спрашивал он сам у себя, -- "Виктория Леонидовна Юсман вовсе не Виктория Леонидовна Юсман, а Бондаревски Юрий Анатольевич! Не женщина, а мужчина, вернее -- мужчина в женском теле! Не верю!.. Не... верю... Но..., собственно говоря..., почему бы и не... поверить?.. Чертовщина какая-то, дьявольщина и только!" -разочарованно вскочил с дивана профессор и несколько раз бегло туда-сюда, от окна к двери, прошелся по кабинету и снова размашисто уселся на свой диван. "А хорошо бы, если все так!" -- опять размышлялось ему, и он, медленно и с предвкушением наслаждения закрыл свои счастливые глаза и стал погружаться в полудрему, пытаясь разглядеть, в теперь видимых им внутренне мельтешениях необъяснимых форм, образ любимой женщины, своей второй супруги -- Юлиной мамы, давно ушедшей, но ставшей от этого еще ближе ему, Василию Федоровичу, потому что была она с тех пор и сейчас, всегда и везде рядом в помыслах и в переживаниях чувств и даже -- осязимо рядом, в реальности, в образе дочери, которая удивительно копировала свою мать и телом и душою и разумом, и Аршиинкин-Мертвяк все больше с годами, труднее мог различить, разобрать, кого же он остался любить: дочь Юлию или жену Катеньку? От этого он часто терялся и порою, с громадным трудом успевал себя остановить, не решиться войти на ночь в спальню к Юлии. И Юлия, порою, кажется замечала, о чем--то догадывалась, особенно, когда отец ласкал ее в ранней юности. Были моменты, когда она просыпалась и тут же, открывая глаза, упиралась своим сонливым взглядом в отца, стоящего у ее кровати: так, бывало, он стоял и смотрел, не в силах подолгу отойти от дочери, а она, ничего не понимая, смотрела на него и девственно снова засыпала под его присмотром. Он ревновал свою дочь ко всем взглядам молодых людей на нее, будь то на улице, в метро, в Университете или в каком-либо другом месте. Теперь дочь приобрела молодую, налитую свежестью упругую плоть, и такую же как и была у Катеньки смуглую, шелковисто-ароматную кожу. Девчоночным задором курносились ее груди как и у Кати. Смоляного цвета волосы до плеч, распущенные и пышные кое-где самой природой разбросано -- сворачивались они в крупные пружины плавно и мелодично обвисающие от своей тяжести. Прон-зительно карие глаза, понимающие и отзывчивые. Строгая, но невероятно женственная улыбка губ. Были моменты, когда профессора просто валило с ног от безумного желания обладать всеми этими прелестями! Но, как же дико и не по-человечески несправедливо издевалась над ним природа его жизни теперь: Аршиинкин-Мертвяк пребывал в состоянии человека, у которого отняли что-то сокровенное, во что он безумно был влюблен. Создавалось полное впечатление, что его супруга продолжала с ним жить, но только словно за невидимой, прозрачной и неосязаемой

преградой, нарушить которую он был не в состоянии. Будто супруга забыла его как мужа и теперь отчетливо и реально играла роль его дочери, но достучаться и напомнить о себе и совершенно не дожидаться окончания спектакля! Профессор понимал это ясно, даже надежда была абсолютно исключена -- словно актер обезумел! Жена его Катенька, в образе, в роли его дочери Юлии! Как бред! Но реальность!

-- Папа, -- в прикрытую дверь кабинета постучалась Юлия. -- Твой кофе готов.

"Обратная Сторона"

-- Алло. Это телефон... номер... семь нулей?

-- Да. Вы звоните правильно.

-- Интегральная фирма "Обратная сторона"?

-- Секретарь Интегральной фирмы "Обратная сторона" слушает вас.

-- Будьте добры, подскажите: как и когда я могу у вас проконсультироваться?

-- Мы работаем с десяти до восемнадцати часов ежедневно, суббота и воскресенье -- выходные дни, перерыв с часа до двух, но для того, чтобы вас проконсультировали, вам понадобится записаться на прием. Какой день и время удобны для вас?

-- Неплохо бы...э...э-э..., сейчас сориентируюсь...

-- Ничего страшного, я подожду, не торопитесь.

-- Кажется, в пятницу лучше всего.

-- Это уж вам решать, когда лучше. Так что, записывать на пятницу?

-- Да. Если можно, то, пожалуйста, на пятницу.

-- На который час?

-- Думаю..., часика на три. Можно так?

-- Записываю вас на пятнадцать часов. Большая просьба не опаздывать. Запомните пожалуйста свой номер: двадцать два.

-- Разумеется. Я понимаю.

-- Минуточку, не кладите, пожалуйста, трубку. По какому вопросу вы желаете получить консультацию?

-- Как-то... Я... не могу... сразу и сказать, честное слово.

-- Хорошо. Запишу по личному.

-- В принципе так... Скажите.

-- Да. Я слушаю.

-- По моему приходу в пятницу мне будет ясно, там, у вас, к кому и куда обратиться. Я имею ввиду, чтобы не разыскивать, какое помещение, кто меня примет?

-- Вас примет Георгио Фатович Ворбий, второй этаж, приемная...

... В наступившую пятницу, в пятнадцать часов, как и предварительно оговаривалось по телефону, Василий Федорович, без особого труда разыскал Интегральную фирму "Обратная сторона". По указанному в беглой записке Викторией Леонидовны Юсман адресу, на окраине центральной части Москвы, находился старой постройки двухэтажный особняк: множество вылепленных, видимо из гипса, всевозможных фигурок людей и животных, покрытых золотистой серебрянкой, привлекательно украшали со стороны непротяженного и почти безлюдного переулка лицевой фасад здания фирмы.

Профессор, почему-то не раздумывая долго, что никак не определялось в его отработанных правилах ситуационного поведения, сразу же нажал продолжительно на кнопку электрического звонка, расположенную невысоко, слева у входной двери в здание, сразу под табличкой: "Позвоните и ждите".

Спустя несколько секунд через небольшую никелированную решетку над табличкой раздался металлический голос: "Пожалуйста, назовите ваш номер".

-- Двадцать два, -- как можно отчетливее произнес профессор.

Во входной двери что-то щелкнуло и за той же никелированной решеткой тут же возник все тот же, металлический голос: "Проходите".

Василий Федорович, теперь уже осторожно, открыл входную дверь и вошел во внутрь особняка фирмы.

И вот он стоял в небольшом округлом фойе -- входная дверь захлопнулась позади, и с этого мгновения профессор как-то почувствовал, что выйти отсюда обратно в переулок он сможет не иначе как по чьему-то разрешению на то, а значит, ему неминуемо предстояло с кем-то, но из представителей "Обратной стороны", встретиться. Здесь Аршиинкину-Мертвяку пришлось смириться со своим положением и он постарался успокоить себя, уравновесить и отставить в сторону волнительную мысль "вернуться в переулок", которая возникла одновременно с тем, как он, "хорошо не обдумавши", оказался в этом фойе.

-- Вас ожидают в приемной на втором этаже. -- неожиданно раздался неведомо откуда мужской радиоголос, но внимательный, более очеловеченный.

Профессор поднялся по беломраморным ступенькам довольно широкой лестницы и, пройдя несколько шагов по коридору, оказался в крохотном фойе второго этажа, где располагались мягкие кресла, здесь же и находилась дверь с выпуклой отливающей сталью надписью на ней -- "ПРИЕМНАЯ".

Василий Федорович подумал было присесть в одно из комфортных кресел, как вдруг, не позволив профессору расслабиться от настороженности и привести свои мысли и чувства из легкой растрепанности в состояние, готовое на рассуждение и анализ, остановив его, почти что готового усесться у журнального столика в облюбованное кресло, скрипнув едва, плавно открылась дверь в "ПРИЕМНУЮ", и профессору кто-то мужским голосом, теперь кажется уже знакомым, начиная от входной двери в особняк, предложил:

-- Будьте добры -- мы вас ждем. Проходите в "ПРИЕМНУЮ".

-- Георгио Фатович Ворбий -- Учредитель Интегральной фирмы "Обратная сторона", -- представился Аршиинкину-Мертвяку, наконец-таки усевшемуся в мягкое кресло, установленное для посетителей в приемной возле рабочего стола, представитель фирмы...

-- "Довольно неприятный человек", -- подумалось профессору.

-- С кем я имею честь начать разговор? -- через некоторую паузу заинтересовался представитель фирмы.

-- Я не хотел бы представляться, -- сказал Василий Федорович.

-- Хорошо. Ваше право... Ну, назовитесь... хоть как-нибудь, если не трудно. Знаете ли..., мне кажется, -- общаться будет легче.

-- Добро. Тогда... Зовите меня просто Профессор.

-- Что ж... Это имя, на мой взгляд, вам очень к лицу. -- с оттенком лукавности высказался на этот счет представитель фирмы.

-- Тем более, что оно ничего не скрывает, -- прибавил к словам Ворбия Аршиинкин-Мертвяк, чтобы его не воспринимали унизительно.

-- Вы хотите сказать, что вы и в самом деле...

-- Я ничего не хочу сказать, -- остановил представителя фирмы Василий Федорович. -- Я пришел к вам по делу.

-- По личному, -- подтвердил последнюю фразу профессора Георгио Фатович. -- По крайней мере, так у меня записано в журнале приемов моим секретарем. Я полон внимания, -- перешел на строго деловой тон Ворбий. --Какая услуга требуется с нашей стороны? -- сказал он и тут же поправился. --Со стороны фирмы?

Представитель фирмы говорил так, словно он, казалось профессору, уже что-то знал о своем посетителе. И тут Василий Федорович как-то замялся в своих чувствах, и это стало заметно внешне: молча, покашливая через нос, он пробовал усесться в кресле поудобнее -- с левого подлокотника облокотился на правый и наоборот; его мысли, будто наспех примеряли речевые одежды-слова, вертелись перед Василием Федоровичем, но никак не решался он какими-либо из них воспользоваться, заговорить.

Дело в том, что только сейчас Аршиинкин-Мертвяк осознанно и реально понял всю нелепость своего положения, которое требовало сказать, объясниться, и на полном серьезе, по поводу причины своего прихода сюда: одно дело, хмельное, с глазу на глаз, откровение с женщиной, и совершенно другое дело -- здесь!..

--- Что вас интересует? -- мягко, но требовательно предложил остановить затянувшуюся паузу Ворбий. -- Дело в том, -- пояснил он и взглянул на свои ручные часы, как бы прикидывая, формулируя вывод, -- что вам придется оплатить нашей фирме неустойку за потраченное на вас рабочее время, в случае вашего необоснованного прихода. Так что, советую вам поторопиться с объяснениями. У меня есть профессиональное, извините, подозрение, что вы не страдаете тем недугом, которым занимаемся мы. Тогда что?.. Потрудитесь оправдаться или оплатить счет. Время неумолимо движется, профессор.

-- Платить или говорить -- это моя проблема, господин Ворбий, -сдерживая внутренний напор взволнованности чувств, как бы невзначай приструнив представителя фирмы, негромко сказал Василий Федорович, но все-таки, не сдержавшись, выказывая тем самым свою неустойчивость, он подвижно и раздраженно прибавил -- хочется напомнить вам о том, что я совершенно свободен и волен выбирать решение самостоятельно, без подсказки. -- И Аршиинкину-Мертвяку стало немного легче: "Поставил на место" -подумалось ему.

-- Я совершенно не подразумевал вас обидеть, но Устав нашей фирмы действительно предусматривает...

-- Я пришел не обижаться, а посоветоваться или же приобрести услугу, -коротко, не давши досказать Ворбию, определился Василий Федорович.

-- Я все так же полон внимания, профессор.

-- Дело в том, что мне уже -- шестьдесят. -- Внушительно объявил Аршиинкин-Мертвяк.

-- Возраст -- не помеха. -- Игриво попытался пошутить представитель фирмы, но было появившаяся улыбка на его лице тут же исчезла, потому что посетитель не поддержал его взаимностью, даже, скорее весь вид профессора выражал определенно то, что он не заметил, не расслышал развлекательной, эмоциональной вспышки Ворбия.

Профессор снова молчал. Он сосредоточивался. Георгио Фатович извинительно и терпеливо ожидал, когда заговорит посетитель.

-- Я ничего толком не знаю, но насколько осведомлен, вы, ваша фирма производит каким- то образом перевертышей? -- вопросительно заговорил Аршиинкин-Мертвяк.

-- Вас неверно, то есть абсолютно ложно информировали! -- разгоряченно и в свою очередь немного, как показалось профессору, взволнованно, даже обидчиво, тут же отреагировал на сказанное посетителем Ворбий. -- Да, мы занимаемся аномалиями людской психики и если мужчина желает быть женщиной и наоборот -- мы не производим хирургических вмешательств, а исправляем самого человека. Другими словами, мужчина уходит от нас тем же самым -- мужчиной, а женщина той же самой -- женщиной, с той только разницей, что ни мужчина и ни женщина эти, уходящие от нас, более не мыслят изменить свое тело, поменять свой пол: мужской на женский или женский на мужской! Разве же можно назвать подобную работу с психикой пациента -- производством перевертышей?.. Это -не ординарная "индустрия", всего лишь корректировки сознания.

-- По-вашему...-- немного замялся профессор. -- От вас уходят совершенно те же мужчины и женщины, что и приходили, с той только разницей, что у них отсутствует недуг, та самая болезнь -- страсть жить в теле противоположного пола. Я вас правильно понял?

-- Именно так, -- словно немного огрызнулся в сторону профессора представитель фирмы.

-- Значит, мне помочь вы ничем не сможете, -- произнес Аршиинкин-Мертвяк вслух, будто для себя самого.

-- А в чем собственно ваша проблема? -- В тоне мимоходной любознательности сказал Ворбий. -- Объяснитесь. Может, что-то и возможно с нашей стороны... Профессор, голубчик мой! Я ведь вижу, как вы пытаетесь договорить -- договаривайте. Стены этого кабинета слышали многое, но никогда не подслушивали. Расслабьтесь.

-- Хорошо... -- начал решительно говорить, но, будто спохватившись, снова замолчал профессор.

Ворбий, на этот раз не подталкивал посетителя, не убеждал говорить, потому что он

понимал, будучи весьма опытным в подобных диалогах: "Профессор сейчас заговорит сам".

-- Мне необходимо приобрести другое тело, -- негромко, но отчетливо и ясно проговаривая слова, произнес Аршиинкин-Мертвяк. Он словно пересилил что-то в себе и, сказав эту фразу, даже не посмотрел в сторону представителя фирмы: все так же продолжал сидеть, будто ощупывая опущенный взгляд в своих ладонях.

-- Простите, -- театрально удивляясь, обратился к посетителю Ворбий. -- Может, вы меня неправильно поняли, или же я неверно понимаю вас, но насколько расслышалось мне: вы... -- представитель фирмы смачно причмокнул языком, -- хотите...

-- Не затрудняйтесь, Георгио Фатович! -- прервал Аршиинкин-Мертвяк Ворбия. -- Мне необходимо приобрести другое, новое тело... молодое! -- громко и даже нагло вырвалось последнее слово у профессора, и он окинул умоляющим взглядом представителя фирмы и снова отвел и опустил свои печальные глаза себе на колени.

-- Признаться... -- в некотором замешательстве стал объясняться Георгио Фатович. -- Вы меня порядком озадачили..., профессор!

-- Разве человеку нельзя, возбраняется говорить правду, если ему предлагают отвечать о ней, а не за нее? -- вопросительно, будто пояснил Аршиинкин-Мертвяк, и он снова смотрел, но теперь неотрывно, как человек, которому нечего терять, в глаза Ворбия.

-- Нет-нет. Но... Вы не простой человек, голубчик мой! -- хитро прищурившись, как-то ласково, но настороженно сказал представитель фирмы. -- К великому сожалению, "Обратная сторона" -- не та фирма, что способна вам помочь. То, что вы просите -- фантастика, мистический вымысел! Кстати, а какое такое, другое тело вы хотели бы поиметь как свое собственное?

-- Но к чему вам знать об этом, если помочь вы не в силах, разве что любопытство?

-- Может и так.

-- А разве иначе?

-- Я этого не говорил.

-- Тогда можно и не отвечать?

-- Жизнь необычайно уникальная штука, профессор.

-- Бесспорно.

-- Так вот. Всякое может быть, случиться из того, чего сейчас, вроде бы как нет.

-- Насколько я вас теперь понял: вам необходимо подумать?

-- Если хотите, то можно принять этот ваш вывод за основу. Так все-таки -- о каком теле идет речь?

-- О самом простом, человеческом.

-- Надеюсь, вы меня понимаете, что я не мог себе представить и оказаться настолько глупым в ваших глазах, представить, что вам, скажем, необходимо принять облик животного!

-- А может, вы меня принимаете за сумасшедшего? -- засомневался профессор. -- И...

-- Обижаетесь, профессор, а ведь сами обижаете. Стал бы я говорить с вами иначе, как не серьезно!

-- Извините, если не так понял.

-- Полно вам, голубчик мой, извиняться... -- определился в своей позиции Ворбий и на некоторое, между двумя собеседниками, время, воцарилось выжидательное молчание. Первым заговорил профессор:

-- Мне необходимо молодое и крепкое тело. У меня есть дочь, она... как наваждение -- точь-в-точь моя покойная супруга: и телом и душой. Я схожу и в самом деле с ума!

-- Вы ревнуете ее?

-- Безумно! Я не смогу без нее жить, а возраст ее может нас разлучить.

-- Понимаю, -- задумчиво проговорил Георгио Фатович, будто что-то подытоживая про себя и делая какой-то вывод. -- Она готова для замужества.

-- Вполне... Насколько мог сдерживал. Теперь мои силы на исходе.

-- И вам необходимо крепкое и молодое тело, и, конечно же, чтобы оно оказалось по

нраву вашей дочери...

-- Чтобы не расставаться с моей дочерью, а выдать ее замуж за себя -жениться на ней, -- договорил вместо представителя фирмы Аршиинкин-Мертвяк и отчетливо покрасневши, виновато опустил голову.

-- Что ж... Ситуация оправданная, -- как бы размышляя вслух, но нерешительно сказал Ворбий.

-- Совершенно оправданная! -- подтвердил посетитель, ожидая перемены в настроении Георгио Фатовича, теперь -- в свою пользу.

-- Знаете что... -- внезапно подвижно заговорил представитель фирмы.

-- Что? -- тут же, нетерпеливо отозвался профессор.

-- Оставьте свои координаты, если вас это не затруднит, я действительно подумаю, как вам помочь, но не могу обещать звездного решения и скоро.

-- Ясно, -- опечалено и все-таки с нескрываемой надеждой сказал Аршиинкин-Мертвяк, достал из внутреннего кармана пиджака кожаное портмоне и тут же извлек из него свою визитную карточку и положил ее на стол Ворбия. --Теперь,-- сказал он, -- мое дальнейшее существование зависит и от вас. Я буду насколько положено ждать. И вот что еще, думается мне, немаловажное: я могу хорошо заплатить.

-- Было бы за что платить, а чем рассчитаться -- всегда найдется! -скривил шутливую, но настороженную гримасу на своем лице Георгио Фатович.

-- Нет. Я действительно в состоянии хорошо оплатить вашу услугу, у меня есть для этого случая реальные возможности! -- в убедительном тоне, еще раз подтвердил свои намерения Аршиинкин-Мертвяк.

-- Что ж, -- вдохновенно сказал Ворбий и задумчиво добавил, -договорились.

-- Я уйду с надеждой? -- спросил профессор, приподнимаясь из кресла.

-- Позвольте на прощание еще задать вам, в принципе -- пустяковый вопрос, -- остановил посетителя представитель фирмы.

-- Я еще не знаю, но может быть, мне будет легче не отвечать на него.

-- Как знать, -- задумчиво сказал Ворбий. -- Но если вы решаете так... -- не закончив свою фразу, замолчал представитель фирмы, давая тем самым, как стало ясно Василию Федоровичу, что-то понять правильное, нежели это происходило и думалось ему.

-- Я передумал, -- сказал профессор. -- Я назову направившего меня к вам человека.

-- Вы правильно передумали, профессор, с вами можно иметь дело.

-- Меня абсолютно не интересует то, для чего вам на самом деле необходимо знать, кто меня направил к вам, важно, чтобы вы не отказали мне в помощи.

-- Так..., кто же это? -- безразличным тоном спросил представитель фирмы, но как не постарался он подчеркнуть безразличие, чутье Аршиинкина-Мертвяка все-таки уловило серьезную заинтересованность Георгио Фатовича в ответе.

-- Виктория Леонидовна Юсман, доцент кафедры психологии, -- медленно проговорил Василий Федорович.

-- Это и все? -- настоятельно поинтересовался Ворбий.

-- В каком смысле? -- переспросил Аршиинкин-Мертвяк.

-- Я имею ввиду, что только лишь она вам рекомендовала обратиться к нам?

-- Не совсем.

-- Кто же еще?

-- Бондаревски Юрий Анатольевич.

-- Кто он?

-- Доцент кафедры психологии.

-- Тоже доцент, -- определился представитель фирмы.

-- Не тоже, а тот же, -- поправил профессор, пристально вглядываясь в реакцию Ворбия.

-- Понятно, -- немного призадумавшись, сказал Георгио Фатович.

Прошло с минуту. Ворбий подсел поближе к компьютеру: беглый ветерок его пальцев

пробежался по клавиатуре. Вскоре представитель фирмы, вычитав что-то на мониторе, снова обратился к посетителю:

-- Так вы говорите, Юсман и Бондаревски?

-- Одно лицо, -- ответил Василий Федорович.

И тут, неожиданно, раздался то ли мощный хлопок, то ли удар, то ли еще что-то необъяснимое. Аршиинкин-Мертвяк почувствовал, как все в кабинете побежало по кругу вокруг него, и размывались контуры предметов, Ворбий промелькнул белым пятном, словно в мутную воду погружалось все, и в конце концов профессор потерялся и куда-то глубоко провалился...

-- Как вы себя чувствуете, профессор? -- послышалось где-то вдалеке Василию Федоровичу, когда он приоткрыл свои глаза и стал медленно осматриваться вокруг, соображая: где он теперь находится и что с ним случилось? -- Вы можете говорить? -- снова услышал Василий Федорович, но сейчас уже совсем рядом и узнаваемый голос представителя фирмы.

-- Да, -- с огромным трудом произнес Ар-шиинкин-Мертвяк, во рту у него было все вязко и язык от этого казался непослушным.

-- Ну, вот и чудненько. Вставайте, голубчик мой, вы уже два часа отдыхаете в моем кабинете.

-- Как?.. Который теперь час? -- основатель-но приходя в себя поторопился спросить Василий Федорович и он поднялся и присел на кушетке.

-- Семнадцать часов двадцать пять минут с вашего на то позволения, -лукаво улыбаясь, ответил Ворбий, который сидел напротив профессора на стуле, но сейчас же быстро вскочил с него и прошел и уселся на стул за своим рабочим столом.

-- Это я столько времени... Что со мной было? -- поинтересовался Аршиинкин-Мертвяк.

-- Ничего страшного, профессор! -- воскликнул Георгио Фатович, -- вы потеряли сознание, видимо от нервного переутомления -- это бывает.

-- Я слышал какой-то хлопок, удар что ли перед тем, как...

-- Фантазия! Фантазия ваша, профессор! Не хлопок. Вероятнее всего вы почувствовали как ударились о пол, хорошо, что он здесь мягкий.

-- О пол? -- будто переспросил Василий Федорович и потер себе лоб, но тут он ощутил у мочки правого уха, над виском, припухлость, которая, будто посаженная туда прищепка, немного щемила, осознаваясь туповатой болью: Аршиинкин-Мертвяк слегка скривился лицом. -- Ударился, -- словно пытаясь пояснить сам себе, сказал он и взглянул в сторону смотрящего на него Георгио Фатовича.

-- До свадьбы заживет, -- подбодрил посетителя представитель фирмы.

-- До какой свадьбы? -- будто припоминая что-то, переспросил серьезно Аршиинкин-Мертвяк.

-- До вашей, конечно же!

-- Шутите, господин Ворбий.

-- В каждой шутке, говорят, есть доля правды, профессор.

-- Значит, у меня еще может оставаться надежда? -- спросил Василий Федорович.

-- Не исключено. Я обещаю вам вскорости позвонить, а вот каково будет решение... -- представитель фирмы призадумался, -- зависит не только от меня, к сожалению, -- пояснил он.

-- Я понимаю... -- безвыборно согласился Аршиинкин-Мертвяк. -- Я, пожалуй, пойду? -- будто попросился он у Ворбья.

-- До свидания, голубчик мой, -- только лишь и сказал тот.

-- До свидания, -- попрощался профессор: встал с кушетки, поправил галстук, снял с вешалки свою верхнюю одежду и медленно вышел из кабинета Ворбья.

Не через долго снова Аршиинкин-Мертвяк оказался в переулке: "Будто все это мне приснилось." -- грустно подумалось ему.

Новая жизнь

Сегодняшним утром профессор вскочил со своего стареющего в одиночестве двух раскладываемых, будто с болью надламываемых на каждую ночь, половинок дивана, вскочил, молодецки восторженный! Так же, как сейчас, он чувствовал себя всего лишь однажды в жизни, в своем неуютном детстве, когда неожиданно он узнал, что его одноклассник и наглый товарищ по соседскому дому Гоша, как-то на спор перед мальчишками, пообещал, что в течение трех дней устроит юному тогда, просто -- Васе, дружбу одной девочки, Лолечкину дружбу -- девочка Лоля была любимица и красавица двора, но с нею водился Гоша! А Василий Федорович любил Лолю!

Правда, потом Гоша посмеялся над недотепой Гаршком, (такая была кличка у Аршиинкина-Мертвяка), посмеялся Гоша при всех, на глазах у всего двора! Но профессор забыл, не хотел и не в силах был принять издевку, в его сегодняшнем сердце значились, помнились только лишь те, одуроченные подлинным счастьем, в аромате чувственной истомы, на крыльях визжащей в душе гордыни, три дня фантастического ожидания -- Лоли, ее руки! Он не поверил в то, что не состоялось! Слишком велико было ожидание, энергия чувств которого целиком затмила само действие: даже когда будущий Василий Федорович шел во двор в назначенный день Гошей, он не хотел туда идти, и уже не хотел получать дружбу Лоли, когда увидел ее, и даже издевка наглого соседа -тогда, обрадовала сердце Аршиинкина-Мертвяка. И потом, в сегодняшние года свои, профессор сделает философский вывод: все самое ценное не в цели, а в пути к ней, ибо путь к цели и есть -- сама цель, и если ты остался в пути к цели, в соку его переживания, то ты в самом деле понимаешь цель, обладаешь ею, и никто не сможет у тебя отнять цель, потому что путей к ней бесчисленное множество. В пути к цели ты не замкнут, тебе нечего терять, ты свободен и счастлив этим во всех остальных своих жизненных проявлениях.

Приближения и защиты диссертаций, звания и должности, престижные работы за границей и весомые заработки -- никогда не стояли в одном ряду у Василия Федоровича с этим воспоминанием детства, оно всегда значилось в главном ряду его переживаний, всегда главенствовало и вело. Можно сказать, что все вдохновение жизни Василия Федоровича звучало аккордом трех не испачканных дней. И может потому, в основном, профессор игриво и ласково любил только джаз: сквозь всю его жизнь, сквозь все его мелодии жизненных ситуаций выводился мотив словно трех нот -- мотив трех незабываемых дней, вся жизнь его была импровизацией на их непорочную тему. Он и сегодня, вскочивши с дивана, понял, что он снова оказался на пути к заветной цели: "Скоро состоится для него получение дружбы "Лоли". И может быть это будет великое счастье, если этому кто-то помешает!.."

Юлия была приятно удивлена, что отец ее, "рыцарь чести", как она всегда говорила в его адрес, когда он, в очередной раз, сдерживал атаку "соблазнителя" -- молодого человека на ее "целомудрие", так вот, она была удивлена в этот день услышанному от папы:

-- Нравится ли тебе, дочь моя, -- ласково и торжественно сказал он за утренним питием ко-фе, -- кто-нибудь? Есть ли у тебя сердечные взгляды на кого-то из мужского племени?

-- Отчего же так витиевато? -- спросила Юлия. -- Уж не сам ли ты хочешь тем самым объясниться мне, что ты желаешь жениться?

-- Сам? -- коротко спросил отец и насторожился.

-- Вот это да! -- удивилась еще больше дочь, -- "рыцарь чести" закончился! -- и шутливо добавила: пора "спихнуть" и дочь в сторонку, чтобы не мешала супружеской жизни?

-- Юленька! Как ты можешь так говорить, откуда, с чего такие выводы? -обиженно отодвинув чашечку кофе от себя, сказал профессор, выказывая тем самым, что ему дискомфортно продолжать питье при таком отношении к отцу.

-- Интересно! -- воскликнула она, -- значит я буду наблюдателем, немым созерцателем вашего семейного счастья?

-- Не наблюдателем, а участником, -- немного огрызнулся отец.

-- Ах да! Она меня удочерит, обласкает и будет воспитывать.

-- Не иронизируй, Юлия! Я не собираюсь никого приводить в дом.

-- Извини, папа... Но тогда я ничего не понимаю... Хотя... Это еще мне кажется грустнее, в какой-то мере... Ты уйдешь к ней?

-- Никуда я не уйду, мы будем продолжать жить вместе, Юлия, -- строго сказал отец.

-- Ты передумал, папа? Из-за меня, да? Прости меня, не обижайся, пожалуйста, -- засуетилась дочь.

-- Я не передумал, но ты не ответила на вопрос, Юлия! Я серьезно тебя спрашиваю: есть ли кто у тебя?

-- Отношений ни с кем и никаких нет, конечно же, но...

-- Что?

-- Один человек нравится, даже не знаю чем, не могу объяснить, но...

-- Почему опять "но"?

-- Не нашего круга он.

-- Я его знаю?

-- Да.

-- Близко?

-- Не то чтобы так, но встречаешься с ним периодически.

-- Может все-таки назовешь его и не будешь выражаться витиевато?

-- Какой хитренький ты, папа! -- воскликнула Юля. -- Самому значит можно, да!? -- улыбочиво заглянула в глаза профессора дочь.

-- Ладно. Можешь не называть, -- отмахнулся рукой от дочери Василий Федорович и встал из-за кухонного стола, намереваясь пройти в свой кабинет.

-- Ну хватит тебе, не обижайся, пап, -- немного покраснев и опустивши свой взгляд на стол, извинительно и ласково проговорила Юля, -- я разберусь хорошенько и обязательно тебе скажу, честное слово, -- сказала она и на мгновение взглянула в глаза отцу, чтобы проверить его реакцию.

-- Ты как ребенок, Юленька! -- размахисто и удивленно развел руками в стороны профессор.

-- Ты абсолютно прав. В этом я и в самом деле еще маленькая девочка, -оправдалась Юля и лукаво посмотрела на отца исподлобья.

-- Раз так, то по логике: большие учат маленьких. Будем учить, -твердо и даже Юле показалось, что не шутя, сказал Василий Федорович и отправился к себе в кабинет...

Замысел

Когда профессор покинул интегральную фирму "Обратная сторона", то он совершенно ни о чем не догадывался, не мог себе и вообразить даже, что именно неотступно и практически неотвратно теперь означало его посещение этой фирмы в его последующей жизни, но он, как казалось ему, принялся готовиться к лучшему. Аршиинкин-Мертвяк почему-то был совершенно уверен в том, что ему позвонят и осведомят о хорошем результате. В какой-то мере многоопытная интуиция не подводила его...

Когда профессор покинул интегральную фирму "Обратная сторона", Ворбий, долго и тщательно размышлял. Он несколько часов подряд сидел в кресле, ходил по кабинету взад и вперед, наводил справки о профессоре, проводя короткие инсказательные переговоры по телефону с расширенной сетью своих осведомителей-агентов, тайных зазывал, периодически подключал к своим размышлениям компьютер и вычерчивал на блокнотном листке таинственную схему выводов в символах и начертаниях, понятных только ему одному.

Наконец внутренне он воодушевленно и дерзко на что-то решился. Это было ясно потому, как Георгио Фатович набирал очередной телефонный номер -сосредоточенно и безвозвратно, совсем не так, как он это делал до этого в течение всего вечера: выдерживая и обдумывая паузы перед каждой очередной цифрой.

-- Алло. Я слушаю вас, -- послышалось в трубке после томительно и многочисленно повторенных мелодичных гудков.

-- Алло, -- многозначительно, бархатным голосом произнес Ворбий, -Алекс? Это вы? --

заискивающе поинтересовался он.

-- Да. Что так поздно? -- лениво, но строго ответил на том конце провода мужской голос.

-- Очень прошу вас извинить меня, господин Маприй, но некоторые обстоятельства...

-- Что-то случилось? -- насторожился голос.

-- То, что случилось, -- весьма ординарная проблема и ее можно легко аннулировать, для этого я не стал бы беспокоить вас, но...

-- Так если ничего не случилось, тогда что же это за такое супер "но", которое, все-таки, как я понимаю, составляет проблему для вас, а значит, проблема есть. Я правильно понимаю вас, Георгио Фатович?

-- Проблемы нет. Но она может оказаться, если мы кое-что с вами обсудим и на кое-что согласимся.

-- Хорошо. Поднимитесь ко мне в кабинет через минут... пятнадцать. Но скажите хоть, господин Ворбий: это дурно "пахнет" или вкусно?

-- Вкусно, вкусно, господин Маприй, единственное...

-- Не выражайтесь слишком размыто.

-- Дело за принципами фирмы. Возможно, мы найдемся их откорректировать.

-- Понятно. Если это чересчур, то я заранее против. Впрочем, приходите, но ничего не обещаю. Лучше стабильно и медленно подниматься, чем быстро, неведомо, но угодить в штопор, пойдя на мертвую петлю.

-- Поэтому, вы понимаете, я и прошу аудиенции, Алекс.

Привыкший соблюдать субординированность и статусную дистанцию, Георгио Фатович, пунктуально, ровно через пятнадцать минут, постучался в отливающую зеркальностью лакированную дверь кабинета Алекса Маприя -- своего компаньона, владельца контрольного пакета акций Интегральной фирмы "Обратная сторона" и своего строгого шефа: над дверью высветилось электронное табло с надписью "Войдите", послышалась серия металлических щелчков и жужжание электромоторов, встроенных в скрытую конструкцию двери. Ворбий вошел в кабинет. Алекс Маприй -- сухощавый, подтянутый человек, ближе к пятидесяти годам на вид, с заостренным носом и умными, всегда прищуренными глазами, короткая стрижка его черных волос поблескивала многочисленными седыми нитями. Несмотря на интересы, чьи-то или свои, в любом разговоре Алекс Маприй был всегда короток, и если эмоционален, то строго. Он имел большое мнение о себе, и все-таки иногда бывал и душевным человеком, но и в такое время, если присмотреться и проанализировать, то его душевность возникала всегда продуманно и дальновидно. Деньги, хорошая жизнь, власть -- ведущие начала его сердечности к окружающим, но и всегда его слабости, правда, в трудные минуты, когда кто-либо пытался этим воспользоваться в собственных корыстных целях, скажем, через предложение хороших прибылей склонить на свою сторону, Алекса Маприя всегда выручала его эгоистичность, и он успевал раньше поссориться и разорвать отношения с таким человеком, нежели что-то могло у него с ним получиться из каких-либо результатов, и как ни странно, это врожденное эгоистическое начало, (возникшее оттого, что он очень бедствовал в молодости), весьма часто спасало его, выводило из очередной авантюры, но и мешало нередко, когда, все-таки срывалась совершенно явная для него выгода. Отсюда удивительная стабильность Алекса Маприя сочеталась с его абсолютной непредсказуемостью.

-- Добрый вечер, Алекс, -- с убедительной вежливостью приветствовал основного владельца фирмы Ворбий.

-- Добрый, Георгио Фатович, -- коротко ответил Маприй, -присаживайтесь, пожалуйста в кресло, -- предложил он и, пока Ворбий занимал указанное кресло, спросил: -- проблема при вас?

-- Проблемы возникают от действий, -- сказал Ворбий, -- а действия пока еще не произошло, оно предполагается.

-- Что ж, выкладываете, -- снисходительно согласился шеф.

В кабинете Президента фирмы, Алекса Маприя, почти всегда звучала тихая, невидимая музыка, она и сейчас напоминала о своем присутствии и в не ярком освещении нескольких настенных бра и при свежем, постоянно кондиционирующемся воздухе было уютно и загадочно, хотелось говорить медленно и обдуманно.

-- Вы прекрасно знаете, Алекс, -- заговорил неторопливо Георгио Фатович, -- я никогда не был сторонником поспешных выводов, а тем более подвижником активизации необдуманных действий, и уже совсем никто меня не сможет упрекнуть в излишней инициативе. Не так ли?

-- Так, господин Ворбий, -- коротко ответил и тем остановил дальнейшее приближение к теме разговора шеф. -- Меня интересует суть. Если можно короче: что вы хотите предложить, Георгио? -- и его взгляд корыстно метнулся в сторону компаньона.

-- Есть один уважаемый человек, он -- профессор, достаточно богатый, но пожилой, живет один на один со своей дочерью и влюблен в нее до безумия, потому что она похожа во всем, как выражался он сам, на его, давно ушедшую безвременно, жену.

-- Ну, и что? -- возмутился было Маприй о напрасно теряемом времени на этот разговор.

-- Все так и есть. Я тоже подумал в начале приблизительно так же: "Ну и что?"

-- Ну, так и в самом деле: ну и что и с того? -- немного успокаиваясь, но поерзывая в своем роскошном рабочем кресле, будто отыскивая среди колючек не колючее место, действительно переспросил Маприй. -- Как он появился у вас на приеме? -- внезапно более заинтересованно уточнил он.

-- Обратиться к нам в фирму ему рекомендовал один из наших рабов, -ответил Ворбий.

-- Ну и все-таки, что? -- сказал Алекс.

-- Здесь дело обстоит так: либо нам придется сделать профессору то, что ему надо, либо нам придется оказать ему услугу -- умертвить его, по последнему поводу подготовительные операции я уже, на всякий случай, предусмотрительно произвел.

-- Откуда угроза? -- начиная нервничать, спросил Маприй.

-- Тот раб, что рекомендовал профессору нашу фирму, проговорился о своем прошлом и, видимо, насколько я понял из настроения профессора, намекнул ему о возможности иной помощи, нежели когда-то помогли мы этому рабу.

-- Понятно, -- определялся в своей позиции Алекс.

-- Все бы ничего, да сами понимаете...

-- Надеюсь, он уже мертв? -- тут же уточнил Маприй у Георгио Фатовича, не давши ему договорить.

-- Есть интересная идея, Алекс.

-- Постойте с идеей, вы что, хотите сказать, что этот раб еще жив? -опершись на стол правой рукой и немного наклонившись корпусом в сторону компаньона, потребовал всем своим видом и беглой, упругой интонацией голоса немедленного ответа шеф.

-- Я же должен был...

-- Жив или нет, говорите?!

-- Пока еще, да, -- как можно мягче сказал Ворбий.

-- Что-о?.. -- Маприй не выдержал и вскочил из-за стола, его кресло откатилось в сторону и приглушенно стукнулось о стенку. Маприй, яростно и беспорядочно зашагал по кабинету, он бросал то и дело в сторону своего компаньона выразительно злые взгляды.

-- Я пока еще не выполнил инструкцию только потому лишь, что идея... -попытался оправдаться Ворбий, но его снова оборвали.

-- К черту идею! -- вскричал Маприй, -- вы только что сказали о своей рабочей порядочности, и тут же, оказывается, проявили глупую, извините -дурацкую инициативу и оставили в живых проболтавшегося раба!

-- Он обязательно будет уничтожен, я вам об этом говорю с полной ответственностью.

-- Так сделайте это немедленно! -- прошипел сквозь зубы Маприй и снова подкатил кресло к своему столу и, напружинившись, уселся в него. -- Ну? -вопросительно сказал он.

-- Мне можно все-таки объяснить идею? -- будто попросился Георгио Фатович.
-- Только в двух словах, -- решительно и огорченно определился Маприй.
-- Мы делали только перевертышей и на этом неплохо зарабатывали.
-- Конкретнее, -- поторопил шеф.
-- Что, если мы предоставим профессору, о котором я уже говорил, новое тело, молодое, и хорошо заработаем! Думается мне, что подобной клиентуры гораздо больше, чем нашей сегодняшней и завязок меньше.
-- Вы, как я понимаю, предлагаете убийства?
-- Почему же так!? Молодых парней и девушек, особенно воспитанников детских домов, у которых совершенно не имеется родственников -- громадное для нас количество!.. Их тела будут продолжать существовать, а изношенные тела наших клиентов совершенно официально будут захораниваться. Конечно же, здесь есть принцип нарушения добровольности с одной стороны, но это будет оправдываться громадной и мгновенной прибылью.
-- Хорошо. А секретность? Где гарантия, что не проболтаются?
-- Это все можно хорошо подать.
-- Нет.
-- Это ваш окончательный ответ, Алекс?
-- Естественно, вы только отобрали у меня время.
-- И вы даже не хотите подумать и все взвесить?
-- Взвешивают, когда есть что взвешивать.
-- Что ж... Я очень сожалею перед вами за мое разгулявшееся воображение, и очень прошу простить меня, Алекс...
-- Когда этот раб будет уничтожен? -- строго уточнил Маприй.
-- Я сейчас же отдам команду, -- сказал в некоторой задумчивости Ворбий.
-- Поторопитесь, -- приказал Маприй, -- я думаю, вас не устроит жить в отставке на проценты фирмы?
-- Алекс, вы можете абсолютно не волноваться. Я больше не потревожу вас по пустякам, а с рабом будет покончено немедленно.
-- Только многолетняя совместная работа позволяет мне надеяться на это, -- сказал Маприй, -- во всяком случае, я вам верю..., пока, -- подчеркнул шеф последнее слово.
-- Я вам тоже. Ваша дальновидность всегда превосходит мои ожидания, -- попытался перейти на сердечность Ворбий.
-- Честно говоря, вы все-таки хитроватый человек, Георгио, и если бы не уважение к вам, сами знаете от кого идущее, я...
-- Во всяком случае идея фирмы принадлежит мне, -- спокойно, будто поднапомнив, сказал Ворбий.
-- Но начальный капитал мой, -- тут же парировал Маприй.
-- Да, -- согласился Георгио Фатович. -- И потому нам работать вместе, а не отставлять друг друга. До свидания, Алекс. -- Ворбий ушел.

Тайный разговор

Профессор Аршиинкин-Мертвяк проходил по одному из университетских коридоров, как вдруг он заметил среди толчи студентов знакомое лицо.

Это была кандидат психологических наук Виктория Леонидовна Юсман.

"Бондаревски Юрий Анатольевич"... -- прозвучало как самое свежее впечатление в голове Василия Федоровича. Юсман не замечала его присутствия поодаль в коридоре, или делала вид, что не замечает, а профессор продолжал пристально высвечивать своим неотступным взглядом таинственную женщину.

Но вот, несомненно, ему не показалось, Виктория Леонидовна подала знак своему наблюдателю: большим пальцем правой руки она, через собственное плечо, несколько раз, отчетливо указала на дверь кафедры и вскоре скрылась за ней, и студенты разошлись кто куда.

Профессор нерешительно направился к двери кафедры и с робостью студента постучался в нее. Не дожидаясь приглашения, он сам открыл дверь и вошел на кафедру.

-- Здравствуйте, Василий Федорович, -- тут же, как только профессор оказался в помещении кафедры психологии, первой с ним поздоровалась Юсман. Она стояла боком у окна и легко, но выразимо и грустно улыбнулась вошедшему.

-- Я целую неделю вас пытаюсь увидеть, -- полушепотом заговорил профессор, -- но тщетны были старания, и мои поиски вас, честное слово... -не договорил он, а только выказывая неловкость объяснения, пожал плечами, замолчал.

-- Вы напрасно меня искали, -- сказала Юсман.

-- Почему же? -- удивился немного обиженно профессор, -- наша последняя встреча, может случиться так, не окажется для меня бесполезной.

-- Вы надеетесь на продолжение? -- кокетливо, но все так же грустно, определилась Юсман.

-- Вы меня не так понимаете, -- переходя на еще больший шепот, обеспокоенно заговорил профессор. -- Ваше право выбирать партнера, но ваша подсказка! -- замысловато произнес он.

-- Что вы имеете ввиду, Василий Федорович? Какая подсказка? -- и, не дожидаясь ответа, Юсман с отчетливой театральностью громко расхохоталась в сторону приблизившегося к ней профессора.

Аршиинкин-Мертвяк теперь стоял уже недалеко от нее, на расстоянии длины двухтумбового стола. -- О-о-ха-хо-хо, -- хохотнула она еще раз, будто для убедительности, -- вы все еще под впечатлением.

-- Извините, -- озадаченно спросил профессор, -- но что вы имеете ввиду?

-- И вы поверили мне? Вот что я имею ввиду!

-- На счет Бондаревски я ничего не стану доказывать, но... "Обратная сторона"... Она действительно существует! И я терпеливо надеюсь на положительный результат. За что и благодарен вам.

-- Перестаньте, я прошу вас! Вы сумасшедший человек!

-- Хорошо. Я больше не буду вам надоедать. А за подсказку... все равно, спасибо...

-- Нет... Вы и в самом деле ненормальный! Несете какой-то вздор.

-- Может быть... Может и было бы это вздором, как выражаетесь вы, но... "Они" вас там знают и, как я понимаю, преследуют определенный интерес к вам.

-- Вы что, представились от меня?

-- Да. Я вынужден был это сделать.

-- Надеюсь, вы не лягнули им, что Юсман Виктория Леонидовна объяснялась с вами от имени Бондаревски Юрия Анатольевича?

-- Именно так!

-- Что вы хотите сказать, что вы...

-- Совершенно верно. Я сказал им то, о чем вы теперь обеспокоены и не хотите почему-то говорить более, чем тогда, в ту удачную для меня ночь.

-- Дачную.

-- Что?

-- Не удачную, а дачную, а при сегодняшних обстоятельствах -злополучную! -- досадно сказала Юсман, -- дернуло меня, -- озлобленно прошептала она себе под нос.

-- Что вы сказали? -- переспросил профессор не расслышав последней фразы.

-- Ничего, кроме того, что вы уже сделали ради своей, -- опять Юсман прошептала для себя, -- задницы, конечно.

-- Я не пойму, -- профессор более не переспрашивал, -- вы хотите со мной поговорить или нет?

-- Да, черт побери мою непредусмотрительность и пьяную вождленность! -- выкрикнула Виктория Леонидовна, но не очень громко, зато достаточно для того, чтобы озадачить и насторожить профессора -- Хочу! Садитесь... Я тоже сяду, -- и они оба присели,

их разделял двухтумбовый темно, полированный стол. -- Вполне вероятно, что вы натворили неисправимое, -- грустно и отрешенно сказала упершись взглядом в полировку стола, Юсман.

-- Но вам-то что волноваться? -- взволнованно оправдался профессор. -Ваше дело позади, и вы имеете то, к чему когда-то стремились и через что, тоже, в свое время, наверняка не без чьего-то участия, получили сегодняшнее удовлетворение от жизни, не так ли? Ведь вы были мужчиной?

-- Я и сейчас он, -- коротко ответила Юсман и профессору стало немного не по себе, но жадность собственного удовлетворения, выгоды от "Обратной стороны", тут же одержали над ним верх и Аршиинкин-Мертвяк не обратил внимания на то, что совсем недавно он переспал с женщиной.

-- Какая теперь разница, -- сказал профессор, -- естественно вы осознаете себя как себя, но имеете... -- но он не договорил, Юсман прервала его:

-- Извините, но по вашей милости, теперь я могу всего этого, -- Юсман окинула демонстративно взглядом свое тело, -- лишиться.

-- Лишиться? -- переспросил профессор.

-- Да, именно так все, насколько я понимаю, сейчас обстоит. А вы предлагаете разговор! О чем?

-- Но позвольте, почему вы считаете, что все так уж и плохо? Да, "они" действительно интересовались человеком, который направил меня к "ним", но этот, "их" интерес был вызван всего лишь статистикой!

-- Ах, какой вы наивный или выдаете себя за такого, но кто же вам скажет подлинный интерес к человеку, направившему вас! -- возмутилась Юсман.

-- Хорошо. Пусть, предположим, так: я наивный человек. Но что вам "они" могут сделать? В конце концов, существует законодательство, закон, который не позволит "им"...

-- Не позволит "им" вернуть меня в мое природное тело, обладателем которого я являлся, тьфу ты черт! Являлась...гм... Являлся когда-то?

-- Разве не так? -- в сомнении произнес профессор.

-- Не так! -- отрезала Юсман. -- Все не так как вы думаете. Они теперь поспешат вернуть меня обратно и я лишусь и женского обличия и звания кандидата наук и работы и нормальной зарплаты -- всего! И это -- в лучшем случае!

-- Если все так как вы говорите, то "лучший случай" не из лучших. А что же тогда худший? -- насторожился профессор, наконец-таки осознавая, что не исключено, и ему придется хранить подобную тайну и иметь предусмотрительность на будущее не вляпаться в похожий конфликт, и воздух в его груди от этого будто затвердевал на какие-то мгновения и словно тем самым бетонировал легкие.

-- Не мне вам объяснять, что есть худший. Об этом не трудно догадаться. Человек, который проговорился, имея, что ему дали, уж тем более не будет молчать, если его лишили даденного, а значит, лучший случай не предвидится.

-- Разве "они" могут...убить? -- боязливо спросил профессор.

-- А чтобы вы сделали на "их" месте, производя противозаконные энергетические операции?

-- Почему же противозаконные? Мне кажется, это вполне официальная фирма.

-- Да, естественно, это так, но "там" делают вид, что излечивают, а на самом деле -- энергопересадки.

-- Значит я ваш убийца, -- медленно проговорил профессор.

-- А вы еще извинитесь передо мной, Василий Федорович! Все глядишь вам легче будет. Но не МНЕ! -- вскрикнула Юсман, и по ее щекам кувыркнулись и зависли на подбородке две слезинки, оставив за собой влажные полоски, которые стали тут же подсыхать. -- Не мне, -- печально и негромко, в остекленелой отрешенности, будто уже не замечая присутствия профессора, сказала Виктория Леонидовна.

-- Может, я смогу вам чем-то помочь? -- жалобно спросил профессор.

-- Уходите, Василий Федорович. Немедленно уходите, -- только и ответила Юсман, продолжая сидеть неподвижно, почти не моргая.

-- Хорошо. Я сейчас уйду, а вы успокойтесь, прошу вас, пожалуйста. -Аршиинкин-Мертвяк встал со стула и уже возле самой двери остановившись, сказал в полупшепоте: -- До свидания, Виктория Леонидовна.

-- Идите вы к черту, -- услышал он в ответ от неподвижно сидящей женщины, -- прощайте же, не стойте на пороге и не мучьте меня. -- В-О-ОН! -довольно громко выкрикнула она и Аршиинкин-Мертвяк тут же выскочил в коридор и захлопнул за собою дверь.

Миша

Аршиинкин-Мертвяк выскочил в коридор -- он оказался почти пустынным, шли занятия. Теперь, один на один сам с собою, он несколько минут стоял в нерешительности: "вернуться назад в помещение кафедры и попытаться... уточнить отношения с Юсман?.. Или..." -- раздумывал он.

"Напрасно... Наверно, я поспешно пригласил сегодня в гости Мишу" -чередовались мысли у профессора, того самого Мишу, который подрабатывал в спорткомплексе дачного поселка.

"Интегральная фирма, оказывается, под вопросом, можно ли с "ними" иметь дело?.." -- пристально переживал ситуацию Аршиинкин-Мертвяк. -- "Вляпаешься, мать ее растак!" -- скользнул ругательный шепоток сквозь зубы профессора, от чего Василий Федорович стеснительно огляделся по сторонам, выглядя при этом так, словно исподтишка испортил воздух, не подслушал ли кто?..

И все-таки выбора не было. Точнее, он был, но тот, кто мог бы его произвести -- никак не в состоянии был это сделать, и потому оставалось хоть и сомневаться, принудительно озадачивать себя, но идти на риск! Потому что жизнь дальнейшая, откажись от услуги фирмы, угрожала непостижимыми для Василия Федоровича муками -- смертоносными! А тут -- надежда.

На улице было морозно и снежно, а солнце только напоминало о где-то далеко существующем тепле.

-- Здравствуйте! Василий Федорович! -- стоял возле двери кафедры и вспоминал Аршиинкин-Мертвяк. Именно так это сегодня двумя часами назад и было: окликнул профессора возле входа в Университет Миша -- молодой человек направлялся на какую-то кафедру по каким-то своим проблемам.

-- О-о! -- как-то покровительственно удивился в ответ на приветствие молодого человека профессор, -- добрый день, Миша, -- сказал он. -- Вы как всегда в спортивной форме, изящно подтянуты, глядя на вас я прямо-таки молодею!

-- Хочется быть таким же? -- игриво поинтересовался Миша.

-- Еще бы! -- воскликнул Аршиинкин-Мертвяк.

Есть люди, на которых даже предусматривающая подвижность одежда смотрится по стариковски, но одежда на Мише короткая, по пояс, кожаная, утепленная изнутри искусственным мехом, куртка коричневого цвета, темно-синие джинсы фирмы "Левис" и кожаные, белого цвета, тоже утепленные, кроссовки, вокруг шеи, поверх воротника куртки, небрежно повязан белый мохеровый шарф, -- одежда на Мише сама отставала от него, даже тогда отставала, когда молодой человек замирал на какое-нибудь мгновение. Дело в том, что Миша обладал присутствием внутренней подвижности, которую ощущал сразу любой, с ним общающийся, человек, у которого непроизвольно возникали желания, порывы к движениям, будь то движениям тела или души. Ну, а уж о Мишиной подвижности физической говорить даже не приходилось.

Миша и в самом деле для окружающих всегда выглядел азартным в переплетениях своих мускул, присутствие которых понималось, даже если они скрывались под одеждой: его походка воспринималась легкой и невесомой, но чередовалась она местами с прямо-таки, ощутимо-тяжеловесными фрагментами движений, что подчеркивало беглую и разумную

силу этого человека. Кроме того, Миша был "нормального роста", как говорили ему вслед, поглядывая многие представительницы женского пола -- чуть повыше среднего.

Миша имел четкий, красивый, будто графически вычерченный профиль высоколобого, черноглазого лица и смотрелся запоминающимся для первого встречного. Волосы у него были черные и кучерявые, как у аборигена африканца, и он носил их всегда коротко и аккуратно подстриженными, ни в какое время года не прикрывая головными уборами. Но примечательнее всего являлась его широкая и уверенная улыбка, обнажающая два ряда крепких белоснежных зубов. Эта улыбка имела особый магнетизм, и человек, разговаривающий с Мишей, тут же начинал непроизвольно улыбаться. Улыбка Миши передавалась собеседнику, который, независимо от своего желания, улыбался в ответ, и магнетизм этой улыбки можно было бы сравнить разве что с липкой соблазнительностью чужого зевка, но только, если от зевка частенько хочется поскорее избавиться, то от Мишиной улыбки у каждого начинали обнажаться человечность и хорошие манеры. Мише было двадцать два года, уже около двух лет, как он демобилизовался из десантников, и теперь готовился поступать в спортивный вуз, будучи уже трижды мастером спорта по шахматам, большому теннису и самбо. Миша снимал однокомнатную квартиру в районе станции метро "Тульская" и жил там один, изредка его привлекали женские посещения, любил он строго, без излишеств, но вкусно поесть, практически не пил спиртного, немало читал всевозможных книг, увлекался автомеханикой, но только чисто теоретически, потому что приобрести машину, хотя бы и старую, пока не хватало средств, но права на вождение автомобиля уже имел. И мало кто знал, да в огромном городе этим и не очень-то принято интересоваться, что Миша являлся бывшим воспитанником детского дома, и лишь основательная сила воли не позволяла этому молодому человеку время от времени депрессировать одиночеством и не ранить окружающих заостренными лезвиями эгоизма, чтобы потом от этого самому не мучиться совестливо: эти лезвия эгоизма ему удалось уничтожить, переломать в спорте.

-- А вы, Василий Федорович, -- улыбнулся Миша, и профессор тут же оскалил свои неровные зубы в ответ, -- будете опять предлагать в Университет? -- спросил молодой человек, почувствовав, что профессор что-то хочет ему сказать, но как бы раздумывает.

-- Да ты же несклоняемый! Всегда в одном лице! -- от души хохотнул профессор, что редко он когда смог бы сделать, и этот хохоток скорее походил на какой-то внутренний толчок, дребезжание развернувшейся пружины, глубоко придерживаемой эйфории, необъяснимого, глубокого возбуждения, но Миша на это не обратил внимание.

-- Спорт, Василий Федорович -- моя стихия! -- весело ответил он на шутку профессора.

-- Да ты знаешь ли, чудак-человек, что спорт -- это буквально все, что только можно себе представить? Спорт -- это соревнование: кто лучше, больше, дальше, -- объяснил профессор и с добродушной ехидцей, -- "вот мол, как я тебя", -- прибавил в интонации, будто для малого ребенка, -- а соревнование присутствует в любом деле! -- и тут же профессор улыбнулся Мише.

-- Пусть так! -- весело ответил Миша. -- С профессорами философии спорить -- бесполезно! -- подчеркнул он последнее слово, -- но я занимаюсь теми видами спорта, которые мне нравятся. -- Молодой человек снова улыбнулся, улыбка перемагнитилась на лицо профессора. Миша, развернувшись красиво корпусом, хотел было уже направиться в сторону входных дверей в здание Университета, думая, что встреча на этом исчерпана, но...

-- Миша! Подожди, пожалуйста... -- будто спохватился профессор.

-- Да, Василий Федорович, -- сразу же остановился и вежливо отозвался молодой человек.

-- Слушай, Миша, у меня есть несколько задач -- ну, никак не могу решить! Может, поможешь?

-- Можно. В следующие выходные захватите с собой на дачу, -- не раздумывая, охотно согласился молодой человек.

-- А если сегодня? Как ты на это смотришь?

-- Сегодня? -- немного подумал молодой человек. -- В принципе можно. Они при вас?

-- Дома.

-- Ох, и хитрый вы человек, Василий Федорович! -- лукаво прищурившись, проговорил Миша, и снова приняв серьезное выражение лица, спросил: -- у вас какое-то сегодня торжество?

-- Ну, если ты придешь, то устроим и торжество. Большого не обещаю - маленькое, но со вкусом. Так как? Договоримся?

-- А почему бы и нет? -- весело сказал молодой человек и улыбнулся, и Аршиинкин-Мертвяк тут же примерил эту улыбку на свое лицо.

-- Хорошо, -- определился профессор. -- Часикам к семи сможешь? Устроит?

-- Нормально.

Аршиинкин-Мертвяк полез во внутренний карман своего кожаного на меху пальто и извлек оттуда какую-то разноцветную карточку.

-- Держи мою визитку, -- сказал профессор и протянул карточку молодому человеку. -- Там есть мой домашний адрес и телефон, -- пояснил он.

-- Единственное вот..., -- как-то замялся Миша. -- Как ваши домашние?

-- А! Из домашних? -- только я и моя дочь.

-- А-а др...

-- Это и все. Мы живем вдвоем.

-- Ну, если так, -- оживившись, сказал молодой человек, -- и мой визит особенно не помешает, я обязательно буду! -- улыбнувшись, согласился он окончательно.

Они распрощались до вечера, и Миша направился в здание Университета, а профессор съездил на своей машине в ближайшее кафе перекусить и снова вернулся на работу.

Именно так это и было двумя часами назад, а потом..., а потом разговор с Юс...

Внезапно, в размышления Аршиинкина-Мертвяка ворвалась студенческая суета, возникшая словно ниоткуда -- наступил перерыв между лекциями.

Рыцарь Чести

Вечером Аршиинкин-Мертвяк находился у себя дома. Он сидел в своем рабочем кабинете и время от времени посматривал на часы, между тем как, по очереди, терпеливо оценивал шахматные задачи в брошюре, которую он сегодня специально купил в киоске по дороге из Университета домой, он подыскивал среди множества задач, на его взгляд, наиболее интересные, где бы действительно он смог оказаться в затруднении, в случае, если бы он и в самом деле взялся за их решение. Шахматы профессор не любил, но уважал их за развитие логики, и он с удовольствием заменил бы игру в них на что-нибудь более подходящее его сердцу, но такого занятия пока не находилось.

Наконец профессор отметил карандашом несколько задач и отложил брошюру в сторону на видное место на своем рабочем столе.

"Половина седьмого" -- промыслил он про себя, когда в очередной раз взглянул на свои ручные часы, -- "Скоро должен быть и Миша. Насколько я помню, -- продолжал внутреннее размышление Василий Федорович, -- Этот молодой человек был всегда пунктуальным..."

Медленная туманность воспоминаний нежно и тепло стала окутывать профессора и он, откинувшись на спинку дивана, в сонливой истоме липко зевнул, опустил подбородок на грудь и мягко закрыл усталые за день глаза.

Нет, он совершенно понимал, что не спит, осознает свое присутствие дома, в рабочем кабинете, сидящим на своем излюбленном диване... Плавно, не отчетливо для того чтобы разглядеть, но достаточно для ласковой ошупи его причудливых чувств, всплывали, откуда-то из неведомой, но понимаемой, точно присутствующей, глубины, в которую теперь стремительно падал Василий Федорович, видения его пережитого прошлого.

Видения прошлых лет заговорили о себе:

Тогда, они, Василий Федорович и дочь Юля жили уже без супруги и матери. Все на двоих и для двоих. Юля и он -- дочь и отец. Он самостоятельно воспитывал дочь: ухаживал

за ней, обучал премудростям жизни. Юля все больше взрослея, напоминала, да что там напоминала -- походила на свою маму, да что там походила -- являлась ее волшебной копией: по форме и движениям тела, в эмоциях и чувственных переживаниях, в логике мышления. И она очень любила своего отца, так же как мама, жена... Насколько у нее получалось, она и вела себя дома, словно маленькая хозяйка: убиралась в квартире, перепачкиваясь при этом с ног до головы, сама кулинаричала -- пока под руководством и присмотром отца, пыталась, и где-то получалось у нее, заниматься стиркой белья, правда, приходилось папе многое перестирывать заново, выжимать, но все-таки!

Воспоминания увлекали в свои ласковые глубины профессора, и расслабленный полет в них стареющего человека нравился ему, среди разноцветного мельтешения чувств и образов памяти стали появляться очертания намагниченных деталей, особо близких. И вот...

Словно картинки для разукрашивания...

Оживающие слайды чувств...

Влажная кожа... Дочери... -- семь лет... Юля, только что после совместного купания. Неловко девочка, переминаясь с ноги на ногу, стоит в своей разобранной кровати... Щекотно...

Едва примагничиваются... Щекотные ладони папы...

Едва припухшие, но уже упругие груди, не по детски крупные соски, настороженные голени... А лицо -- улыбающейся жены... Капельки воды -промокает, стирает сухое полотенце...

Однажды, когда Юле было уже лет около девяти, он не удержался...

Нет, Василий Федорович, продолжительно боролся, смотрел в Юлины сосредоточенные, немного напуганные глаза...

Но...

На что-то похоже...

Близко, неловко, похоже, мучительно...

Запретная ласка...

Ей... было приятно...

Так... он... все-таки... сдался...

Потом, где-то еще около года, Василий Федорович продолжал купать свою дочь, но она все больше стеснялась его и ускользала от того, чтобы повторилось...

В короткое время она совершенно стала самостоятельной не только в купании, но и в отходе ко сну.

И все-таки, в подвижной игре ли, в домашних делах и прочем, нет-нет, да девочка неожиданно оживляясь и тут же, замирая на некоторое мгновение, исподволь, посматривала на своего отца выразительно светящимися от неведомой радости глазами, словно была благодарна...

Даже теперь, когда Юля уже стала совершенно взрослым человеком, иногда она так посмотрит на своего отца, будто до сих пор..., те же глаза детства.

Отдаленное волнение...

Оживающее сновидение...

Но разум...

...

Внезапно, там в прихожей, надломленной мелодией встрепенулся электрический звонок -- кто-то пришел.

Аршиинкин-Мертвяк тоже встрепенулся у себя в кабинете на диване, будто этот звонок ужалил его в душу, и тем самым образные размышления профессора остановились, оборвались, и стали медленно рассеиваться...

"Что это? Где я? Почему?..." -- в первые мгновения подумалось Василию Федоровичу.

Аршиинкин-Мертвяк ощущал мутную тяжесть в области сердца, мысли его еще путались и теперь спотыкались об убегающих врассыпную, только что властвовавших над ним образов прошлых, но близких лет.

Профессор настороженно приходил в себя, осмотрелся по сторонам, разгадывая что произошло...

Звонок в дверь повторился, но уже безболезненно для хозяина квартиры. Тут же профессор спохватился и, бегло нащупавши под ногами домашние тапочки, подскочил с дивана, вышел в прихожую и, засуетившись с открыванием замков, поторопился успокоить гостя через дверь:

-- Открываю, открываю. -- Но впопыхах Василий Федорович замешкался: вместо того, чтобы открыть замок, он его провернул в обратную сторону -закрыл на еще один оборот и пока догадался об этом -- думал, что замок заело. -- Минуточку... Одну минуточку... Сейчас открываю, -- оправдывался он пытаясь заполнить паузу собственной неуклюжести, силясь отщелкнуть непослушный замок.

Наконец замок поддался, привычно скрежетнул его металлический запор и профессор открыл входную дверь.

На пороге оказался Миша.

-- Василий Федорович, -- шутливо обратился он к Аршиинкину-Мертвяку, --вы наверное коллекционируете дверные замки?

-- Совершенно нет! У меня их всего два... Проходите Миша.

-- Барахлят? -- улыбнулся молодой человек, кивнувши головою в сторону замков, когда профессор уже захлопнул входную дверь и они вдвоем оказались друг против друга в теснине прихожей. -- Могу отремонтировать, -- предложил молодой человек.

-- Да нет, -- чувствуя себя немного неловко, сказал профессор, -- замки в норме. Это я так, вздремнул немного... Усталость накопилась... Перепутал, в какую сторону открывать.

-- Понятно, -- отчеканил молодой человек, -- так может, я приду в следующий раз?

-- Надо всегда жить настоящим моментом, Миша.

-- Ясно. Остаемся. Только... -- наигранно сконфузился молодой человек и снова кивнул головой в сторону входной двери.

-- Что такое? -- обеспокоился профессор, -- что-нибудь не так?

-- Замок, -- сказал Миша. -- Смогу ли я потом... обратно выйти через эту дверь, -- улыбнулся он.

-- Выйти-то всегда можно, -- улыбаясь в ответ, сказал хозяин квартиры, -- но, смотря в какой, так сказать, ипостаси, -- и он лукаво заглянул в Мишины спокойные глаза.

-- О чем это вы, Василий Федорович? -- ровно и уверенно спросил Миша.

-- Ну, есть возможность выйти в хорошем настроении, в плохом, что не желательно, а можно и не выйти вовсе, -- объяснился в игривом тоне профессор.

-- Вы что, мне предлагаете у вас остаться жить?

-- Человек никогда не предлагает -- он делает лишь то, что вынуждают его производить обстоятельства его жизни. Они и предлагают.

-- По-моему, подобные обстоятельства от-сутствуют.

-- Сейчас да. Но в жизни всякое бывает, молодой человек... -- задумчиво проговорил профессор, выдержал паузу, и как только гость хотел было что-то сказать, профессор, тут же обеспокоенно и гостеприимно снова заговорил. --Снимайте обувь здесь, одевайте тапочки, вот они, и проходите в кухню. Она у нас, слава Богу, нормальных размеров, а я сейчас, -- словно отдал распоряжение он и, быстро удалился в свой кабинет и оттуда уже, выглянув на мгновение, добавил. -- Если хотите помыть руки -- свежее полотенце и мыло там, в ванной, -- но выглянув еще раз, выкрикнул уже скрывшемуся молодому человеку за поворотом прихожей, ведущем в сторону кухни. -- Да! Свет в ванной! Его выключатель за кухонной дверью!

-- Спасибо! Я уже разобрался самостоятельно! -- откликнулся приглушенно Миша. Послышался шум воды.

Аршиинкин-Мертвяк задумчиво остановился у рабочего стола в своем кабинете. Никогда еще в своей жизни он не волновался так. Он чув-ствовал себя человеком, идущим по минному полю, и хотя в руках этого человека и была карта расположения мин, все равно

-- жутко и страшно. Приходится каждый свой шаг вымерять по карте, и только бы не оказалось ошибки на ней!

Если бы неделю назад... Он давно бы уже вы-проводил, да что там выпроводил -- ни за что бы не пригласил этого молодого человека к себе домой! Но теперь многое меняется.

Профессор изо всех сил собирался с духом. Еще днем, до встречи с Юсман, ему казалось, что все так безоблачно и совершенно в задуманном. Но сейчас...

"Надо взять себя в руки. Сосредоточиться надо", -- определился он в своих мыслях, но неуверенность в положительном исходе продолжала корчить профессору выразительные рожи, она искушала его фантазию и омерзительно-страшные чувственные картины увязали в его оскаленной душе, и Василий Федорович все жевал и пережевывал уродливые предположения на будущее...

Миша теперь уже сидел на жесткой деревянной табуретке в кухне у окна и равнодушно перелистывал один из номеров журнала "Путь от себя", который попался ему на глаза оброненным на пол. И вдруг:

-- Ну, и что читаем? -- неожиданно услышал он.

Молодой человек тут же оторвал глаза от журнала.

-- Юля?.. -- озадачился он. -- Меня пригласил ваш отец, -- оправдал он свое одиночество на кухне.

-- Да уж понятно, что вы не сами забрались, -- улыбочиво подытожила девушка. -- А папа где? -- поинтересовалась она.

-- Насколько я понимаю -- в кабинете, -- ответил молодой человек, --обещал скоро быть. Я не помешаю вам здесь? -- в свою очередь спросил и он у девушки.

-- Нисколько. Я сейчас приготовлю чай.

-- Вам помочь?

-- Гость обязан пить чай, а не угощать! -- парировала предложение девушка.

-- Извините за поведение, нарушающее статус гостя, -- улыбнулся молодой человек.

Ничего страшного. Я этого пока не заметила.

Девушка поставила на плиту небольшой ни-келированный чайник, ловко извлекла из холодильника кусочки торта, уложенные на мелкой расписной тарелке и, поставив ее посредине кухонного стола, села напротив молодого человека тоже на табуретку.

Все это время молодой человек похоже теперь углубленно вчитывался в содержание какой-то статьи в журнале.

-- Так что же все-таки мы читаем, -- при-ветливо, заинтересованно улыбаясь, спросила девушка.

-- Да так, -- пожавши плечами и протянувши журнал девушке, ответил молодой человек, -- взгляните, если интересно.

-- А вам?.. Интересно? -- получая журнал из рук гостя, спросила она.

-- Как вам сказать... -- молодой человек не-много сконфузился, --говорят -- "на безрыбьи и рак рыба!"

-- Понятно, -- кокетливо подкинула головою девушка и вслух прочитала заголовок ста-тьи, -- "Внимание! "Обратная сторона"..." -- на короткое время она задумалась, пробегая глазами содержимое статьи. -- Что-то не совсем улав-ливаю смысл, -- наконец произнесла она свое мимолетное заключение и отложила журнал в сторону.

-- Почему же, -- возразил молодой человек, -- насколько я понял -- они реабилитируют некоторого рода людей, исправляют их психику, если клиенты добровольно на это согласны. По-моему, довольно необходимая обществу миссия. Что-то вроде -- психохирургии.

-- Все они проходимцы! -- воскликнула девушка, -- Любое благое можно использовать и во вред, и даже неплохо наживаться на этом.

-- Ну, так можно начать подозревать всех и вся! -- воскликнул молодой человек. -- А по-моему нужное дело, и оно на своем, никому не мешающем месте.

-- А я говорю нет! -- настаивала девушка. -- Если можно разубедить человека в его тяготении к противоположному полу, то почему бы не суметь, если это понадобится,

произвести обратное, а?..

-- Ну, знаете, Юля! Я не агент этой фирмы и не ее жертва и потому не могу ничего сказать вразумительного и оправдательного.

-- А жаль, -- немного обиженно сказала девушка.

-- Я вас обидел? -- заботливо спросил молодой человек. -- Бог с ней, этой фирмой!

-- Да поймите же, что каждый из нас, может случиться так, -- не застрахован от подобных экспериментаторов, пока они спокойно существуют.

-- Мне кажется, там наверняка неплохо налажен Федеральный контроль, во всяком случае, я так думаю, -- улыбаясь, попытался оправдаться молодой человек.

-- Это вам так хочется думать! -- не унималась девушка. -- И вообще, -на мгновение призадумалась она, как бы вспоминая что-то. -- Откуда у нас этот журнал? -- и тут же добавила: -- Ах, да! Это наверняка ваш, Миша?

-- Как раз-таки нет! -- развел руками в не-доумении молодой человек. --Это ваш..., в смысле он лежал здесь на подоконнике.

-- Интересно, -- снова призадумалась девушка, --значит, его принес папа?

-- О чем взволнованная беседа? А? Молодые люди! -- вклинился в разговор на кухне профессор. Он вошел неожиданно. -- Ты уже вернулась из Университета, Юля? -- обратился он к дочери. -- Очень хорошо.

-- Добрый вечер папа, -- сказала Юля, не вставая с табуретки и, опустив глаза на лежащий журнал прямо перед ней на столе, сказала: -- Папа?

-- Что, Юлинька? -- мягко наклонился к дочери Аршиинкин-Мертвяк.

-- Зачем у нас дома такие вещи? -- девушка указала рукой на журнал.

-- А что такое?! -- воскликнул Василий Фе-дорович, -- журнал как журнал. Я его сегодня в нашем почтовом ящике нашел, наверное почтальон перепутал, положил не по адресу.

-- Смотри, -- сказала напористо Юля, -- какие проходимцы существуют! -и она торопливо разлистнула журнал на том самом месте, где находилась, только что обсуждаемая до прихода профессора на кухню, статья.

Аршиинкин-Мертвяк взял журнал из рук дочери совершенно спокойно и в недоумении успел взглянуть на одно мгновение в сторону Миши, как бы ища поддержки.

-- Юля, -- немного оживился молодой человек, -- все-таки вы преувеличиваете.

-- Нисколько! Прочти папа, прочти, -- настойчиво попросила она отца.

Когда профессор осознал заголовок "Вни-мание! Обратная сторона...", дальше читать он не мог, но делал вид, что читает. Эта статья для него была и в самом деле неожиданностью. Василий Федорович действительно вытащил журнал из собственного почтового ящика сегодня, когда возвращался из Университета домой.

Аршиинкин-Мертвяк почувствовал испуг, перемешанный с восторгом: "Они -напомнили о себе!.. Но что ожидать дальше?.."

-- Ну, и что скажешь, папа? -- не удержавшись, поторопила отца с ответом по-поводу статьи Юля. Но профессор молчал. Он, все так же продолжал "вчитываться" в статью и ориентировался: в какой форме лучше выказать свое отношение. -- Судя по твоему виду, папа, так ты, чего доброго, начнешь их сейчас восхвалять и оправдывать! -- подозревала девушка, пытаясь предугадывать реакцию отца.

-- Зачем же так: с натиском? -- негромко, исподволь наблюдая за происходящим, попытался предложить сдержанность Миша.

Но последняя фраза дочери, собственно говоря сама подсказала профессору то, как себя вести в отношении статьи и он поспешил определиться:

-- Этика, -- начал не спеша и замысловато он, -- штука основательно серьезная...

-- Вот-вот, папа! -- одобрила отца Юля, -- Ты философ, профессионал! Ты не должен оставаться в стороне. Где гарантии, что мы все можем спать спокойно, если существуют подобные фирмы? Мне кажется, что ты обязательно должен выступить в этом журнале со своей статьей и насторожить его публику. Пусть все задумаются о гарантиях и потребуют не

рекламы, а, прежде всего, убедительных доказательств на право существования подобных фирм, существования однозначного, а не двусмысленного, не двувозможного.

Девушка говорила горячо и напористо. Но молодой человек не заметил, что ее волнительное беспокойство по поводу статьи вызвано всего лишь не безразличным отношением к гостю, в самом прямом смысле как к противоположному полу. И будь на месте этой статьи какая-либо другая, Юлю бы так же понесло в разговор. "Эта статья -- случайное совпадение по моей неосмотрительности произошедшее", -- мыслил профессор. И, все-таки, отец усмотрел, правда не сразу, но понял мотив поведения дочери.

Аршиинкин-Мертвяк радовался про себя, за то, что дочь не равнодушна к Мише, это и входило в план его сегодняшнего вечера, но и мать сосала его душу. Ревность и неуверенность в проектируемом исходе заставляли его внутренне переживать, излишне сосредоточиваться, а за это приходилось расплачиваться рассеянностью.

Но главное! Василий Федорович понимал главное. Это -- цель... Она вела и вселяла надежду. Одержимость -- это путь Победителя. Победителя невозможно убить и нельзя победить, потому что -- Победителю не с кем сражаться, в противном случае, он не Победитель...

-- Вы уж меня простите, конечно... -- обратился к девушке и ее отцу молодой человек, -- насколько я понимаю, я был сегодня приглашен в гости помочь порешать шахматные задачи.

-- Да-да! -- воскликнул профессор, спохватившись, точнее ухватившись за эту подсказку гостя, -- Юля! -- обратился он к дочери, будто одновременно оправдываясь и перед нею за нетактичность дальнейшего продолжения разговора о журнальной статье в присутствии гостя, и перед молодым человеком за свою невнимательность и рассеянность, -- Я и в самом деле пригласил Мишу для решения задачек, -- Василий Федорович развел руками.

-- Хорошо, -- немного обиженно согласилась Юля, -- я сейчас налью вам чая и не буду мешать.

-- Молодой человек, -- обратился профессор к Мише и немного вытянулся во весь рост, неловко имитируя тем самым стойку "смирно". -- Я готов к бою. Приглашаю вас пройти в мой кабинет.

-- Вы на меня не обиделись? -- приостановившись по выходу из кухни, спросил молодой человек у девушки.

-- Идите сражаться, Миша. Мужчины должны быть на поле боя, а не дезертировать! -- игриво сказала девушка и обронила улыбку. И Миша тот час обнаружил в своей душе какую-то необъяснимую, но приятную находку. Ничего подобного он еще не встречал и потому удалился в кабинет вслед за профессором, задумчиво улыбаясь...

Не спеша, с расстановками передвигались шахматные фигуры по лакированной смуглой доске. Противники сидели в кабинете друг против друга у рабочего стола профессора. Рядом с шахматной доской лежала разлистнутая брошюра с задачами. Так же, не спеша и с расстановками противники переговаривались между собой.

-- И все-таки, -- молодой человек выдержал паузу и переставил своего слона. -- Вы не любите играть в шахматы, Василий Федорович. Признайтесь, что так.

-- Молодой человек ошибается. Скорее... я... не люблю проигрывать.

-- Проигрыш -- вывод и опыт. Выигрыш -- не всегда. Так говорил мой первый учитель по шахматам.

-- Ваш учитель был совершенно прав, Миша. Но выигрывает лишь опытный...

-- Верно... Но шахматы, уважаемый профессор, вы все-таки не долюбиваете.

-- Может быть... Может быть, Миша... А что любите вы, кроме... -Аршиинкин-Мертвяк воз-мутился. -- Ну, так нечестно! Без этой туры мне вас не обойти.

-- Что поделать, сдавайтесь. Я ее честно вы-играл, Василий Федорович.

-- Ладно. Попробуем заново. Не возражаете?

-- Я для этого здесь и сижу, чтобы помочь вам отыскать правильное решение задачи, -- сказал молодой человек.

Все фигуры были снова расставлены по схеме и противники опять приступили к ее разработке, и так же медленно переговаривались.

-- Так все же, что же любите вы, кроме... спорта и автомеханики? А?.. Молодой человек...

-- Наверно, скорее всего ничего существенного больше не люблю.

-- А как моя... дочь?

-- Юля?..

-- Ну, другой-то... у меня... нет.

-- В каком смысле... "как?"

-- В самом прямом... конечно... Вам она... Ваш ход... Нравится?

-- В каком смысле?.. Нравится. Так нельзя -- королю шах.

-- Я перехожу... И что вы все заладили... "в каком смысле"... "в каком смысле"... Все абсолютно... в прямом.

-- Я не думал об этом. -- Миша на мгновение взглянул на увлеченного игрою профессора.

-- Кто думает, а не... действует. Я перехожу все-таки. Тот... всего лишь -- мечтун... Кто же... действует... и... при этом не думает -безумец..., сорвиголова. Думать и действовать надо одновременно, молодой человек. Все. Ваши белые проиграли, Миша, задачка решена верно...

Миша ушел поздно. Профессор, его дочь Юля и молодой человек долго пили чай и вели беседу о разном. Но каждый из них был по своему внутренне настроен. Каждый из них исподволь наблюдал за другими, прислушивался к интонациям.

-- Как тебе понравился вечер? -- спросил у дочери профессор, выйдя из ванной и намереваясь отправиться ко сну.

-- Ты хочешь сказать, нравится ли мне Миша?... Да, нравится, папа. Ты невероятно догадлив. Спасибо за вечер, -- заметно волнуясь, сказала Юля и, поцеловав отца в щеку, тут же ускользнула в свою спальню.

-- Ну, и чудненько, -- определился профессор, но этой фразы дочь уже не услышала, она прозвучала негромко, один на один с Арши-инкиным-Мертвяком в опустевшей, опустошенной прихожей.

Контакт

Ворбий уединился в контактной комнате. За ним только что бесшумно скользнула раздвижная самозакрывающаяся бронированная дверь. Закрылась. Она надежно отсекала контактную комнату от основных помещений фирмы, от все-го мира.

Здесь, в контактной, которая всего-то была по площади метров двадцать, не более, Ворбий всегда чувствовал себя уверенно и спокойно. Привычно он полуулегся в особое кресло и опустил перед собою передвижной пульт управления. Вдоль всей одной из стен комнаты контакта, во всю длину и пятиметровую высоту этой стены, размещался главный генератор интегральной фирмы: множество приборов со всевозможными светящимися индикаторами, бесчисленное количество переключателей, мигающих кнопок, слышался приглушенный шум ветра -- это множество вентиляторных сквознячков, скрыто вмонтированных в таинственных лабиринтах генератора, охлаждало его электронные, пластико-металлические недра. Кресло располагалось как раз посередине комнаты напротив генератора. Все остальные стены, потолок и пол контактной комнаты были сажеобразного, прохладно-бархатного на ощупь черного цвета. В комнате не обнаруживались глазами, но скрыто функционировали источники неяркого, чисто-фиолетового освещения. На пульте было всего три фосфоритно светящихся, едва выступающих над его основанием, квадрата, справа налево -- фиолетовый, красный, зеленый, и каждый величиной с карманный блокнот.

Ворбий притронулся к фиолетовому квадрату, и тут же этот квадрат стал медленно угасать в свечении, тускнеть, также фиолетовое освещение в комнате начало таять. Погас фиолетовый квадрат -- контактная комната словно растворилась, и только созвездия огоньков генератора теперь будто парили в открытом космическом бездоньи.

Ворбий опустил пальцы правой руки на красный квадрат. Так же как и фиолетовый,

этот квадрат тоже постепенно угас.

На единственном мониторе генератора пошел отсчет времени. До включения вибрационного поля, "болтанки", как именовал этот эффект Ворбий, оставались "секунды раздумья" -- пока еще можно остановить процесс. На экране, прогоняя друг друга, на отведенное мгновение для каждой, появлялись и исчезали последние цифры -- в обратном отсчете: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один... и -- ноль!

Погасли огни генератора, стал нарастать мощный шум, он приближался неведомо откуда, можно сказать -- отовсюду и вот... Все понятнее и понятнее... -- это шум ветра, турбинно гулко ветра. Только зеленый квадрат пульта и яростно бушующий ветер.

Нарастающая скорость полета в неведомом направлении... и...

Контакт начался.

-- В последнее время ты редко стал меня посещать.

-- У меня дела, Гермич, много неотложных дел и даже проблем, -ответил, немного волнуясь, Ворбий.

-- Ты что-то скрываешь от меня? Смотри, Ворбий! Если что..., мне будет терять нечего.

-- Все, что тебе необходимо и важно знать -- ты всегда знаешь, в курсе. Твой личный банковский счет в Швейцарии пополняется не меньше моего.

-- Все это хорошо, Ворбий, но тело!

-- Успокойся, ты получишь и тело. Как только соберем значительные суммы, подыщем тебе крепкого и молодого человека и на его имя переоформим счет. Надо еще поработать.

-- Ты и не можешь себе представить, Ворбий, как мне тяжело.

-- Я понимаю, ты устал. Но поверь мне, го-лубчик, мы еще с тобою порыбачим где-нибудь на роскошных островах, будем пить бочками водку, трахать смазливых девчонок, и с утра до вечера нас будет жарко полизывать солнышко или промокать прохладная тень! А?! Представляешь: сплошное, проливное солнце и множество прохладных промокашек теней, океан или ветвистые заросли, утоляющие жажду остывающего тела, бодрящие пробежки, игры или цивилизованная, комфортная тишина собственного громадного дома. А?!

-- Как ты гадок с такими описаниями, Ворбий! Ты же высасываешь мне душу! Молчи... От этого мне еще больше не по себе.

-- Друг мой! Ты должен потерпеть... Всего-то, может быть, еще каких-нибудь годика два-три.

-- Семь лет прошло. Я уже отчаялся ждать! Лучше бы мне продолжать являться подопытным кроликом.

-- Тебя давно бы уже не было в живых, голубчик мой, а сейчас есть не просто надежда, а действительное, реальное ожидание свободной, прилично не ограниченной жизни. А!? Разве я не прав, Гермич?

-- Хотелось бы думать так...

-- Сам посуди, Гермич, ты приговорен за многочисленные изнасилования молоденьких девочек. За это надо платить, голубчик. Но ты счастливчик! У тебя оказался выбор, ты попал в мою институтскую лабораторию, ко мне. Я произвел с тобой честную, не подложную сделку. В начале, вместо казни, тебя направляют по твоему согласию в мою лабораторию -- везуха! И тут: вместо медленной смерти в институтских застенках, тебе предлагается некоторая работка, командировка, а!? Каково!.. Всего лишь два-три года еще и все, Гермич, и ты -- зановорожденный, молодой и крепкий, красивый парень, а не сорокапятилетняя полуразвалина, а!? Что скажешь?

-- Молчи... Молчи я тебя прошу, Ворбий. И без того сатанинский ужас одиночества. Конечно же, ты прав. Я еще поработаю... Я еще по перетаскиваю этих трахнутых из тела в тело... Тоска, потому и скулю.

-- Хорошо. Теперь о деле, Гермич.

-- Новые инструкции?

-- Похоже так.

-- Я слушаю.

-- Одного пожилого профессора надо будет перетащить в тело молодое.

-- Даже профессор хочет стать бабой! Вонючка.

-- Нет. Ты меня не совсем понял, Гермич. Профессора перетащишь в тело молодого человека.

-- Ну, это другое дело, благородное. А в чем инструкция, Ворбий, для меня такое привычно, не составит особого труда.

-- Так-то оно так, но... Здесь конечный ре-зультат немного другой. Профессора посадишь не как обычно, а вот молодого человека... спустя некоторое время, я подскажу, когда вытащишь.

-- Что, обратно?

-- Нет, голубчик мой.

-- Не понял я тебя, Ворбий, а куда же?

-- Вообще вытащишь.

-- Убить?!

-- Что ты все так называешь нехорошо!

-- А как же -- получается... убить. Но мы же не договаривались об этом! Я не убийца. Я даже пальцем не тронул ни одну школьницу -- они сами давали, соблазнять соблазнял, но убить... Ворбий! Я не смогу на такое пойти. Мне будет трудно потом жить.

-- Дурашка ты, Гермич, и паникер. Да -- па-никер! Вытащишь его как обычно, тебе же не привыкать, и пусть себе что хочет, то и делает.

-- А что с ним произойдет, когда я его вытащу?

-- Какая тебе разница! Сделаешь свое дело -- хорошо заработаешь.

-- Нет.

-- Что нет?

-- Я этого делать не буду, и не заставите!

-- Хорошо. Хорошо, голубчик мой, Гермич. Главное, успокойся: не станешь делать -- не на-до!

-- Спасибо, Ворбий, за то, что передумал.

-- Конечно, передумал. Ты только пересадишь их местами и больше ничего.

-- Значит, потом я не убиваю?

-- Да что ты в самом деле заладил: убивать, убиваю. Я же тебе сказал -нет. Только пересадишь местами. Профессора на место молодого человека, а молодого человека на место профессора. И все. Уяснил?.. Гермич?..

-- А!?

-- Ты что замолчал, не отвечаешь!?

-- Немного задумался.

-- Я говорю тебе: уяснил задачу?

-- Да, уяснил.

-- Прощай, до следующего контакта, -- коротко, в довольно невежливом тоне остановил диалог Ворбий и нажал на зеленый квадрат.

Тут же, вначале, просочились созвездия огней главного генератора и, через непродолжи-тельное время контактная комната осветилась фиолетовым светом.

Ворбий отодвинул в сторону пульт с горящими тремя квадратами, поднялся из кресла, медленно и уныло прошелся по комнате к раздвижной двери, она открылась.

"Сучонок!" -- оскаленно прошипел сквозь зубы представитель фирмы, покидая контактную комнату.

Хозяин

-- Алло... Я слушаю вас... Говорите!..

-- Добрый день.

-- Здравствуйте.

-- Извините за беспокойство: это квартира профессора Аршиинкина-Мертвяка?

-- Да. Он самый у телефона.
-- Василий Федорович?
-- Да. Это я. Кто звонит?
-- Будем надеяться, что вы еще не передумали, и наш разговор будет удачным.
-- Не говорите загадками! Кто вы?
-- Вас беспокоит Георгио Фатович, "Обратная сторона".
Профессор ничего не ответил. Зависло молчание с десяток секунд.
-- Вы замолчали... Может, мне уже не следовало вас беспокоить?
-- Нет-нет. Это просто неожиданно. Точнее... -- Василий Федорович заерзал в кресле у рабочего стола, -- я надеялся, ожидал..., хотел, но предполагал, что все-таки... У вас хорошие новости? -- осторожно, настороженно поинтересовался профессор у представителя фирмы.
-- Думаю, что именно так, -- коротко ответил Ворбий.
-- Но..., это не однозначный ответ, -- похоже, переспросил Аршиинкин-Мертвяк.
-- С моей стороны, точнее, -- поправился Ворбий, -- Со стороны фирмы -ответ однозначный: Да!
-- Спасибо, -- тут же поспешил поблагодарить профессор.
-- Не торопитесь, -- как бы приостановилпорыв благодарности Ворбий. -Я сказал, что с нашей стороны ответ положителен, как вы и хотели, но в общем-то, его еще пока нельзя объявлять таковым.
-- Что такое? -- еще больше насторожился профессор. -- Вы же сказали "Да".
-- Это сказали мы, а что скажете вы?
-- Конечно же, да!
-- Не торопитесь, профессор! Выразить "Да", согласиться, вовсе не значит, что возникла однозначность сторон, вы меня понимаете, что я имею ввиду?
-- Теперь понимаю. Но на этот счет вы можете быть абсолютно спокойны: меня устроят практически любые ваши условия. Я же сказал, что я могу хорошо... отблагодарить.
-- Это не телефонный разговор, Василий Фе-дорович.
-- Понимаю.
-- Вы сможете подъехать к нам завтра, го-лубчик мой?
-- Смогу.
-- В какое время?
-- Лучше, если бы это было после трех дня.
-- Договорились, Василий Федорович, я бу-ду вас ожидать в половине четвертого, устроит?
-- Да.
-- В таком случае, до завтра, профессор.
-- До свидания, -- сказал Аршиинкин-Мертвяк, но тут же спохватился и взволнованно заговорил в трубку: -- Георгио Фатович! Георгио Фатович, послушайте... -- но осекся, замолчал, потому что в трубке уже пульсировал неумолимый прерывистый сигнал. "А жаль..." -- подумал профессор, -- "Надо бы ему было поубедительнее сказать о благодарности, что она и в самом деле будет большой... Они не должны пе-редумать!..."
Аршиинкин-Мертвяк живо подскочил из кресла, но... внутренне... остановивши расшатавшуюся шестидесятилетнюю этажерку чувств, стал сосредоточено прохаживаться по кабинету со взглядом еще одержимой безысходности и одновременно нарастающей надежды -- как арестант, ожидающий амнистии...
-- Ну, вот... -- по-взрослому снисходительно, в адрес только что прекратившего существование на телефонной линии абонента, проговорил Ворбий и, как хозяин, открыл паузу со смыслом, известным только ему... Медленно положив телефонную трубку на аппарат, он мягко, слегка откатился в своем рабочем кресле назад, к окну, при этом не отрывая жалеющего взгляда от своего собеседника... Теперь, Ворбий, будто приготовившись для начала к смачному плевку на расстояние, неотступно сидел за все тем же столом в Приемной Интегральной фирмы. -- Шлифовка идет чудно, конечно же, если вовремя удалять

сучки, вроде тебя, мадам, -- сказал представитель фирмы, как бы давая понять, о чем была его пауза, и как бы пригрозившиею, только что, змеино проползшей. Ворбий противно оскалил зубы в сторону своего собеседника, обнаруживая свое видение в этом собеседнике близкой жертвы.

-- Я имею возможность загладить свою ви-ну? -- не поднимая опущенной головы задала вопрос представителю фирмы Юсман.

-- А как бы ты хотел...ла, уважаемая Виктория Леонидовна? -- с издевкой, в угрожающем тоне, спросил Ворбий.

-- Загладить... Надо заплатить или что-то другое? -- все так же безысходно проговорила Юсман.

-- Заплатить... -- повторил, наигранно за-думываясь Ворбий -- Нет! -Он покачал головой, оттопыривши верхнюю губу. -- Что-то другое?.. А вот это, пожалуй... кое-что! А?

-- Хотелось, хотя бы так, -- немного ожила Юсман и в надежде на мгновение, взглянула в сторону представителя фирмы и снова опустила глаза.

-- Ладно, -- коротко определился Ворбий и немного помолчал, -- В конце концов, ты всегда можешь умереть: поживешь, пока и поможешь, а может..., поможешь и будешь как прежде жить. Все зависит и будет зависеть уже не от тебя, а от обстоятельств, которые сложатся. Тебе больше ничего не остается. Твоя жизнь -- благополучный исход предприятия. У тебя нет выбора, мадам, голубчик мой!

-- Я согласна. Что необходимо делать? -- сказала Юсман в интонации, которую давно и нетерпеливо, взволновано ожидала проявить, но еще не было такого дозволения.

А теперь, наконец-то, ей разрешено загово-рить в этой интонации, и пусть даже так: надменно -- брошена, как собаке кость, брошено разрешение на подобную интонацию, брошено -- "в фирменной упаковке", упаковке, которую Виктория Леонидовна стала, не раздумывая, распаковывать и тут же примерять на себя, примерять разрешенную интонацию на свой голос, его звучание, примерять как подарок представителя фирмы. И даже, если эта интонация окажется ей не к лицу, то, лишь бы он этого не заметил, должно понравиться хозяину. Нужна необходимая хозяину реакция.

Свидание

-- Мой отец какой-то необычный в последнее время, и мне кажется, что он... задумал меня выдать замуж. -- сказала Юля, и в ее глазах промелькнула обворожительная догадка о чем-то.

-- Вы знаете, Юля, я тоже это заметил, -- поддержал направление разговора молодой человек.

-- Интересно, Миша, -- приветливо и застенчиво посматривая на свои ручные часы, проговорила девушка, -- отчего же именно вы, и что, и как могли заметить?

-- Целый каскад вопросов! -- воскликнул молодой человек, и девушка подняла опущенную голову и едва, ненадолго, прикоснулась к его лицу своим понимающим взглядом. Миша обнажил свою очаровательную улыбку, которая тут же переманилась на лицо девушки. -- Я должен обязательно отвечать, -- сказал он, -- или мне предоставляется право выбора, например, сохранять страшную тайну?

-- Мне кажется, следуя нормальному этикету, вы должны объясниться! -определилась девушка.

-- Извините, но я не в гостях, мы на нейтральной территории и потому...

-- Хорошо! -- оборвала собеседника Юля, и в ее голосе выказалась упрямая гордычка. -- Пусть будет, как вам хочется. -- И она сделала вид, что ей абсолютно безразлична тема начатого разговора.

-- И все-таки вам не безразлично -- буду от-вечать я или нет?!

-- Может... -- Юля призадумалась, -- это именно так.

-- Тогда я лучше отвечу?

-- Попробуйте, -- задумчиво проговорила девушка.

-- В таком случае... Гм... Да... -- запнулся, начавши было говорить, молодой человек,

набираясь решительности, -- ваш отец приглашал меня в гости...

-- Помочь порешать задачки, -- оборвала его девушка.

-- Нет. То есть да, но... решение задачек не являлось, как я догадываюсь...

-- Отец предложил вам жениться на мне?

-- Да, -- сказал молодой человек и озадаченно обронив заметно взволнованную паузу, уточнил -- то есть нет...

-- Так что же?

-- Василий Федорович намекнул мне об этом...

-- Я не думаю, что нам необходимо больше встречаться, -- коротко сказала девушка.

Она сразу же ушла.

Уличные фонари будто косились на молодого человека, небрежно освещая переулок напряженными ключьями света. Ее каблук отстучали вниз по лестнице. Лестница увела девушку в лабиринты метро.

Гости

Это происходило около двух часов дня, того самого дня, который ознаменовался началом...

-- Миша, мне некого было больше пригласить, кроме вас, -- наспех объяснился перед молодым человеком профессор. -- Извините.

-- Что произошло, Василий Федорович?

-- Я все объясню, не волнуйтесь.

-- Почему именно здесь, в этом переулке и такая спешка встречи? Ничего не понимаю. Честное слово, Василий Федорович. Что-то случилось невероятное?

-- Погодите, Миша, с догадками! -- бегло остановил молодого человека Аршиинкин-Мертвяк. -- Скажите: вы помните тот журнал?

-- Какой? Их бесчисленное множество!

-- Тот самый, который вы невзначай почи-тывали у меня на кухне, в тот вечер, помните?

-- Ну, помню, был какой-то журнал, -- сказал Миша. "Ерунда какая-то, причем тот журнал", -- подумал он про себя.

-- Пожалуй, не название журнала меня привело сюда, а название его статьи, "Обратная сторона" -- помните?

-- Что-то припоминаю... -- задумался ненадолго молодой человек, -кажется, там описывалась какая-то фирма, которая реабилитировала, или что-то вроде этого, мужеподобных и наоборот -- в нормальных, кажется, путем исправления психики. Но причем здесь статья? -- озадачился еще больше молодой человек.

-- Правильно, -- тут же согласился профессор, -- и статья не причем, но фирма! Вы помните мой коротенький спор с Юлей по поводу содержания работы "Обратной стороны"?

-- Не припоминаю в деталях, но в общих чертах да.

-- Понимаете, Миша... Как бы вам это правильнее объяснить... Я долго выискивал возможность попасть в эту фирму, потому как, меня, как профессионала, плюс нарекания дочери, весьма заинтересовала правильность, если хотите, социальная юридичность в подобной форме решать сложнейшую проблему. "Обратная сторона" -- довольно труднодоступная фирма для человека с улицы, не пораженного болезнью пола. Но, все-таки, мне удалось, буквально двумя часами назад, договориться о встрече с ее представителем. Понимаете?!

-- То, что вы договорились о встрече и вашу заинтересованность -- я понимаю, Василий Федорович, но!

-- Какой вы недогадливый, Миша! -- заботливо похлопал по плечу молодого человека профессор (если бы молодой человек оказался по-внимательнее, то он бы обязательно заметил, что профессор сейчас нервничает, то и дело искоса поглядывает по сторонам и будто недоверчиво ощупывает собственные кисти рук, словно проверяя принадлежат ли ему они, его ли это руки), -- помните предостережения Юли?

-- Не помню.

-- Она говорила, что если могут избавить кого-то от психического неуюта -- прибывать в теле мужчины, но страдать желанием иметь обличие женщины и наоборот -- то есть, помочь обрести общепринятое сознание себя, то есть, полная или приличная вероятность, соблазн, лазейка и для обратного эффекта!

-- Хорошо! Возможно это так, но я все равно ничего не понимаю, Василий Федорович. Что должен делать я? Ворваться в фирму и потребовать, чтобы вас туда пропустили, так вы уже договорились об этом. Может мне необходимо их побить, но...

-- Это уже ближе, но бить никого не надо, Миша. Я вас очень прошу, -профессор взглянул на часы,-- через пятнадцать минут мне на-значена встреча, сопроводите меня в эту фирму.

-- Телохрани́телем? Что же вы сразу не сказали. Это нетрудно, но что вам бояться, Василий Федорович, это же вполне официальная фирма.

-- Так-то оно так, но "Береженого -- Бог бе-режет" -- как говорится.

-- Бойтесь, профессор?

-- В себе я уверен, но Юлины фантазии, при-знаться, немного навеивают на меня некоторые сомнения, а потом, такая труднодоступность! Остается думать, что в жизни всякое бывает.

-- Все-таки вы чудной, Василий Федорович, надо полагать, эта фирма где-то здесь поблизости?

-- Мы стоим возле нее, Миша...

...

Вечером этого же дня Юля обыкновенно ожидала возвращение отца из университета.

На циферблате настенных часов стрелки отследили восемь, половину девятого, но в пятнадцать минут десятого часы развели стрелками, будто руками в стороны, не ведая, будто удивившись, почему от них отстает хозяин.

Юля выключила телевизор, подошла к окну, и оглядевши настораживавшийся на ночь двор, потянула за специальные веревочки и захлопнула шторы.

Затем она взглянула на телефон, приблизилась к нему, осторожно занесла руку над аппаратом и несколько мгновений казалось ей, что телефон вот-вот зазвонит, но он молчал.

"Исправен ли?" -- подумалось девушке и она скоро сняла трубку и прислушалась к ней -- "Гудок есть", Юля положила трубку на место.

И тут раздался и в самом деле звонок!

Девушка схватила трубку, но неуклюже и аппарат свалился с тумбочки на пол.

Звонок повторился дважды подряд. Теперь только Юля сообразила, что звонят в дверь, а не по телефону, и она поспешила в прихожую.

-- Добрый вечер, -- сказала, кажется, незна-комая женщина, объявившаяся на пороге, когда Юля открыла дверь. -- Мне можно пройти?

-- А вы кто? -- озадаченно поинтересовалась девушка.

-- Я -- Юсман Виктория Леонидовна, кан-дидат психологических наук. Я работаю в Уни-верситете. Мы знакомы с Василием Федоровичем.

-- Да... Я припоминаю что-то, -- задумчиво проговорила девушка. "Наверно, это и есть из-бранница папы -- промыслилось ей. -- Дачный поселок, и... по-моему я присутствовала на защите ее диссертации?"

-- Мне можно войти? -- будто поинтересовалась женщина.

-- Конечно, проходите, -- спохватилась девушка, -- но папы еще нет.

-- А вы Юля? -- утвердительно спросила гостья, после того как, по-приглашению, молча прошла в гостиную комнату и уселась в предложенное хозяйкой кресло.

-- Да, вы не ошибаетесь.

-- А что это у вас телефон валяется на полу, поломался?

-- Нет. Мое неосторожное движение.

-- Бывает, -- будто одобрила Виктория Леонидовна.

-- К сожалению, папы еще нет, -- напомнила девушка и тут же уточнила: -- Вы же к нему?

-- Нет. Скорее по его поводу.

-- Как это понимать?

-- Мне необходимо с вами серьезно переговорить, Юля.

-- О чем? -- поинтересовалась девушка, хотя ей подумалось, что она понимает смысл данного визита. "Такая пришла не удочерять -- у нее свои планы и стиль, хорош папа!"

-- Честно говоря, мне трудно об этом говорить вам, сейчас должна подъехать еще одна женщина, думаю, что тогда мне будет легче объясниться.

-- Вы как будто меня к чему-то готовите? Что за внезапная вечерняя таинственность?

-- Не стану скрывать, я и в самом деле, как вы правильно догадываетесь, подготавливаю вас.

-- К чему?

-- Жизнь штука сложная. Вы, человек взрослый и умный...

-- Что вы хотите этим сказать?

-- Все-таки, давайтеждемся Веру.

-- Вера -- это и есть та самая женщина, которая должна подъехать?

-- Именно так.

Наступило произвольное молчание: Юля сидела так же как и гостя в кресле напротив, их разделял низенький журнальный столик.

И вот раздался непродолжительный, но какой-то, как показалось девушке, вкрадчивый звонок в дверь и Юля внутренне насторожилась. "Может, они собрались делить моего отца?" -- думала она, -- "А где же все-таки он сам? Непонятно, ничего непонятно!.."

-- Это Вера, -- сказала Юсман.

-- А почему вы так уверены в этом? -- удивилась уверенности гостя девушка.

-- Должна быть она, если, конечно же, к вам не имеет кто-либо обыкновения приходить в гости в такое время.

-- Но ведь здесь живет еще и мой отец, и это может быть он, скорее всего! -- определилась Юля, обрадовавшись про себя, что сейчас должно многое проясниться.

-- Нет, -- категорически заявила Юсман, -- это никак не может быть Василий Федорович!

-- А что так? -- съехидничала немного в тоне своего голоса девушка, приостановившись у выхода из гостиной, -- вы бы не хотели с ним встречаться?

-- Нет, это не так, Юля. Просто... -- заговорила сбивчивыми расстановками Юсман, -- он..., именно он..., сейчас прийти -- это исклю-чено.

-- Ладно, -- определилась девушка, -- сейчас посмотрим! -- и она поспешила в прихожую ко входной двери.

"Почему эта женщина так уверена, что отец, именно папа, сейчас прийти не может?" -- по пути в прихожую думалось Юле, -- "Либо она знает, где он, либо успокаивает себя надеждой на желаемое, либо..."

Юля, даже не посмотревши в глазок, машинально-ловкими движениями открыла входную дверь: на пороге стояла какая-то, теперь уж точно -совершенно не знакомая девушке женщина.

Выглядела она лет на сорок пять, хотя, возможно, была и моложе: довольно плотненькая, невысокого роста, волосы редкие, цвета свежей ржавчины, коротко подстрижены. Лицо округлое, отчего ее лоб воспринимался заметно ужатым в висках.

При виде этой женщины возникало состояние, будто она только что наелась чего-то жирного и сладкого, а руки и губы не вымыла. Ее серый утепленный плащ, казалось, распахнула нараспашку массивная грудь. Но в общем, эта женщина понималась подвижной, прочно стоящей на ногах.

-- Что с моим папой?! -- тут же требовательно спросила девушка, и эта взволнованная фраза, которая бесцеремонно обнажила внутреннее волнение Юли, словно преградила путь в

квартиру очередному гостю.

Женщина на пороге оторопело смотрела в глаза хозяйке квартиры, наконец:

-- Он болен, -- сказала она.

-- Вы что, издеваетесь?! -- немного подкрикнула в голосе девушка.

-- Нет. Он действительно болен, Юля, -- услышала за своей спиной девушка.

Юля повернулась назад: сказанное принадлежало Юсман, которая тоже, вслед за хозяйкой квартиры, вышла из гостиной.

-- Внезапно заболел, -- снова подтвердила Юсман и добавила: -- Это -та самая Вера, которая должна была подъехать.

-- Проходите, -- сказала печально и медленно Юля женщине, стоящей на пороге.

-- Да, но... -- начала было говорить женщина и загадочно замолчала.

-- Что? -- тут же задала вопрос ей девушка.

-- Дело в том, что я не одна, -- ответила Ве-ра и она молча повела головой в сторону, указывая тем самым на присутствие там, чуть ниже площадки этажа, на ступеньках лестничной клетки, еще кого-то, какого-то человека, которого девушка никак не могла заметить, находясь в прихожей у распахнутой входной двери.

-- Кто там? -- оживляясь, спросила Юля у Веры и не дожидаясь ответа, потребовала для себя желаемого подтверждения, -- папа?! -- бы-ло воскликнула она.

-- Нет. Это... молодой человек. Вы его знаете.

-- Кто? -- настороженно и пугливо забеспокоилась хозяйка квартиры.

-- Юленька! -- послышалось с лестничной клетки, -- ради бога, не волнуйтесь, -- продол-жал говорить приближающийся голос. -- Это я. -- Сказал он, объявившись возле Веры.

-- Миша? -- что-то соображая про себя, про-говорила девушка. -- Но что делаете здесь вы?

-- Они сейчас тебе все объяснят, Юля, -- хо-лодно сказала Юсман.

Минут пятнадцать Юлю приводили в чувства, ибо девушке стало нехорошо еще там, в при-хожей: у нее подкашивались ноги, кружилась голова, и она постоянно повторяла одну и ту же фразу: "Что с моим отцом?.., Что с моим отцом?.., Что с моим отцом?.."

Ее кое-как довели и усадили поудобнее в кресле в гостиной.

Больше всех беспокоился о происходящем молодой человек: он говорил сердечно и волнуясь. Юсман же и Вера оставались хладнокров-но-тактичными, они интонировали свои голоса и производили свои утешительные действия в адрес хозяйки дома, будто сговорившись, словно контролировали себя по инструкции хорошего тона.

Когда девушка немного пришла в себя и была способна выслушать и понять -- ей все рассказали.

Несколько минут Юля молчала, потом по-просила всех оставить ее одну и когда тяжело-весные гости вечера, такими показались девушке Вера, Виктория Леонидовна и Миша, собрались было уходить, как Юля почему-то, остановила Мишу:

-- Миша.

-- Да, Юленька.

-- Пожалуйста, останьтесь еще немного со мной.

-- Хорошо, Юленька -- я останусь. Вы... идите, -- коротко и довольно сухо сказал молодой человек женщинам, тоже остановившимся в прихожей.

Виктория Леонидовна Юсман и Вера ушли. Теперь молодой человек и девушка оставались в квартире одни.

Юля, медленно передвигаясь, предложила Мише пройти на кухню. Движения ее рук будто парашютировались, иногда останавли-вались, зависали.

Оба молчали, пока Юля готовила чай. Миша непроизвольно и как-то виновато посматривал на девушку.

-- Вы сегодня какой-то другой, Миша, -- наконец-то печально произнесла девушка уже за питьем чая.

-- Мне кажется, я всегда был таким.
-- Неправда.
-- Разве что-то существенно заметно во мне иное, большее, нежели переживание за вас, Юленька?

-- Вы сегодня ни одного разу не улыбнулись, Миша.

-- Хорошо. Я попробую, -- и молодой человек натужно обнажил на своем лице улыбку.

-- Нет. Это улыбнулись не вы.

-- Но это я, Юленька, -- словно оправдываясь, сказал молодой человек, заметно обеспокоившись, -- Я, -- улыбнулся, будто подтвердил он.

-- Во всяком случае, раньше вы улыбались не так, Миша. Ведь мне совсем не захотелось улыбнуться вам в ответ. Хотя... Весь мир теперь для меня -- не так.

-- А хотите, я вам прочту стихотворение, Юленька?

-- О чем?

-- О стихах не говорят, их... читают.

-- Хорошо. Почитайте..., пожалуйста, -- задумчиво согласилась девушка.

Молодой человек аккуратно отставил недопитую чашку чая в сторону и, облокотившись одной рукой на подоконник, а другой о край кухонного стола, рассматривая что-то в ночном кухонном окне, заговорил:

Похоже, капает листва:

Распластанные

капли

листьев...

А я у свежего листа

Бумаги белой.

Так же -- вместе:

Бумага,

Я -- мой парк раздумий.

Бумаги много очернило

Любовно

Едкое чернило.

Но осень, разве же в ином?

Она, слезится за окном,

Она -- воятель мертвых мумий!

К живому тянется всегда,

Но откровенная беда:

В ее любви,

В дождливых ласках -

Живые умирают краски...

Люблю, люблю я белый лист,

Глядишь, и лист уже не чист...

Что,

Все способно изменить?

Лишь то,

Что может все губить?

Всегда, везде,

И даже в ласках

Рождаются

И гибнут краски...

-- Откуда?.. Откуда вы эти стихи знаете? -- немного помолчавши после того, как молодой человек закончил чтение, настороженно спросила девушка.

-- Стихи принадлежат всем и сочиняют их все от какого-нибудь лица, выражая, -- сказал молодой человек.

-- А вы... гораздо сложнее, чем я думала, Миша. Но, все-таки..., это же стихи моего папы, откуда они вам известны?

-- Здесь нет ничего таинственного, Юленька! Просто... ваш отец как-то подарил мне их. А вам подумалось что-то другое?

-- Нет. Скорее всего так. Но почему именно вы, вам? -- задала вопрос Юля, будто самой себе вслух.

Молодой человек уловил это в интонации девушки и не стал отвечать.

-- А знаете, -- снова заговорила Юля, -- уже довольно поздно... -определилась она.

-- Понимаю, конечно... я сейчас уйду, -- торопливо оправдываясь, сказал молодой человек.

-- Нет, нет!.. Вы меня не правильно поняли... Не так как я хотела, -- в свою очередь оправдалась девушка, -- я имела ввиду -- "поздно", но это не значит, что вам пора уходить. Скорее... Вам поздно уходить. Оставайтесь спать здесь, у нас, я постелю вам в гостиной. Хорошо?

-- Хорошо, Юленька.

-- Вы остаетесь?

-- Да.

Обоюдное согласие

На следующий день, утром, Юля чувствовала себя уставшей так, будто ребенку запретили входить в излюбленную комнату, но все-таки, переспавши с несчастьем, бедою отца, девушка могла теперь произвести более взвешенный анализ случившегося.

Но вдруг, еще одевая халат в своей комнате, ей послышалось, что кто-то находится в папином кабинете...

Осторожно вышла она из спальни, остано-вилась и прислушалась к закрытой двери напротив. Девушке мнительно казалось, что кто-то или что-то теперь пристально притворяется тишиной.

И вот, действительно, и в самом деле послышалось шуршание бумаги и... медленное движение... конечно же ящика стола!..

-- Кто там? -- негромко, сглатывая взволнованность, спросила Юля, не решаясь открывать дверь в комнату отца, чтобы не спугнуть, возможно возвращение счастья, (отец в кабинете -- почему-то, девушка была абсолютно уверена в этом)!..

У нее на сердце было так же, как если бы это был там он, и в самом деле -- отец.

Но снова сосредоточилась тишина.

Тогда девушка медленно и осторожно попятилась назад и ускользнула в свою комнату, словно играя в прятки, прикрыла дверь -- пусть папа найдет.

Не через долго, отчетливо уловилось: кто-то, будто ощупывая каждый свой шаг -- "точно" вышел из отцовского кабинета!..

Казалось, что молниеносно Юля распахнула дверь своей комнаты в прихожую но..., застала уже уходящего в гостиную Мишу.

Молодой человек не заметил увидевшей его девушки и в следующее мгновение скрылся в гостиной.

Вначале Юля сиротливо, обмануто оторопела, но вот разочарование словно ударило поддых -- дыхание сводило, каждый вдох будто завязывался в узел в ее груди, который с трудом развязывался при выдохе, а в глазах стекленели беззвучные слезы.

Несколько минут спустя, девушка еще про-должала бороться со своим внутренним волне-нием, как оттуда, из гостиной послышался те-лефонный звонок и Юля стала всеми трудно-послушными силами души, которые были разворочены теперь на тяжелые глыбы переживаний, сосредоточивать в себе срочно понадобившуюся внимательность, вслушивалась в телефонный разговор молодого человека с кем-то, отчего ее волнение подернулось хладно-кровным туманом, остановилось в его леденя-щей вязкости и наконец растаяло, забылось, словно девушка внезапно оставивши его объятья, отвернулась от него.

---А втчи.шт.у ...ше, -- не разобрать что, -- проснулась, -- быстрым шепотом произнес

Миша в гостиной по телефону и тут же заговорил через паузы уже обыкновенно, не приглушая голоса. -- Да... Думаю, что нет... Мне очень трудно осваиваться... Попробую, и надеюсь, что все получится... Я очень благодарен вам... Конечно же так... Хочется верить... Вам -- да... Верю... А как, что теперь будет с ним?.. Спасибо... Да, как и планировали... Нет, еще не звонила... Я все понял... Понятно... Конечно... Согласен... Буду продолжать игру!.. Кажется так... Да... До свидания...

Когда в гостиную входила Юля, молодой человек успел уже положить трубку на аппарат -- он закончил свой разговор.

-- Доброе утро, -- пристальноприсматриваясь к Мише, сказала девушка и присела, так же как и гость, в кресло.

-- Доброе утро, Юленька! -- тут же поспешил отреагировать в свою очередь встречным приветствием Миша и постарался улыбнуться.

-- Нет, -- определенно рассматривая молодого человека, холодно, твердо заметила Юля.

-- Что, Юленька? Что-то не так?

-- Вы совершенно разучились улыбаться, мне и теперь, все так же, как и вчера, не захотелось улыбнуться вам в ответ. И вообще, вы стали каким-то другим.

-- Что же все-таки изменилось?

-- Насколько я помню, вы... не проявляли такого мягкотелого характера, а сейчас... честное слово, -- девушка нерешительно остановилась, -- а впрочем, какая разница! -- предлагая переменить тему разговора, сказала она.

-- И все-таки? -- попытался настоять на ответе Миша.

-- Сейчас?.. -- Юля отчетливо выдержала паузу, -- вы больше ходите на моего папу, нежели на себя, каким я вас помню.

Несколько секунд молодой человек молчал, вежливо смотря в глаза собеседнице.

-- Я стараюсь, хоть как-то, -- сказал он, -- сгладить ваше состояние, и поверьте, это я делаю не специально, не в соответствии с этикетом, который подразумевает разум -- сегодня я себя так веду и не могу уже быть другим. Скорее, если я стану оставаться таким же как вы меня помните, то именно в таком случае мне придется играть.

-- Боже... -- негромко, настороженно и уди-вленно произнесла девушка, едва покачав головой по сторонам, -- вы даже стали говорить его языком.

-- Поверьте, это у меня получается произвольно.

-- Не надо оправдываться, Миша. Хорошо, что так, -- сказала девушка и негромко всплакнула, опустивши лицо в свои ладони. Но тут же, будто опомнилась, -- расскажите, как это произошло?

-- Честное слово, я не хотел бы вас больше, чем уже есть, травмировать.

-- Это ничего, -- аккуратно высморкавшись в носовой платок, определилась девушка. -- Вчера, -- сказала она, -- я плохо соображала, все казалось мне нереальным. Пожалуйста, расскажите, как это произошло, еще раз? Как это вообще могло произойти?

-- На вопрос "как?", если вы настаиваете?

-- Да, я настаиваю!

-- Я могу повторить уже рассказанное вчера, но на вопрос "почему?"...

-- Его я задала скорее для себя, чем для вас.

-- Понимаю... -- задумчиво произнес молодой человек, -- хорошо, -добавил он через паузу и... медленно стал рассказывать. -- Вчера днем..., гм..., во второй половине дня я и ваш отец встретились в центре, по его, вашего папы, предварительной инициативе на то.

-- Зачем? -- спросила девушка.

-- Понимаете, Юленька... -- ненадолго зап-нулся молодой человек в поиске подходящего тона для последующего изложения событий, -- ваш отец позвонил мне по поводу вас.

-- Меня? -- удивилась Юля.

-- Да, именно так.

-- Сейчас припоминаю, -- сказала девушка, -- вчера вы об этом говорили, но

подробности..., они совершенно потерялись.

-- Так вот, -- продолжал Миша, -- Василий Федорович позвонил мне и сказал, что ему срочно необходимо встретиться со мной и что это касается, "очень касается моей дочери" -- это его точные слова. Я не посмел отказать ему в этом, хотя у меня и была намечена очередная тренировка -- я... все-таки встретился с ним. ... И я услышал удивительное от него... Он говорил довольно сбивчиво и волнительно. Дословно привести не могу, но приблизительно следующее: вам, (то есть мне), необходимо срочно жениться на Юле, потом еще что-то подобное, не помню. И наконец, Василий Федорович стал тащить меня куда-то за руки, даже пытался схватить за ноги..., уже собирались прохожие, а он продолжал выкрикивать, и я уже плохо разбирал, что именно...

-- Прекратите! -- воскликнула девушка и Миша замолчал. Юля тихо всхлипывала, пожимая красивыми изгибами плеч. -- Извините... Извините меня, -- сказала она, -- что было потом?

-- Может... -- хотел было остановить свое повествование молодой человек, но девушка оборвала его и потребовала:

-- Продолжайте... Что... -- Юля говорила сквозь всхлипы и слезы с огромным трудом заставляя себя успокаиваться, -- было, -- она перевела снова запнувшееся дыхание, -- дальше? Что... было дальше? -- повторила она свой вопрос более отчетливо.

-- Хорошо, -- определился молодой человек и решил закончить коротко. -- Кто-то вызвал скорую помощь, милицию, потом... -- молодой человек смолчал несколько секунд, -- потом Василия Федоровича увезли в больницу... -- сказал он и как бы спохватившись: добавил, -- в психиатрическую.

-- И все? -- тяжело переведя дыхание, укоризненно спросила рассказчика Юля.

Она почти успокоилась и теперь сидела и смотрела в упор на молодого человека так, будто на что-то про себя решалась.

-- Это все, Юля, -- твердо обозначил молодой человек то, что он больше ничего не знает.

-- Ладно, -- сказала девушка немного оживляясь, -- пусть так. Но тогда как же вы, Миша, объясните вчерашнее!?

-- Вы имеете в виду Юсман и Веру? -- осторожно осведомился молодой человек.

-- Да, -- отчеканила девушка, -- откуда появились они?!

-- Но все очень просто! Стечение обстоятельств! -- вежливо парировал Миша.

-- И каковы же они, эти обстоятельства?

-- Дело в том, что когда увезли вашего отца в больницу, то я попытался тут же дозвониться до вас, Юленька, чтобы все рассказать, но... ваш телефон молчал, видимо вас не было дома.

-- В котором часу вы звонили? -- уточнила девушка.

-- Где-то, по-моему, около трех, в четвертом -- точнее сказать не могу.

-- В это время я была в университете, -- внезапно опечалившись, подтвердила Юля, ее оживленность спадала на глазах.

-- Ну вот, видите, -- обрадовался Миша, -- и тогда я позвонил Виктории Леонидовне.

-- Кто это? -- все так же печально и даже теперь безразлично спросила девушка.

-- Юсман, которая вчера...

-- Да, я вспомнила. Но почему именно ей?

-- Так получилось: первый номер телефона в моей записной книжке, попавшийся мне на глаза в той суматохе, принадлежал Виктории Леонидовне. Я искал такого человека, который бы неплохо знал и меня и Василия Федоровича.

-- А вы откуда знаете Юсман, "неплохо", если не секрет?

-- Да так... -- замялся молодой человек.

-- Извините меня за глупый вопрос, Миша.

-- Ничего страшного, Юленька, -- опустивши глаза, подытожил умолчание ответа молодой человек. -- Юсман, -- продолжил он, -- она, по счастливой случайности, оказалась

психологом, да еще имеющим, как я узнал от нее по телефону, когда дозвонился ей, хорошую знакомую-психиатра, практикующего в одном из психиатрических заведений. Она попросила меня перезвонить ей через полчаса. Я перезвонил и тут -- неожиданность! Та самая, знакомая Виктории Леонидовны, Юсман дозвонилась ей, оказалась... В общем, игра судьбы да и только -- Василий Федорович явился ее пациентом.

-- И эту знакомую зовут Вера?

-- Да, Юленька. Она, как Вы помните, вчера приходила, и она обещала сегодня позвонить.

-- Но почему вы решили, Миша позвонить кому-нибудь, почему? Здравый смысл подсказывает мне, что в такой ситуации, прежде всего, вы все-таки должны были разыскать меня.

-- Да, но вас не оказалось!

-- Ну, и что!? Поехали бы в университет или непосредственно ко мне домой, дождались бы!

-- Это сейчас легко говорить об этом, Юля, но вчера я испугался, что Василия Федоровича..., что Василий Федорович... Я боялся за него и не хотел медлить, больше я не знаю, что мне вам такое сказать, чтобы вы поняли, почему я так поступил, -- сказал молодой человек и замолчал, виновато опустивши голову, будто ожидая приговора.

-- Складная сказка, -- проговорила отрешенно девушка.

-- Зачем же вы так, Юленька? -- словно попросил о пощаде Миша, -- это все правда.

-- Не обижайтесь, Миша. Я не имела ввиду не верить вам. Просто... -Юля всхлипнула, -- я не желаю верить в это! -- вскричала она и тут же успокоилась и взяла себя в руки.

-- Вы сегодня сходите со мной к папе? -- жа-лобно спросила молодого человека девушка.

-- Да. Я провожу вас туда и обратно, если хотите, но...

-- Что... "но"?

-- Но я с ним встречаться не буду, -- определился Миша.

-- Почему? Вы чего-то боитесь?

-- Да, я боюсь.

-- Но чего? Если то, что вы рассказали так и есть, то о каком страхе может идти речь?

-- Я боюсь не за себя, а за вашего отца: мое появление не исключено, но все-таки может вызвать у него новый рецидив болезни. Думаю, что не стоит рисковать.

-- Об этом я не подумала. Вы правы, Миша. Извините меня, пожалуйста.

-- Ничего страшного. Вас можно понять, Юленька.

Раздался телефонный звонок.

-- Можно я? -- спросил молодой человек у девушки разрешения на то, чтобы самому снять трубку.

-- Конечно, -- согласилась Юля, и остановивши свой порыв к телефону, вся насторожилась.

Миша снял трубку.

-- Алло, -- спокойно сказал он.-- Здравствуйте, -- потом он... помолчал немного, выслушивая кого-то, и на секундочку прикрывши ладонью трубку, шепнул в сторону девушки: -- это Вера. -- Юля не спеша и стараясь не производить шума, аккуратно присела в кресло и снова целиком насторожилась. -- Да, я знаю об этом, -- продолжал говорить по телефону Миша, -- извините, Вера, одну минуточку... Я хотел спросить, Юленька очень волнуется, можно ли ей сегодня посетить отца хотя бы не надолго?.. -- девушка крепко сцепила свои руки. -- Понимаю, -- озадаченно проговорил молодой человек, отвечая Вере, выслушавши ее ответ. -- Но... Как же тогда быть?... .. Что ж... Постараюсь... Но... -- Миша мельком взглянул на Юлю. -- Сделаю все от меня зависящее... До свидания, Вера, -- печально произнес последнюю фразу по телефону молодой человек и положил трубку на аппарат.

...

Некоторое время Миша прохаживался по го-стиной, потом... медленно и мягко присел в свое кресло.

-- Что же вы молчите? -- не выдержала на-растающей тяжести паузы девушка.

-- К отцу вам сегодня... нельзя, -- подытожил свое молчание молодой человек.

-- Я пойду. В какой он больнице? -- встrepенулась девушка и решительно поднялась из кресла.

-- К нему вас не пустят сегодня и я полагаю... во многие ближайшие дни тоже, -- остановил порыв девушки Миша и она... чуть-чуть еще постояв у кресла, стала заметно обмякать и слабеть на глазах, словно надувная игрушка, из которой выдернули пробку. В конце концов, девушка подкошенно рухнула в кресло. -- Что вы?! Что с вами!? Юленька!! -- торопливо спрашивал Миша девушку. В один прыжок он успел подскочить к ее креслу и уловить падающую в него Юлю.

Нежно он похлопывал ее по щекам и не сильно встряхнул за плечи.

Юля пришла в себя.

-- Голова закружилась, я почти не спала, -

сухо проговорила она.

-- Слава Богу... Может, вам лучше прилечь? -- предложил молодой человек..

-- Может и так, Миша.

С минуту они оба молчали.

-- Почему к нему нельзя? -- спросила Юля.

-- Он тяжело болен сейчас. Вера сказала, должен пройти кризис.

-- А когда он пройдет? -- задавая вопрос, девушка оперлась на плечи молодому человеку. Миша сидел на корточках у ее ног.

-- Нам остается ждать, -- сказал он.

-- И надеяться, -- добавила его ответ девушка, -- как это обычно говорят в таких случаях, -- пытаюсь защититься улыбкой неудачно искривившей ее приветливые губы, сказала она.

-- Не надо так, Юленька. Все будет хорошо. Все должно быть хорошо, обязательно. Я помогу вам, чем только смогу.

-- А знаете, -- грустно и задумчиво обратилась девушка к Мише, -- я сейчас, только что, подумала... Можете вы остаться жить здесь, пока не вернется папа.

Они смотрели глаза в глаза, словно угадывая намерения друг друга.

-- Вам покажется смешно или удивительно, Юленька, но я... только что подумал об этом же, -- сказал Миша.

Находка

Сразу же после завтрака Миша ушел, как он объяснился, "на тренировку и по делам", и Юля оставалась дома одна. Сегодня у девушки был выходной.

Вначале, ей вспомнилось -- она забыла спросить у Миши, что он делал в папином кабинете и... с кем и о чем потом говорил по телефону, когда она стояла в прихожей и справлялась со своими переживаниями? Девушка откровенно посетовала на собственную неуклюжесть общения и забывчивость.

Потом Юля, проходя мимо двери в кабинет отца, остановилась возле нее и долго, переполняемая печальными чувствами одиночества, не решалась на действие, прислушивалась. В кабинете оставалась неподкупная для сомнений -отчетливая тишина.

Продолжительно убеждая и объединяя себя в своем устремлении, Юля, все-таки покорила отношение к двери у себя в душе, что позволило девушке открыть эту дверь и наконец осторожно войти в кабинет.

Первое, что бросилось в глаза девушке, пер-вое, на чем остановился ее изучающий расположение вещей и предметов в папиной комнате, взгляд, это не задвинутый до конца один из ящиков стола.

Юля медленно приблизилась к столу: ящик едва заметно прищемил какую-то книгу и потому оставался не полностью закрытым.

Девушка быстро наклонилась к столу, но замерла на мгновение..., медленно и боязливо потянула она рукой подозрительный ящик на себя, выдвинула его.

Она взяла в руки эту книгу, небрежно вмес-тившуюся в ящик при чьей-то спешке или неаккуратности, и разлистнула ее в самом начале: "Дневник" -завороженно понял девушка, -- "Папин дневник!"

Юля попятилась назад, перелистывая эту, довольно увесистую книгу и машинально присела на папин диван.

"Но разве это возможно читать?!" -- подумала она и захлопнула дневник, -- "А если... прочитав... я смогу помочь папе?" -- тут же появилась новая мысль и стала сражаться с первой.

Несколько минут девушка сидела на диване практически неподвижно, озадаченно. Она присутствовала в состоянии ребенка, когда родителей дома нет, а он разыскал заветное варенье, которое запрещено есть без ведома, но очень хочется, и в ребенке идет борьба воспитания и страсти.

В Юле победила страсть.

Она разлистнула дневник и начала прис-тально читать записи отца с самого начала:

Мой дневник в приличной степени ретро-спективен, в нем я больше излагаю и раздумываю всегда гораздо позже, чем те или иные события происходили в так называемой общепринятой реальности.

Данные несоответствия временных плоскостей и помогают мне озадачивать мой разум, вести эти записи.

Еще в ранней молодости я задумывался над тем, Что есть правильное, нет..., сказать будет гораздо точнее -- задумывался над тем: Что есть Ближе мне самому относительно общества. По тому что социальная, общепринятая правильность обязательно предусматривает канон, что-то несдвигаемо-незыблимое, которое всегда является относительным кого-то или чего-то, удобным кому-то или чему-то, необходимым как степень существования, в данном случае существования тех, кто является хозяином правильности, их существования. Но такое не всегда совпадало с моими видениями Мира.

Я же задумывался над тем: что есть ближе именно мне, а значит, правильное именно для меня, а не для всех.

Что есть ближе именно мне: совокупление чувств с разумом или разума с чувствами?

Ответ на этот вопрос играл для меня существенную роль в жизни, ибо и самой жизни-то моей как таковой могло бы не состояться, в духовном понимании этого, если бы я не решил тогда поставленную перед собой задачу.

И я рассуждал приблизительно так: если предположить, что чувства совокупляются с моим разумом, то родится дитя-эгоист, ограниченное пределами собственных владений с болезненными притязаниями на еще не присвоенное.

Жить человеком, раздирающим свои слипшиеся глаза, прозревающим слепцом?

Но если предположить, что разум совокупляется с чувствами, тогда появляется на свет зрячее дитя, но откровенно, осознанно прищуряющееся чуть-чуть или же сильно, и тогда любой может признать его за своего.

Мне было ясно, что я выбираю разум, опло-дотворяющий чувства.

Но возникла проблема!

Где мне было взять разум, когда я, в те, юнценосные годы своей жизни, жил в основном среди множества "однойцовых" подростков, да и сам -- обладал только лишь острыми или туповатыми лезвиями чувств и не больше.

Все-таки, всплески чувств формировали мой разум!

И однажды, мною, раз и навсегда, было ре-шено: я понял, что окружающие меня тогда люди переводили свои чувства, формировали в разум открыто, естественным для их понимания порядком, то есть, они излагали разум только в известных, освоенных пределах своих чувств, которые лишь и являлись аккумулятором появления разума, его поведения и порядка -- логической развертки. Они не запоминали, не накапливали опыт, потому что

выбалтывали его, эмоционировали.

Для меня стало не секрет, что опыт остается и помнится лишь тогда, когда он подкреплен не выброшенной энергией чувств во вне себя и любое действие, которое не подкреплено не проявленной энергией чувств, способно повториться опять в большей или меньшей степени, а значит проявить повторение, даже повторения ошибок!

Я же для себя начал усваивать иной порядок вещей.

Да, так же как и у окружающих меня людей мой разум продолжали формировать чувства, но я не делал этого открыто, я стал учиться пере-плавлять свои чувства в разум скрытый, как его я условно именовал про себя, и мои чувства все больше превращались из угнетателей и поработителей в своеобразных доставщиков, прислугу, приносителей разума не проявленного, разума скрытого, о котором я умел стойко молчать.

Позже пришло время, когда я сам оживлял те или иные чувства, вызывал их с помощью скрытого разума, если находил пробел опыта, логики в последнем.

Чувства, подчиняясь разуму, лишь только в пределах его, найденного мною пробела, проявляли себя и доставляли радость нового, осознанного осознания, и там, где отсутствовал опыт, где когда-то зависал замеченный мною пробел, туман в разуме -- становилось ясно и все понятно и это место моего разума уже не требовало более прояснения, оно не тревожило, не досаждало, не повторялось.

Я становился обладателем пространства, которым обладал пробел в моем скрытом разуме, пространства, в котором помещался пробел и я заполнял его прибывшим опытом, и пробел переставал существовать навсегда.

Вероятность повтора одной и той же ошибки более не угрожала мне.

Я теперь не ожидал своих ошибок, а я намеренно совершал их сам и потому-то они более не повторялись.

Состояла ли трудность в выявлении пробелов?

Нет!

Это было совершенно легко.

Дело в том, что мой скрытый разум походил на своеобразный остров, который разрастался среди бесконечного, окружающего этот остров, единого пробела, и я, как бы отсушивал, присваивал, отвоевывал с помощью моих воинов-чувств пространство, которым владел пробел, и остров моего скрытого разума увеличивался в размерах.

Как определял я, какое очередное пространство отвоевать у пробела, а какое нет?

Эта механика была тоже не сложной. Ведь я только всасывал чувства те, которые считал не-обходимыми -- остальные просто не возникали.

Пробел для меня значил ни что иное как сплошное сражение чувств. Лишь те чувства, к которым я как-то выражал свои отношения и всасывались в меня, и только они становились моим скрытым разумом.

По каким критериям я измерял свои отношения или не отношения к чувствам?

И это оказывалось просто: если то, что встре-чалось, как-то приближалось ко мне, напраши-валось, не имело ничего общего с моими намерениями -- я отворачивался от этого и обяза-тельно забывал, не реагировал; но, если встреча-лось то, что было мне необходимо в развитии тела и души моих, и оно гармонировало с моими намерениями, не восхищало, не страшило, не мучило мечтами об обладаниях -- я брал это, принимал этот поток воинов-чувств и обратно уже не выпускал, не выказывал, не выдавал пе-ребежчиков и пробел отступал, а остров моего скрытого разума становился больше.

Итак, когда я обрел основу своей жизни, ме-ханизм ее формирования, только тогда я и стал задумываться над ее целью существования...

Вот так-то, уважаемый Василий Федорович Аршинкин-Мертвяк, ты и написал свое заве-щание всем последующим страницам этого днев-ника, объявил, так сказать, Введение на рассмот-рение и изложение некоторых мест в логических просторах своего собственного скрытого разума".

Прочитав своеобразное Предисловие к днев-нику, Юля бережно закрыла эту

рукописную книжку и отнесла ее в свою спальню и спрятала у себя под подушкой. Потом еще, до прихода Ми-ши, она несколько раз возвращалась к дневнику и перечитывала это же место. Ей очень хотелось понять этот ключ, чтобы открыть отцовский дневник правильно, а не взломать.

Тайные разговоры

1.

-- Добрый день, дорогая. Я очень соскучился по тебе. Как там наши дела, как чувствует себя временно подопечный сегодня?

-- Очень мило с твоей стороны, мой волчонок, предоставить мне заниматься шмотками этого старого дурака, а молодой-то каков! Просто дикий зверь. Фу, какая гадость все это!

-- Ну, дорогая моя, надо потерпеть, не так ж долго.

-- Сколько? Так можно рехнуться!

-- Сроки -- секрет, моя козочка, ты же знаешь об этом. Ну, иди же, поцелуй своего волчонка!

-- Да ты же раздавишь меня! О-о! Такие объ-ятия... Не-ет, тебе противопоказано быть молодым, волчонок.

-- А тебе, козочка?

-- Вот еще! Я видела эти шмотки.

-- Ну, и как они тебе -- к лицу?

-- Поклонников у меня будет хоть отбавляй, волчонок.

-- Раздону догола любого из них! Имей это ввиду.

-- Ты жесток, дорогой мой.

-- Я просто деловой человек.

2.

-- Очнулась, любезная? -- оскалился он, изо-бражая улыбку.

-- Что со мной произошло, ничего не понимаю? -- озадачивалась она, поднимаясь на ноги.

-- Ты немного заснула, любезная, приустала наверно.

-- Какая-то усталость во всем теле, вы что-то со мною делали?

-- Какая ты догадливая, а ты как думала!?

-- Я же и так выполняю, что вы говорите.

-- Все, как надо делать ты будешь в любом случае, любезная.

-- Что будет с первым объектом? -- спросила она.

-- Ты становишься любопытной, любезная,-- насмешливо ответил он.

-- Я отрабатываю свою участь и надеюсь на положительный результат, -сказала она.

-- Правильно делаешь, что отрабатываешь, а надежда... иногда штука обманчивая.

-- Что вы хотите этим сказать?

-- Ничего. У первого в шмотках зашита ампула, в назначенное время она ликвидирует объект.

-- Это жестоко с вашей стороны.

-- Мы все не ангелы. Ты лучше спросила бы: что будет со вторым объектом?

-- Но, по-моему, со вторым объектом уже и так все ясно. Все, что должно было быть с ним уже произошло, -- боязливо удивилась она.

-- Ошибаешься, любезная. Второму объекту придется уступить место.

-- Для кого? Ничего не понимаю.

-- Для меня.

-- Для вас?

-- А что? Разве я буду плохо смотреться?

-- Это безумие! Вы совершенно бесчеловечен!

-- Пусть так. Но есть и третий объект.

-- Третий? И кто же... это?

-- Она... В свое время, она тоже уступит свое место для той мадам, которая теперь

досматривает, отслеживает последние деньки первого объекта.

-- Но вам-то до нее какое дело!

-- Ты гадко не догадливая идиотка! Она -- моя жена, -- злобно и торопливо проговорил он.

-- Почему вы открыли мне все свои карты?

-- Я никогда и никому их не открываю, любезная.

-- Но мне же сказали.

-- Тебе?! Ха-ах! Да говорить тебе, все равно что говорить вслух с самим собою или стенке. Ты -- пустое место, ноль, понимаешь это?

-- Но-о...

-- Пошла вон! Я устал... Подожди. Имей ввиду, что первый объект, весьма задолго до то-го как с ним это произойдет... тоже, когда пришел в себя, не знал, что с ним произошло.

-- Вы хотите сказать...

-- Ты правильно меня поняла, любезная. В твои шмотки тоже зашита ампула.

-- Как же это я сразу не догадалась, отчего ты так разговоришься, сволочь!

-- Пошла прочь, и знай, что твоя ампула, в отличии от ампулы первого объекта, управляема мною лично, дистанционно. В любой момент, я остановлю тебя.

-- Удобно.

-- А ты как думала, стерва... извиняюсь, лю-безная. Ну, все! Иди прочь...

-- Я, конечно, пойду, но ты, подлец, все равно ответишь, я верю в это.

-- Как интересно, пришла с надеждой, а уходит с верой. Надежда -пассивность. Вера -- это уже действие. Хорошо. Я учту это, любезная.

3.

-- Как она? -- спросил он.

-- Ей очень трудно, -- ответил другой.

-- Ничего. Сегодня же вы должны проявить активность. Во всяком случае, начало неплохое. Похвально.

-- Мне трудно. Раньше казалось будет легко, а сейчас... Никак не могу свыкнуться с мыслью, что она-то ничего не видит, а мне все кажется...

-- Бросьте вы, -- сказал он, -- ведь все останется так как есть -изменить невозможно.

-- Это еще больше меня тяготит, -- грустно вздохнул другой.

-- Хандра, и не более того, голубчик мой. Вы получили такие молодежные шмотки.

-- Дорого они для меня обходятся.

-- А как вы хотели? За возможность надо платить.

-- Мне кажется, в этом как раз нет проблем.

-- Пока нет.

-- Разве я еще вам остался должен?

-- Как знать.

-- Вы говорите загадками.

-- Вы же сами сказали -- дорого. Значит пожалели.

-- Да нет же. Вы меня неправильно поняли. Разве дело в бумажках.

-- А в чем же тогда?

-- Дорого обходится для души.

-- Какой пустяк, голубчик мой. Это ностальгия по старым шмоткам, -сказал он.

-- Наверно, вы правы, -- подтвердил другой.

Возможность

Юля, только что, раньше обычного, приняла душ. Привычно, она проделывала это ближе ко сну, а сегодня душ получился практически предвечерним.

Вскоре возвратился и Миша, какой-то груст-новатый и внутренне, как показалось девушке, туманно озабоченный чем-то неопределенным.

Некоторое время молодого человека заметно дискомфортило и он разговаривал короткими фразами, в основном отвечал на вопросы и редко что-то спрашивал сам. Словом,

весьма отличался он от себя же вчерашнего и утреннего. Но, потом, постепенно, даже немного повеселел, оживился во взгляде и непринужденно, мягко разговорился, будто вспомнил себя прежнего.

Оба они, и девушка и молодой человек, если так можно выразиться, высокопарно восседали теперь в креслах в ярко освещенной гостиной, разговаривали и попивали чай, как, почему-то, обоюдно решили, без сахара, горьковатый на вкус.

Тут-то Юля и задала свои вопросы Мише, намеченные ею еще с утра.

-- Скажите, Миша, -- проговорила она в то-не размышления вслух.

-- Да, -- тут же отозвался молодой человек и, поставив свою чашечку чая на журнальный столик, приготовился слушать.

-- С кем сегодня вы разговаривали по телефону утром? -- спросила почти повествовательно она.

-- Но вы же в курсе, Юленька, -- удивленно воскликнул он, -- я говорил с Верой.

-- Нет, -- определилась девушка.

-- Как нет? -- теперь насторожился молодой человек.

-- Да нет, не то -- нет, которое, как вы подумали, ставит под сомнение, что вы и в самом деле утром разговаривали по телефону с Верой, тому я свидетель, но не об этом я спросила.

-- Позвольте, но мне кажется, я более ни с кем не разговаривал, -- как бы припоминая что-то, неуверенно сказал Миша.

-- Еще до моего утреннего появления в гостиной, после того, как вы покинули папин кабинет? -- отчетливо, в интонации, которая обязательно требует ответа, сказала девушка.

-- Ах, да! Совсем вылетело из головы, -- оживился Миша, -- я и в самом деле говорил по телефону со своим тренером. Я практически каждый день с ним созваниваюсь и настолько привык к этому, что мог упустить из виду, не обратить внимания, потому и не вспомнил сразу. А потом, я вам скажу, Юленька, мои чувства настолько переполнены случившимся, что остальное сегодня -- трудновато фиксируется в памяти.

-- Наверное, это так, но папин кабинет? -- напомнила девушка.

-- Вы становитесь подозрительной, Юля. Но вас можно понять. Подобные жизненные неожиданности кого только не выбивали из колеи.

-- Вы хотите сказать, что вы не были там се-годня утром? -- не успокаивалась девушка.

-- Где? В кабинете вашего отца?! -- обиженно сконфузился молодой человек, но тут же будто нашелся и принял вид человека, сожалеющего о том, что его не правильно понимают.

-- Так вы не были там? -- заострила вопрос Юля.

-- Конечно же нет!

-- Интересно... -- сказала девушка и немного помолчав, добавила: -- но все-таки там кто-то же был, тогда кто?

-- Вы у меня об этом спрашиваете? -- уточнил Миша.

-- Нет. Если вы говорите, что вас там не было сегодня утром, то спрашивать, грустно вздохнула девушка, то спрашивать мне остается только у себя.

Несколько минут они продолжали пить чай и, словно помалкивая каждый о своем, исподволь переглядывались, но каждый старался ускользнуть глазами, скоро отвести их в сторону от другого, если тот, другой, застигал врасплох, невзначай замечал, что на него смотрят.

-- Что вы на меня так посматриваете, Юленька? -- первым не выдержал молодой человек.

-- А вы тоже на меня посматриваете, Миша! -- парировала девушка.

Оба, как-то с натяжкой постарались улыбнуться друг другу.

Юля в этот вечер, хотя и выглядела заметно усталой, но сидящая в кресле в пушисто-белом халате, с заманчиво, она не замечала, обнаженными ногами -одна пола халата, соскользнувшая на пол, привлекла бы внимание в сущности любого мужчину.

-- Вы не возражаете, если мы перейдем с ва-ми в папин кабинет? -вежливо, но, как-то чересчур по-деловому, обратилась хозяйка квартиры к гостю.

-- Отчего же, пройдемте. Я не против, -- с мягким напряжением ответил тот.

И они незамедлительно поднялись из кресел и прошли в кабинет Аршиинкина-Мертвяка.

Здесь девушка услужливо предложила молодому человеку присесть на кожаный диван Василия Федоровича, а сама стала лицом перед гостем, спиной к отцовскому столу, на который оперлась руками. Из-под глубокой и широкополой шляпы массивной настольной лампы падал не яркий, по-домашнему теплый свет. Лица девушки и молодого человека казались загадочными и приятными.

-- Не могу верить, -- сказала Юля. -- Папа, бедный папа.

-- Напротив, -- возразил молодой человек, -- ваш отец, очень даже богатый человек, если у него такая замечательная дочь!

-- Льстите, -- заметила Юля.

-- Что вы, Юленька,нисколько -- так и есть!

-- Какая же я замечательная -- даже не сходила к нему сегодня в больницу! -- возразила, опечалившись, девушка.

-- Но это же было исключено, вы хотели. Что поделать? Пока нельзя, -постарался утешить Юлю Миша.

-- Странно как-то, -- тихо сказала девушка.

-- Что вы имеете ввиду, Юля? -- заинтересованно и заботливо спросил Миша.

-- Странно, что мы здесь, а папы -- нет. Я никогда не задумывалась о таком. Я и не замечала своего счастья..., счастья, что мы жили вместе. А теперь... Я одна.

-- Что вы, Юленька! Разве я не с вами?

-- Спасибо вам..., Миша. Только, то тепло, когда отец..., никто не заменит.

-- Я не хочу, чтобы вы себя так расстраивали, Юля.

-- Да ну, все... -- переведя дыхание, сказала девушка, достала из кармана халата носовой платок и утерла глаза, -- я уже перестала... Скажите, Миша, напуская на себя веселую подвижность, заговорила она, -- а вы тогда на меня сильно обиделись, в тот вечер, когда мы с вами виделись в последний раз?

-- Ничего страшного, Юленька, всякое бывает.

-- Да. Вы правы, Миша. И все-таки, мне показалось, что вы обиделись.

-- Совсем нет.

-- Правда?

-- Ну, разве что чуть-чуть, -- сказал молодой человек и, приподняв правую руку к своему лицу, показал рост тогдашней своей обиды от пола, как если бы она могла стоять сейчас невидимо в кабинете между ними, но окинувши взглядом величину показанной им обиды, молодой человек стал медленно опускать руку, иронично принижая рост обиды до самого пола, приговаривая при этом: -- Нет, еще поменьше -- вот так! Во-от так! Пожалуй, и это многовато. Нет, еще меньше. Теперь в самый раз! -- его рука ладонью легла на пол возле края тени, наискось падающей от стола.

Юля, не так как раньше, пыталась, сегодня и вчера, а действительно -улыбнулась. Но тут же снова тяжело перевела дыхание. Но все же, она почувствовала, ей стало сейчас немного легче.

-- Вы интересный человек, Миша, -- и в самом деле повеселевши, проговорила девушка.

-- Вы знаете, Юленька, -- плавно и завораживающе заговорил Миша, -- я сейчас выпил бы с удовольствием бокал хорошего вина, уж больно устала душа за последние два дня.

-- Так в чем же дело, вино наверняка есть, и я с вами выпью, -улыбнулась Юля.

-- У вас есть вино и вы до сих пор помал-киваете об этом? -- театрально выражая легкое разочарование, смешанное с радостью, предвкушением удовольствия сказал молодой человек.

-- Я не могу сказать какое именно..., но в ба-ре у папы -- всегда есть какое-нибудь вкуснень-кое. -- Юля повернулась к столу, раскрыла вмонтированную над ним в стене

дверцу бара и извлекла оттуда початую бутылку красного ви-на. -- По-моему, французское! -- воскликнула она. Там же, в баре оказались и бокалы. Юля достала и их. Тут же она отвинтила пробку изящно граненой бутылки и налила немного вина себе в свой бокал, потом протянула другой бокал и бутылку гостю и сопроводила это действие словами: -- Налейте себе сколько хотите.

Молодой человек, не раздумывая, налил себе полный бокал вина и передал бутылку хозяйке квартиры.

-- Взяли бокалы в руки, -- предложил он. -- За что мы будем пить? -нарочито игриво, будто пытаясь развеселить, спросил он у девушки.

-- Пусть папа скорее окажется дома, здесь, у себя, -- произнесла Юля в тоне настойчивого желания себя подбодрить, словно сказала сама себе: "Не печалься, Юля!"

-- Бесспорно, -- подытожил своим полным, убедительным согласием выдвинутый тост девушкой, Миша.

Мелодично звякнули два бокала, звякнули так, будто кто-то едва прикоснулся к давно забытому, игрушечному, с полубеззубыми клавишами, старому детскому пианино.

-- Вы действительно очень интересный человек. -- Вскоре, когда бокалы были отставлены в сторону на столе, сказала Юля.

-- Не знаю. Очень может быть, Юленька. По крайней мере хотелось бы им быть, -- хитровато щурясь, произвел комплимент молодой человек. -- "Ты удивительна, дочка!" -- воскликнул он про себя. -- "Собственно говоря, -- продолжал он свои размышления, -- что останавливает ме-ня?..

Да, она моя дочь, дочь Аршиинкина-Мертвяка, но я же уже, практически, -- не он!..

Как она хороша!.. Я невероятно возбужден, и я едва понимаю ее, но, почему-то, держусь до сих пор за эту тоненькую, придуманную кем-то нить этикета... Нет...

Я все-таки ее отец!.. Проклятье!..

Она так похожа... похожа на нее..., безумная копия моей жены!.. Это просто сатанинское со-стояние...

Я все-таки же еще страшно хочу, я ее столько лет хочу, я ее сейчас хочу!" -- Юля, -- с какой-то внутренней настойчивостью, внезапно даже для себя, так, будто укололся об иголку, окликнул молодой человек в этот момент тоже о чем-то задумавшуюся девушку.

-- Да, -- тихо отозвалась она.

"Ну, ты же видишь, она сама ждет, чтобы ты начал действовать" -проговорил он про себя.

-- Что, Миша? -- не понимая возникшей паузы, спросила Юля.

-- Иди сюда, ко мне, -- решительно потребовал он.

Девушка подошла как ни в чем не бывало к молодому человеку и остановилась возле него. Он сидел на диване, она стояла рядом и их колени были очень близки друг к другу, едва не соприкасались.

-- Присядь сюда, пожалуйста, -- попросил он и одной рукой указал на свои колени, а другой мягко и нежно обхватил Юлю за талию.

-- К вам на колени? -- удивленно уточнила она.

-- Да. Садись, Юленька, -- подтвердил Миша.

И девушка взволнованно присела молодому человеку на колени. И он почувствовал приятную тяжесть ее плоти. Юля обвила его шею своими руками.

-- Миша, -- опечаленно покачав головою по сторонам, проговорила она.

Он едва поцеловал ее в губы. Они не ответили. Потом он дотронулся до них своими губами -- еще и еще раз, и снова надолго замерли они, Миша и Юля, в поцелуе.

Миша расстегнул несколько пуговиц на халате у Юли и хотел, наклонился к ее груди губами...

-- Не надо.... здесь не надо, Миша, сказала Юля, ее дыхание перехватывало и от этого, время от времени, она делала глубокий дрожащий вздох, -- пойдете ко мне в комнату. Я прошу вас.

-- Хорошо, Юленька, хорошо, -- согласился молодой человек.

Они перешли в Юлину спальню.

Здесь девушка, ничего не говоря, стала раздеваться. Раздевшись догола, она, заметно стеснительно, прилегла на кровать.

Миша уже тоже разделся и присел возле нее.

Медленно он поглаживал ее ноги, живот, наклонился и целовал груди, шею, уловил своими губами ее восторженные губы. Потом близко стал рассматривать ее глаза.

"Все именно так, как я и представлял столько лет подряд, -- думал про себя он, -- Боже мой, какое неумолимое сходство!"

-- Я еще не женщина, Миша, -- ласково, но настороженно проговорила Юля, и молодой человек вышел из некоторого оцепенения.

-- Я знаю, -- сказал он.

-- Откуда? -- удивилась девушка.

-- Разве это не видно? -- улыбнулся он.

Они заласкались нежно телами. И вот, источающее негу и сладость, желание молодого человека, внезапным рывком, -- обнажило Юлину боль.

-- А-а-айсс... -- вздрогнула всем телом девушка в дрожащем вздохе и напряглась. -- Мне больно, -- горячо и жалобно, будто попросилась отпустить ее, прошептала она молодому человеку на ухо.

-- Потерпи, малышка, я потихонечку, -- настойчиво и взволнованно тоже приятно прошептал в самое ухо девушке молодой человек.

-- О...ий так... больно...сс... Па!-Па-а! -- вскричала она.

-- Потерпи, моя умница. Ну,.. что ты, ма-ленькая моя. Потерпи, я же потихонечку, -- победно нашептывали горячие Мишины губы.

Другой человек

На следующий день, приятно уставшая, с растрепанной прической, но неуловимо, неумолимо посвежевшая Юля, снова заветно и сосре-доточено уединилась.

Теперь уже реально любимый человек --Миша, такой неуклюжий с утра: как и вчера, ушел по делам.

Постепенно, улучившая момент, наболев-шая печаль вкрадчиво снова прикоснулась к ней. Внимательно решила она продолжить чтение отцовского дневника.

Девушка достала его из-под подушки, но по пути этого действия она посмотрелась намерен-но в стоящее на тумбочке возле кровати округлое, в металлической резной оправе, зеркало; несмотря на несобранный вид свой, ей улыбнулось, понравилось ее, сейчас отра-звившееся в чистом серебре зеркала, лицо.

"Сегодня, будто что-то остановилось во мне из того, -- подумала девушка, -- что всегда заставляло идти, а точнее бежать, искать и тревожиться, и потому спотыкаться и падать, ошибаться и жить наугад, я словно видела раньше все очень близко и мутно, а теперь, мне кажется, что мне придется научиться заново открывать, узнавать старые детали, в обнажившейся, еще не освоенной, будто чужой панораме прожитой жизни моей.

Даже... папина беда, нет, она не прошла, она есть, и я все так же могу чувствовать ее, но и она, тоже какая-то остановленная сегодня, и я имею возможность ее рассматривать".

Медленно Юля отвернулась от зеркала, она еще совершенно никогда не видела свое лицо в нем освещенное первыми, незримыми, живи-тельными лучиками женственности. В этом, каждое осознаваемое ею мгновение, ощутимо при-сутствующем прикосновении материнского состояния, когда человек впервые открывает в се-бе, пускай еще наощупь, но способность не судить, а сострадать, она и приступила к дальнейшему чтению дневника, и разлистнула его.

Вначале она усвоила и поняла страницы, повествующие о тогдашнем еще мальчике, папе, где проявились его первая любовь к Лоле и многие другие перепаутья взросления; первая, неудачная семья -- это время было описано в мрачных красках и как-то вскользь, не подробно.

Далее, многое узнавала девушка о человеке, о котором, как она, (разъяснялось в ее сознании теперь), не имела должного и необходимого представления как дочь.

Все казалось Юле важным в дневнике, но, когда она дошла в своем пристальном чтении до мест, в которых появилась ее, такая далекая и дорогая мама и особенно, когда девушка дочиталась до папиных исповедей, где все ярче и отчетливее говорилось о ней, о дочери Юле, она зачитала прерывисто, время от времени останавливаясь, обдумывая, и что-то перечитывала повторно.

Заинтересованно заострялось ее возбужденное внимание, чтобы независимо, безавторитетно осмыслить рукописные откровения отца, и требовало это внимание, порою, даже неоднократно перечтения мест особо располагаемых к размышлению:

* * *

"Моя вторая, но первая, которую любил я, будущая супруга, Катерина Иосифовна, Катенька, как я стану ее называть потом, работала в научной библиотеке. Как-то я зашел в эту библиотеку совсем накануне защиты моего очередного научного труда.

Мы увидели друг друга и тут же разговорились часа на два. Как раз рабочий день в библиотеке закончился, я, как истинный джентльмен, сразу же решил пригласить мою, ставшую на редкость молниеносно близкую и необходимую мне, знакомую в гости к себе домой -- и она, тогда так женственно отказалась, но не отказала -- сама пригласила меня в гости к себе. И я пошел.

И с тех пор мы больше с ней не расставались до самой ее безвременной кончины".

* * *

"Я отправлял Катеньку в роддом. Она старалась, пробовала лукаво улыбаться, передыхая и набираясь сил для нового сражения с болью, которая стремительно бросалась на нее, словно то-же передохнувши -- жестоко впивалась, хватала Катеньку за живот, сотрясала ее, будто дознавалась -- "Будешь еще улыбаться?!"

Катеньку уже отвозили в палату, когда она сказала мне: "Я обязательно рожу свою заместительницу!"

-- Но может родиться мальчик, -- сердечно и мило попытался возразить я.

-- Нет, -- неотступно сказала она. -- Родится обязательно девочка... Юленька... -- загадочно куда-то смотря, назвала Катенька имя нашей, через три дня действительно появившейся на свет дочери. -- Никогда не давай ее в обиду, -- будто прощалась она, -- пусть Юленька будет всегда с тобой!

-- Ты ошибаешься, -- поправил Катеньку я, -- с нами, Юленька всегда будет с нами.

-- Да, конечно... с нами, -- почему-то печально подтвердила мои слова Катя.

Больше я Катеньку живой не видел...

Она рожала невероятно тяжело, как рассказывал мне врач, принимавший роды, и... через два с небольшим дня умерла, скончалась от сердечной недостаточности."

* * *

"Юленька подрастает. Она -- невероятная копия Катеньки! Да нет, она, без сомнений, маленькая Катя!.. Особое удовольствие для меня составляет купание моей дочери, после которого наступают, когда я укладываю Малышку в постель, искушительные мгновения соблазна, -- я поглаживаю ее, изящно сложенное, нагое и доверчивое тело, и я, с огромным трудом сдерживаю свои руки, когда они едва прикасаются к откровенно обнаженным местам.

Насыщаюсь энергией. Мои мускулы налиты сокрушительной силой. Тогда ухожу к себе и подолгу, шепотом разговариваю с фотографией Кати...

Недавно, я нарочно показал одну из многочисленных фотографий своей покойной супруги одному своему знакомому.

На этой фотографии Катенька изображена в детстве -- семи лет, знакомый хорошо помнит мою дочь Юлю в лицо, (он художник, как-то рисовал ее портрет).

"Как озорно выглядит здесь Юля!" -- констатировал знакомый, и когда я признался, что это не Юля, а Катя..., он так и не поверил мне.

Я никогда и никому не отдам Юленьку! Она будет всегда со мной, как завещала Катя...

Признаться, я частенько ловлю себя на мысли, что я начинаю любить свою дочь как жену, мою маленькую супругу, с одной только разницей, что я не трогаю ее...

Собственно говоря, она и ведет себя очень похоже. Пытается стирать... Убирается дома... Скоро научится готовить..."

* * *

"Я страшно, мучительно ревную свою дочь к мужчинам!.. Не хочу и думать про то, что она, когда-нибудь, когда-то, не за горами уже, ускользнет от меня... Нет!... Кажется, я не в силах буду этого пережить, я просто не знаю, как смогу такое пережить... Второй раз потерять ее, мою Катю?!"

Я всячески мешаю и буду продолжать жестоко мешать любому молодому человеку обращать свое внимание на мою дочь, выказывать каким-либо способом свои чувства к ней."

* * *

"Ах, если бы я смог стать молодым и другим человеком! Тогда бы я женился на Юленьке... Но..., зловещие законы общества, которые мы выпитываем в себя чуть ли не с молоком матери, которые потом именуется, и становятся частью нас как совесть и мораль, правила этики -- именно они никогда не позволят мне этого сделать!"

А значит, я сам никогда не позволю себе этого сделать, потому что и я целиком соткан из этих законов и я не могу управлять собою как захочу -общество правит мною!

Ах, если бы я и в самом деле смог стать молодым".

После откровения этих строк Юля остановила свое чтение, она оторвала свой взгляд от тайной рукописи отца и долго смотрела прямо перед собой, но плохо что видела.

Девушка снова опустила свой взгляд на разлистнутый, лежащий на ее коленях дневник, чтобы еще раз прочесть последним прочитанное место.

Мутно. Слезы. Они капали тяжелыми каплями на построчно исчерниленные страницы отцовской рукописи и расплющивались на них крупными кляксами и расплывались, мутились чернильные слова, словно их прикрывали бракованными увеличительными стеклами.

"Боже мой, папа, -- прошептала Юля и на некоторое время замолчала, ее лицо менялось и стало выглядеть так, будто девушка держит у себя во рту целую пригоршню соли и отчаянно теряет: "что делать дальше, теперь?"

С трудом проговаривая слова, она зашептала: -- Я...т..такая... дочь. Такая плох..хая..., -- словно позвала она, -- папа!..., отвори..т..ти-тельная дочь. Да... Что я знала..., поним..м..мала о тебе?.. -- будто причитала она.

Ворбий и Маприй

Президент интегральной фирмы "Обратная сторона" сидел у себя в кабинете за рабочим столом в низеньком кожаном кресле неподвижно.

Только что, в его кабинете, по срочному при-глашению появился его компаньон -- Ворбий. Георгио Фатович, односторонне торопливо поприветствовав на ходу коллегу, остановился на мгновение у президентского стола и медленно осмотрелся по сторонам. Алекс что-то читал и молчал, тогда Ворбий, не дожидаясь, когда заговорит хозяин кабинета, сам тут же присел напротив Маприя на роскошный деревянный стул, ла-кированный смоляного цвета лаком, мягкий, в замысловатых завитушках резьбы.

-- Ну, что же, -- наконец-то проговорил Ма-прий и -- ожил, будто разманекенился и стал перекидывать в сторону и укладывать стопкой на столе, снова продолжая молчать, разложен-ные перед собою бумаги, к которым только что было захватывающи приковано его внимание.

-- Алекс, -- непринужденно, в дружеском тоне, заговорил Ворбий. -- Я знаю, что ты не приглашаешь и не вызываешь просто так, поэтому могу сказать только одно -- слушаю тебя внимательно. Все что могу -- сделаю.

-- Слишком сентиментально, Ворбий! -- са-модовольно воскликнул Маприй, посмотревши прямо в глаза умиленно улыбнувшемуся коллеге. -- Да, -заговорил он,

откинувшись на спинку кресла и уютно расслабляясь, -- я... не из тех идиотов, которые каждый день где-то роняют свое время, не замечая этого и спохватываются искать его только тогда, когда не обнаруживают его под рукой, так сказать, или в кармане, и потом долго ищут это потерянное время, растеривая при этом на поиски очередное свое время, случается ищут годами и частенько так и не на-ходят.

-- Алекс! -- хвалебно воскликнул в свою очередь Ворбий, -- ты пишешь трактат о времени?

-- Нет. Я просто не трачу время попусту, -- коротко и четко отрезал дальнейшую возможность задавать вопросы Маприй.

-- Я тоже стараюсь так делать, -- согласился Ворбий.

-- Итак, -- в тоне высокого своего положения сказал Маприй, совершенно не обращая внимания на последнюю фразу собеседника, будто она и не прозвучала, -- Георгио, у тебя все в порядке?

-- Что ты имеешь ввиду, Алекс?

-- Естественно, дела фирмы! -- возмущился Маприй оттого, что его не сразу поняли как дол-жно.

-- Нет, не все, -- обидчиво ответил Ворбий.

-- Что именно? -- продолжил Маприй.

-- Не в порядке? -- переспросил Георгио Фа-тович, но тут же осекся, потому что мгновенно понял: его вопрос снова вызовет негодование Алекса, и Ворбий поправился, делая вид, что этот вопрос он как бы задал для самого себя вслух, рассуждая и подыскивая доступный и правильный ответ. -- Да. Есть одна, крупная, мелочами я тебя не стану беспокоить, Алекс, ты же знаешь, я с ними и сам справлюсь -- как всегда..., есть одна, крупная, и-и.. я сказал бы даже -- нарастающая неприятность, проблема, и довольно существенная для нашей фирмы, которую,... боюсь... мне одному решить будет... трудно-ва-то.

-- Слишком уж много замысловатости. Не тумань! -- коротко и надменно отрезал Маприй, -- Говори по существу, Георгио, -- раздражительно потребовал он.

-- Хорошо, -- определился Ворбий, -- наша проблема -- Гермич.

Наступила осторожная пауза, выраженная со стороны Алекса выжидательным высокомерием, а со стороны Георгио Фатовича подготовкой, молчанием, усиливающим значимость, это должен был понять Алекс, значимость того, о чем намеревался говорить Ворбий дальше.

-- В последнее время Гермич меня все больше начинает беспокоить. Мне кажется, что я не исключаю и такого варианта, он способен и на худшее -напасть на меня.

И, хотя я и контактирую с ним всегда под прикрытием надежной защиты генератора и у меня постоянно наготове энергон, готовый в любой момент выстрелить, я все-таки побаиваюсь.

-- Этот подлец, -- внезапно заерзавши в кре-сле, озадаченно и напуганно, как показалось Ворбию, заговорил Маприй, -- не так давно преследовал и меня, отчего я сразу же проснулся посреди ночи и не мог потом толком выспаться, приходилось быть настороже, несколько ночей подряд! А ведь моего адреса у него нет и не могло быть! Откуда? Именно по этому поводу я тебя и вызвал, Георгио. Откуда у него мой адрес?!

-- Ну, думаю, что полной картины твоего адреса у него нет, пока нет, иначе бы, кто бы там ни был, сомневаюсь, чтобы он смог от него улизнуть, извиняюсь, уйти.

-- Что значит "Пока нет"!? -- агрессивно, будто отгрызнулся Маприй.

-- Это значит лишь только то, что значит. Может случиться, что того, чего "пока нет" у Гермича -- он приобретет.

-- Выражайся яснее, Ворбий.

-- Понимаешь, Алекс, невозможно учесть все. Мы здесь, а Гермич там. И как бы мы не старались и не вооружались управлением его существования отсюда, он все равно в какой-то момент, приобретая свой, неповторимый опыт жития, что далеко отлично от нашего,

поймает в конце концов собственную логику поведения и разума, а значит -- ему может открыться способ обвести нас вокруг пальца. Дети глупее нас, но мы живем за пределами детства и потому это справедливо, что ребенок видит как управлять своими родителями, конечно же при условии, если мы не поддерживаем в себе его логику, логику ребенка. Хороший родитель ровно настолько хороший, насколько он и ребенок и родитель одновременно. Вот почему дети чаще поддаются влиянию себе подобных, улице, нежели тому, кто их призывает к послушанию, пытается управлять ими.

-- Уж не хочешь ли ты сказать, Ворбий, что нам следовало бы научиться жить еще и так, как он, Гермич?! Абсурд! Больше мне делать нечего, как сидеть взаперти без тела.

-- Это не выход, Алекс.

-- И я об этом же, Георгио! Поэтому, давай-ка без лирики, конкретно: что и как ликвидировать, шансы и возможности? Говори, -- в деловом тоне приказал Маприй.

-- Извини меня, конечно же, Алекс, но я вы-нужден тебе сказать, что твоя нелюбовь к, так называемой тобою, "лирике" с моей стороны -- отнюдь не в твою пользу, а скорее выказывает тебя человеком, еще раз прошу прощения, но, в довольно губительном смысле для нашего дела -- ограниченным.

-- Что-то ты разговорился не так? -- подозрительно рассматривая Ворбия, прищурившись, сказал Маприй.

-- Мы на одном корабле, Алекс, одна ко-манда. Возникла течь... Потому и терять нечего. Надо объединяя усилия, спасаться, а не пренебрегать даже поданной тебе для спасения соломинкой.

-- Ладно тебе, душистиком прикидываться, с твоими-то клыками! -немного отступая на попятную, сказал Маприй. -- Что делать будем?

-- Хорошо, -- принимая отступление и получая возможность более уравновешенно и без особых ограничений вести разговор, согласился Ворбий и стал продолжать свои изъяснения: -- Ты спрашиваешь "Что и как ликвидировать, шансы и возможности?"... -- он сделал замысловатую паузу.

-- Ну, не тяни же ты, прошу тебя, -- с налетом брезгливости к вынужденному тону поторопил Георгио Фатовича Маприй.

-- Согласись, Маприй, что шансы наши, нач-ну с них, я не могу определить, предсказать с определенной точностью... Но то, что они на нашей стороне -- это исключено, скорее на стороне Гермича.

Как ты понимаешь меня, Алекс, нулевой ва-риант я уже, по известным причинам тебе, -- исключаю.

Так вот, а что касается возможностей... -- Ворбий призадумался ненадолго, -- в приличной степени наши возможности тебе знакомы, даже такая, как убрать Гермича, но тогда мы практически лишаемся возможности работать, нашей фирмы.

-- Ворбий, скажи честно: ты считаешь, что Гермич неминуемо до чего-то додумается?

-- Да, Алекс, здесь только вопрос времени, когда это произойдет, и к тому событию мы должны будем готовы во всеоружии наших возможностей: победить или убрать безболезненно для общего дела.

-- Но может есть что-то, что все-таки сможет остановить его? Или хотя бы продлить сроки?

-- Остановить? -- иронично переспросил Ворбий, -- это, по крайней мере на сегодняшний день, -- он покачал головой, шумно делая глубокий вдох, -абсурд, -- немного нараспев проговорил он, производя не менее шумный выдох. -- "Продлить сроки" -- ты правильно заметил, Маприй, это именно то, чем нам и следует сейчас вплотную заниматься.

-- Говори: как? -- коротко подбросил фразу Алекс, но она прозвучала доброжелательно.

-- Итак, -- многозначительно произнес Ворбий, -- вначале, расставим все на известные логические места, чтобы иметь возможность базы рассуждения и окончательного вывода, а также кое-каких перспектив и уже реальных, мною воплощенных на сегодняшний день и ожидающихся пуска, дополнений.

У нас имеется в распоряжении главный генератор. Это -- основной наш козырь, но теряющий силу для нас каждый день.

Надо спешить.

С помощью генератора я контактирую с Гермичем и управляю его манипуляциями в рамках нашей фирмы.

Гермичу, в последний с ним контакт, я пообещал подыскать подходящую "одежду", но, как я понимаю теперь, одного только этого, моего обещания -не достаточно. Не исключено, к этому надо быть готовым, что очередной мой контакт с Гермичем, может закончиться весьма плачевно: в первую очередь для меня, а во вторую для фирмы, а значит для всех нас.

В этот, очередной контакт, на который я отправляюсь сразу же из этого кабинета, Гермич, скорее всего нападет на меня и в срочном порядке потребует уже не обещаний, а действия, то есть -- тела, и, так как для того, чтобы его требование выполнилось, он вынужден будет меня отпустить, то он, здесь его можно понять, не пойдет на это. У него останется только два разумных варианта: либо удерживая меня энергозаложи-ком, добиться через это действие желаемого результата, либо... -- Ворбий как бы запнулся и замолчал ненадолго, -- либо, что крайне не желательно, потому что окончательно худо для меня, Гермич завладеет моим телом. -- сказал последнее Георгио Фатович и его довольно заметно передернуло в плечах. -- Вот так-то, Алекс.

-- Почему ты уверен, -- медленно, в сердечном тоне, выражая свое сожаление и соболезнование в адрес предстоящего, заговорил Маприй, -- уверен в том, что Гермич обязательно в этот раз пойдет на штурм, ведь, насколько я знаю, ключей от генератора и его кода у него нет, ему остается только помощь накопленной энергии. Я знаю, что он это делает, копит энергию, но...

-- Ключи от генератора и код генератора у него имеются, -- спокойно, как ни в чем не бывало, сказал Ворбий.

-- Но позволь! -- возразил Маприй, не понимая, что ему делать, как среагировать на подобное заявление Ворбья: то ли разгневаться, то ли поднять на смех. -- Откуда у Гермича ключи и знание кода?!

-- Их ему дал я, -- все так же спокойно ответил Ворбий.

-- Ты шутишь, но если так... -- ты сошел с ума!

-- Вовсе нет, Алекс. Ты меня знаешь довольно продолжительное время и потому, наверняка, сможешь понять меня правильно. Я не делаю ничего, по крайней мере, стараюсь не делать ничего попусту.

-- Я требую объяснений! -- еле сдерживая себя от того, чтобы не сорваться в гнев, приказал Маприй, -- объяснись, Георгио, -- настойчиво определился он.

-- Я оставил ключи и код специально в последний контакт, будто забыл их. Естественно, Гермич не ребенок, сейчас он уже наверняка поджидает меня, ну разве что случится невероятное, и у моего подопечного проявится вера, честность и прочие атрибуты всепожирающего социума, но такое исключено у рецидивиста-смертника? Исключено!

-- Не понимаю. Но в чем здесь резон, Георгио?! Ведь ты только ускоришь конец!.. Всему, -- опечаленно произнес последнее слово Маприй.

-- Э-э! Вот уж нет, а совсем наоборот, мой друг. Ты должен успокоиться, Алекс, сейчас я тебе все поясню.

Гермич ничего не смыслит в генераторе, у него есть только одна слепая сила и не менее слепое желание и не больше того. Он может только заставить меня произвести с ним то, что ему нужно. Без меня Гермич ноль. Сегодня, прежде чем выйти на него в "контактной", я произведу вперед себя для Гермича информацию, что он должен сделать то-то и то-то, потому что с сегодняшнего дня я приступаю к передаче своего собственного тела в его, Гермича распоряжение, и так, между прочим, напому ему, что мол, я, в прошлый раз, к сожалению, не предупредил его о том, что именно в этих целях оставляю ключи и код генератора, и тут же поинтересуюсь: нашел ли он их. Сыграю: скажу, что я их оставил, но

забыл предупредить об этом, и что это очень жаль, так как, мол, я думал, чтобы ты, Гермич, поработал с этими ключами и кодом до следующего моего контакта с тобой, ну да ничего, мол, страшного в этом нет -- сейчас я выхожу на очередной контакт и поработаем с ключами и кодом вдвоем -- поосваиваешь их под моим контролем, ведь тебе, скажу я, в дальнейшем придется контактировать со мной, ибо я займу твое место, а ты, Гермич, поработаешь в фирме -- так нужно.

Естественно, Гермич будет поражен таким доверием.

-- А если он все-таки нападет на тебя? Тогда что? -- предупредительно поинтересовался о возможном последствии этой авантюры, Маприй.

-- Тогда я его законсервирую,-- спокойно ответил Ворбий.

-- Это что-то новенькое, -- насторожился Маприй.

-- Действительно так. Моя последняя, точнее..., одна из последних работ. Я завяжу в энергоузел накопленную Гермичем энергию, закольцую его с помощью нового прибора. Гермич окажется во временной западне с ключами и кодом, но применить он их не сможет, тем более без меня, а у нас появится главное: пленник будет безопасен совершенно определенное время -- шесть месяцев, именно столько времени ему понадобится для освобождения -- это мои тщательные расчеты и обжалованию не подлежат, ты же знаешь, в таких вещах я никогда не оши-баюсь.

Пленник станет продолжать работать на нас, потому что все функции управления им, в случае применения нового прибора, генератор сохраняет, это тоже гарантировано, а потом, по истечении шести месяцев -- мы уничтожим Гермича. Вот и все.

-- Если этот сценарий сработает, то... гениально, Георгио! Ты умница! -- не удержался и воскликнул еще раз Маприй. -- Умница!.. Но только не пойму, зачем тебе понадобилось вручать Гермичу ключи и код генератора, можно было бы обойтись и без эдакой жертвы.

-- Нет, Алекс, и еще раз -- нет. Потому что, во-первых -- именно здесь и кроется секрет работы моего нового прибора -- он сработает лишь в том случае, если ключи от генератора и код будут находиться в центре будущего энергоузла, ну да это уже мои проблемы, Алекс, технологию -- оставь для меня, а во-вторых, конечно же, зона и степень риска, но, да ничего, думаю, что все обойдется, во-вторых, еще почему я отдал ключи и код, это -- мой прибор, к сожалению, опытный образец уже имеется, но его не достаточно для применения в нашем случае,.. э-э..., -- Ворбий замялся, -- короче, -- сказал он, -- рабочий экземпляр прибора на самой последней стадии сборки.

-- Как?! -- ошеломленно, будто подавившись, выдал из себя Маприй. -Прибор еще не готов?

-- Через две недели -- все будет в порядке. Всего лишь, через две недели, Алекс. Надо было что-то придумывать, потянуть время. Риск действительно есть, но маловероятно, чтобы Гермич мне не поверил. Я слишком хорошо знаю психологию человека, тем более убийцы-смертника, и тем более, я хорошо за это время изучил самого Гермича --должно быть все в порядке.

-- Я думаю, что ты, Ворбий, слишком само-надеян! -- продумывая что-то про себя, сказал Маприй.

-- Но, если я не пойду сегодня на контакт с Гермичем, и не пойду еще две недели до пуска прибора, то наша работа, фирма остановится, черт побери, Алекс, за две недели мы потеряем столько прибыли и потом -- времени, я скажу тебе, мой друг, у нас в обрез, надо спешить.

-- Знаю, -- нервно произнес Маприй. -- Из Федеральной Службы Контрразведки интере-суются нами. Надежные данные.

-- Да-да, -- разочарованно причмокнув языком, сказал Ворбий. -- Тем более -- надо спешить. Ну..., я пойду! -- твердо заявил он и тут же встал и скоро прошагал к двери из кабинета, остановился возле нее и, оглянувшись, широко ос-калил свои зубы.

Маприй продолжал сидеть в задумчивости, он тоже посмотрел на Ворбия, -не волнуйся, мой друг, все будет в порядке! -- сказал Ворбий и подмигнувши Алексу, открыл

дверь и вышел из кабинета.

Как только дверь за Ворбием закрылась:

-- У-а-ха-ха-ии... идиот! -- негромко хохотнул в адрес Ворбия Маприй, -- иди, иди... к приборам, твою мать! Скоро ты мне не понадобишься, придурок... Однако, не лишне знать было: чем ты занимаешься? И я -- теперь знаю. Иди, мой мальчик, иди, -- гадливо кривя губами, сказал Алекс.

Миша и Юсман

В это же время, когда в интегральной фирме "Обратная сторона", шла напряженная бе-седа между ее президентом Алексом Маприем и его помощником Ворбием, произошла встреча известного молодого человека с Викторией Леонидовной.

Ситуация разговора этих людей разворачи-валась в помещении кафедры психологии в университете, где до своей внезапной болезни работал профессор философии Аршиинкин-Мертвяк.

Молодой человек и Юсман сидели за столом друг против друга.

-- Я пригласила тебя, Василий Федорович... -- заговорила Юсман.

-- Миша, -- молодой человек поправил ее.

-- Ну, да... Извини... Конечно же так, -- согласилась с очевидным, как-то жалобно всматриваясь в молодого человека и продолжила Юсман, -- я пригласила тебя, -- она сделала акцент на следующем слове, -- Миша..., чтобы обсудить с тобой кое-что очень, действительно, жизненно важное как для тебя, так и для меня. -- Юсман, на несколько мгновений задумалась, -- это жизненно важно и для твоей дочери, Миша, -- решительно добавила она.

-- Что ты хочешь сказать, Виктория? Я, то есть мое старое тело профессора, в котором теперь заключен подлинный Миша, находится в доме для душевно больных и никогда оттуда не выйдет, это факт.

Сегодня я, неоспоримо, являюсь Мишей, а Юленька, она тем более в полной безопасности и я снова с ней. Все состоялось, как и должно было быть. Тебе..., согласен -- надо побаиваться их, но..., мне кажется, ты можешь, наверное это даже будет лучше, -- куда-нибудь уехать, затеряться, даже за границу, с финансами я помогу.

-- Нет. Ты, уважаемый профессор... -- взвол-нованно заговорила Юсман.

-- Миша, -- вмешался молодой человек.

-- Да, да, Миша... -- приняла поправку Юсман, не придавая этому значения, -- Так вот, -- продолжала говорить она, -- ты и в самом деле наивно доверился Ворбию?

-- А почему бы и нет?! -- довольный собой, возмутился молодой человек, -- то, что он обещал -- выполнил, и результат налицо! А то, что ты хочешь сейчас сообщить мне, скорее всего, вряд ли будет иметь реальное лицо.

-- Ты хочешь сказать, что я намеренно тебе буду лгать?! -- в свою очередь возмутилась Юсман.

-- Я так не сказал, но..., сама понимаешь, я вынужден относиться к твоим словам с осторо-жностью, -- мягко, будто успокаивая младшего, сказал Миша.

-- Хорошо! Я буду действовать сама, за свою шкуру, как ты наверное думаешь обо мне, а ты... -- Юсман посмотрела на молодого человека с пренебрежением, -- можешь убираться в свой временный, подлый рай! -отрезала она.

-- Зачем ты меня осуждаешь? -- попытался спросить Миша.

-- Все. Я окончательно не желаю иметь дело с самодовольным слепцом и даже..., видимо, трусом! Убирайся и погибай, жаль только Юлю, твою дочь -наивную, несчастную девушку, жаль, что и ее как и себя ты погубишь своим недоверием ко мне и доверием к этой скотине, Ворбию, к этому оборотню! -Юсман негодовала, но уже успокаивалась, как человек, понимающий, что ничего изменить нельзя и надеяться, кроме как на себя, не на кого и не на что.

-- Извини, если я тебя обидел.

-- Не надо извинений. Иди.

-- Я никуда не пойду.
-- Что еще за очередное хамство?
-- Ты должна мне рассказать все, что знаешь, я постараюсь поверить тебе.
-- Боже мой! -- театралью воскликнула Юсман, -- он постарается поверить мне!
-- Перестань, Виктория, -- мягко попросил Миша, -- рассказывай, -- в искренне заинтересованном тоне сказал он, отчего Юсман посмотрела на него внимательно.

На этот раз, его лицо убедительно выражало непредвзятость и этим расположило Викторию Леонидовну вернуться к прерванному разговору.

-- Хорошо, -- тихо сказала она, -- слушай меня внимательно. Ворбий задумал и уже приступил к выполнению задуманного, не знаю, но не исключено, что по каким-то причинам желая спасти свою задницу, если не так, то, все-равно, в любом случае, ему необходимо жить дальше, он хочет продолжать, разворачивать свои, теперь уже без сомнения -- зловещные планы, и у меня имеются подлинные доказательства моим словам.

-- Извини, -- вмешался Миша, -- ты сказала доказательства. Ты можешь их предъявить?

-- Да.

-- Они при тебе?

-- При мне. Куда еще больше! -- негодуя воскликнула Юсман и тут же, закативши рукав своей кофточки, протянула к молодому человеку свою оголенную руку и указала нервным кивком головы на место чуть пониже внутреннего изгиба локтя, -- убедился? -- спросила она.

-- В чем? -- заинтересованно разглядывая руку, сказал Миша, -- я вижу здесь... какой-то бугорок под кожей.

-- Пощупай его, только осторожно, он может сработать.

-- Да. Там что-то есть, и оно довольно твердое на ощупь, -- подытожил Миша.

-- Это -- ампула смерти. Ее внедрил в мое тело Ворбий, когда не без его же участия я ненадолго впала в бессознательное состояние. Она в любой момент, по желанию ее внедрителя, хозяина, может произвести свое безвозвратное действие -- умертвить, при этом, так как она изготовлена каким-то образом из биологического материала, эта ампула очень быстро способна рассосаться и никаких следов убийства не одна комиссия обнаружить будет не в состоянии...

Вспомни, Василий Федорович, извини, Ми-ша..., вспомни, когда ты был еще в своем теле: не было ли у тебя подобного, такой же, где-нибудь на теле припухлости, она должна была быть и ты не мог не обратить на нее внимания?

-- Постой, постой.... Сейчас, я, кажется, припоминаю... Как-то я, по непонятным причинам, потерял сознание в кабинете у Ворбия, потом..., когда я пришел в себя, то обнаружил у мочки правого уха, вот здесь где-то, -- Миша нащупал пальцами у себя это место, -- припухлость, про-исхождение которой я объяснил тогда себе как удар при падении во время потери сознания.

-- Она была болезненной? -- поинтересовалась Юсман.

-- Да, по крайней мере в начале -- я помню.

-- А потом, перед пересадкой тебя в это тело, припухлость оставалась?

-- Я точно не помню сейчас. Во всяком случае, припухлость перестала меня беспокоить, я... Постой... Припоминается... Да нет же, точно! Припухлость была до самого конца: я запомнил это лишь потому, что, когда меня уложили на кушетку возле усыпленного Миши, я стал, нервничал видимо, ощупывать свое лицо.

-- Мои доказательства убедили тебя? -- поинтересовалась Юсман.

-- Если учесть, что ты ничего не могла знать о моей припухлости, но сообщила мне о таковой и даже показала свою, такую же, плюс, обстоятельства появления наших припухлостей практически одинаковы, во всяком случае имеют од-ну и ту же, существенную деталь: потеря сознания в присутствии Ворбия, то, можно сказать о том, что ты говоришь правду, -- сказал молодой человек и призадумался. -- Но, -- оживляясь, снова возобновил он разговор, -- тогда почему ты говоришь, что это ампула смерти?

-- Ампула может сработать в любой момент по желанию ее хозяина, Ворбия, -- сказала Юсман, -- твоё тело, в котором сейчас заключен в психушке подлинный Миша, скоро умрут.

-- Ты знаешь, Виктория, хоть это и бесчеловечно, жестоко с моей стороны..., но для меня это будет выгодно. Пстой... Значит...

-- Ты правильно догадался и решил эту про-стейшую задачку: они умрут и меня, -- проговорила опечалено Юсман.

-- Послушай, но этого же...нельзя допустить! -- возмутился молодой человек.

-- Ты еще не все знаешь, Миша. Это еще не все.

-- А что еще? -- насторожился молодой человек.

-- Ты не думал над тем, почему ты сейчас без этой ампулы?

-- О чем ты, Виктория? Я тебя перестаю по-нимать.

-- Сейчас поймешь, и хорошо поймешь, -- раздражительно заговорила Юсман, -- Ворбий готовится занять твоё место.

Наступила пауза.

-- Как? Ворбий станет жить с Юленькой? Бред! -- встревоженно вскричал Миша. -- Сейчас же перестань надо мной издеваться! -- гневно потребовал молодой человек и он озлобленно вскочил со стула и быстрыми шагами подошел к окну, потом резко отвернулся от окна и посмо-трел на Юсман глазами, полными молящей просьбы, глазами, которые будто пытались вдувать Виктории Леонидовне: "Забери, забери свои слова обратно".

-- Не кипятись. Я же относительно спокойна, хотя моя угроза гораздо ближе. Я все это тебе сейчас говорю, потому что мне нечего терять, говорю, поддерживая надежду: совместно, может нам и удастся вырваться.

-- Так значит, Ворбий, -- сдерживая нарастающий очередной взрыв гнева в себе, заговорил Миша, возвращаясь к столу и усаживаясь на своё прежнее место, на стул, -- Ворбий, -- повторился он, -- останется с Юлей?

-- Нет.

-- Ну, ты же только что мне это сказала! -- произнес настороженно Миша. Ему ожидалось, что вдруг все-таки все не так.

-- С Юленькой останешься ты.

-- Нет, Виктория, но ты непременно издеваешься надо мной, -- с некоторым облегчением сказал молодой человек.

-- Да. С Юленькой останешься ты, а Ворбий останется со своей женой, ложной Верой -- это её не настоящее имя, на самом деле её зовут Карвелла.

-- Вера -- жена Ворбия? -- удивился Миша.

-- А что тебя здесь так удивляет! -- воскликнула Юсман, -- я же тебе уже сказала: никакая она не Вера, а Карвелла. Вера -- псевдоним, ли-па. Это не так существенно, оставим пока. Ты, наверное, хочешь знать, Миша, каким образом, и почему я так говорю: ты остаешься с Юлей, а Ворбий с Карвеллой, если Ворбий будет на твоём... -- недоговорила Юсман.

-- Пстой! -- остановил её молодой человек, взволнованно вскрикнувши, -- Ворбий занимает... моё место..., а... Карвелла... Так? -- переспросил Миша.

-- Да, -- подтвердила Юсман, -- Карвелла...

-- А Карвелла, -- продолжил молодой человек, -- займет...

-- Юлино тело, -- в свою очередь, не давши договорить молодому человеку, будто подсказала Юсман.

-- Ты знаешь, Виктория, это очень похоже на правду, хотя..., я очень бы не хотел, чтобы это было и случилось именно так.

-- Сейчас не нить нужно, а в срочном порядке действовать, Миша, -- я устала тебя так называть, я буду говорить нормально.

-- Хорошо, -- чувствуя себя опустошенно, согласился молодой человек, -- только смотри, -- будто спохватился он, -- не ляпни при Юленьке или ещё при ком-нибудь! -- предупредил

он.

-- Не волнуйся, Василий Федорович, к двойственности мне не привыкать.

-- Ты говоришь -- "действовать", но как? У тебя есть какие-то соображения, план? -- печально спросил молодой человек.

-- Пока нет.

-- Ну, вот видишь, -- опечалившись еще больше, сказал профессор, словно укорил.

-- Это вовсе не должно означать, что мы будем сидеть сложа руки. Я кое-что знаю о фирме, некоторые нюансы, и потом, я практически без особого труда захожу в кабинет Ворбий, естественно в его присутствии, но все же. Да, я тебе забыла сказать, что Ворбий это все мне рассказал сам и заставил, как он думает, стать его сообщником за мое право жить, пока существует его соизволение.

-- Мерзавец! -- печально огрызнулся молодой человек. -- И что ты должна делать по его плану? Каким действующим лицом он тебя на-значил?

-- Я должна быть всегда по возможности рядом с тобой и Юлей, доносить о передвижениях ваших, так сказать, мыслей, чувств и тел, и прочее, что прикажут.

-- Как это гадко и абсолютно без правил, -- попытожил профессор.

-- Согласна. Ну, да так можно говорить нам долго и безрезультатно. Короче, я предлагаю следующее: так как на сегодня мы не готовы с тобой принять конкретное решение и приступить к его выполнению, то мы должны встретиться, скажем дня через два три, я тебе позвоню, я подумаю за это время и ты подумаешь тоже и тогда что-то решим. Нам не помешал бы для результативности еще бы один человек, это было бы здорово. Конечно же, неплохо было бы, если бы... -- посвятить во все это... Юлю.

-- Это исключено! -- во мгновение взволновавшись, вскрикнул молодой человек. -- Мы сами все решим.

-- Жаль. Но пусть будет, как ты хочешь.

Ворбий и Гермич

Ворбий находился в контактной комнате интегральной фирмы. Он манипулировал у главного генератора, пощелкивая клавишами его спецпульта, готовясь к очередному контакту с Гермичем, и по лицу Георгио Фатовича никак нельзя было бы сказать, что этот человек чего-то боится или хоть каким-то образом напуган, обременен ожиданием неведомого, остерегается возможного случая -- непоправимого. Нет. Его лицо ясно и четко выражало сейчас непоколебимую уверенность, привычное спокойствие и даже, в некоторой степени, приподнятость настроения.

Произведя подготовительные операции, которые занимали всегда не более, чем минут десять-пятнадцать, Ворбий, все так же, улегся в известное контактное кресло главного генератора и вскоре вышел на контакт с Гермичем.

-- Адрес оказался неточным, -- сказал ему Гермич.

-- Да. Я уже знаю об этом, так сказать, из первых уст, Алекс прилично напуган, и он теперь будет осторожнее.

-- Ты принес уточнение координат?

-- Нет. Да они и не нужны нам.

-- Но зачем же тогда я делал это? -- удивился Гермич.

-- Достаточно, что ты напугал его, ты бы видел, какой он был сегодня почти послушный барашек, -- самодовольно сказал Ворбий.

-- Хорошо. Что будем делать дальше? Я начинаю всерьез уставать здесь, Ворбий.

-- Именно для "дальше" я сюда и пришел, Гермич. Слушай меня внимательно. Итак... Все остается в силе относительно того, что я тебе уже гарантировал в прошлое мое посещение те-бя: ты обязательно займешь одежду Алекса, а он окажется здесь, вместо тебя и будет пахать как папа Карло на нас!

-- О-о! Его так! -- воскликнул восторженно Гермич.

-- Не перебивай меня, -- строго предупредил Гермича Ворбий.

-- Молчу я. Говори, Ворбий, -- заискивающе извинился Гермич.

-- Так вот. Ты займешь одежду Маприя, но это все необходимо тщательно подготовить и основательно обыграть, театрализовать. Как ты понимаешь, Алекс не из тех профанов, которые могут сунуться в мышеловку прежде, чем не подставит кому-нибудь подножку, чтобы в мышеловку угодил кто-нибудь другой на его глазах и если обстоятельства будут позволять, брошенный в мышеловку, парализует ее действие или это окажется не мышеловка, только тогда Алекс сунется в нее сам, и вот здесь нам надо будет быть начеку -- мышеловка должна оказаться таковой и сработать, обязательно сработать! Это, голубчик мой, наш литературно-поэтический сценарий. Теперь объясняю в первых подробностях.

Как только я сочту нужным, срочно необходимым, а значит возможным по укладке обстоятельств безошибочно, действительно располагающих, выказывающих себя к успеху нашего дела, я выхожу сюда на очередной контакт и делаю посыл Алексу на его энергопейджер, что якобы, я стал пленником Гермича, срочно требуется твое, Алекс, участие и неотлагательная помощь.

Маприй, естественно, придя сюда, в контактную комнату -- не поверит, даже энергопейджеру. Он обязательно прозондирует пространство с помощью главного генератора, потому что его, я не думаю, чтобы убедило присутствие моего оставленного тела в кресле генератора. И когда Алекс убедится в том, что в пространстве и в самом деле находятся двое, тогда, он к нам не пойдет -- это без сомнения, но войдет информативное общение -- обязательно.

Потом я вернусь обратно в свою одежду, но для Маприя, здесь, признаться, я рассчитываю на свое знание профессиональное психологии и на свои некоторые актерские данные, слава Богу, что голос менять не надо, а только манеру поведения и логику изложения мыслей, так вот, здесь-то, для Маприя в мою одежду должен вернуться Гермич, то есть ты.

Конечно же, на самом деле возвращусь я, но Алекс не должен об этом догадаться! Видимо, он попытается, ложного, тебя как -то пристроить и лишь только через некоторое время, когда дела фирмы потребуют от него очередного контакта, он пойдет на него сам. Естественно, он не пошлет Гермича, который в этом пока ничего не будет соображать и потребует время на его подготовку, да еще и не будет достаточного доверия, скорее страх к Гермичу. А больше посылать будет некого. Маприй, обязательно сам, как это ему не противно, но выйдет на контакт, с ложным, со мной, потому что на самом деле ты его встретишь здесь, и вот тогда-то все и решится! Ты займешь одежду Алекса, я тебе помогу в этом, и будешь преспокойненько жить-поживать, как президент нашей фирмы, но тебе не надо будет что-то делать: живи как знаешь, имей что хочешь -- работать буду я.

Алекс -- трус, и потом, я его прилично напугал новым прибором и прочим -- он исправно будет выполнять свои обязанности здесь, вместо тебя. Таковы первичные детали нашего с тобой проекта, мой друг, Гермич. Тебе они нравятся?

-- Еще бы! Ты, Ворбий, пройдоха -- хоть куда.

-- Да, уж наверное, не пройдошливее тебя, Гермич: избежать смертной казни, да еще иметь такую, сверкающую основательным блаженством богатства, реальную и самую близкую, приближающуюся перспективу. Это -- не каждому дано!

Потом Ворбий выполнил еще ряд энергома-нипуляций, необходимых для нужд существования интегральной фирмы, и вскоре оставил Гермича и, удаляясь из контактной комнаты, подумал: " Гермич -- просто болван! Болванка, легко поддающаяся моей обработке".

У Георгио Фатовича было самодовольно-прекрасное настроение и оттого, он то и дело, как бы сам для себя, оскаливал страшные улыбки, что смогли бы насторожить любого, кто бы увидеть их смог, потому что выглядели они так, будто Ворбий носил теперь на своих плечах невидимого всадника, который поминутно, глубоко всаживал, больно, в своего носильщика -- крючковатые шпоры, но они вызывали вождельный, рабский восторг у принимающего их удары.

Тень, отбрасывает тень

-- Внимание!.. Включаю прием, отвечай!
-- Я здесь.
-- Хорошо. Вы встречались?
-- Да.
-- Понял тебя. Каков результат?
-- Против тебя.
-- Против -- заметно или открыто?
-- Открыто.
-- Значит открыто -- против меня.
-- Да.
-- А ты?
-- А я -- в друзьях и помощниках на той стороне!
-- Ошибаешься.
-- Почему?
-- Мы тоже встречались.
-- И что?
-- Результат -- против тебя.
-- Заметно?
-- Открыто.
-- Вот, сука!
-- Эмоции!
-- Извини.
-- Ладно. Слушай меня.
-- Слушаю.
-- Приказываю пока ждать.
-- А скоро?
-- Думаю, да. Оповещу.
-- Сигнал?
-- Лимоны любишь?
-- Обожаю!
-- Сигнал: дважды вкус лимона.
-- Понятно.
-- Повтори.
-- "Дважды вкус лимона".
-- Правильно. Жди.
-- Буду начеку.
-- Надеюсь. Вокруг спокойно?
-- Сейчас уже начнет!
-- Тогда все. Конец приема.

Последний обрывок судьбы

Юля продолжала читать отцовский дневник. Много уже сегодня знала девушка о папе. Ее настроение выровнялось и к изучению этих, рукописных откровений, она сейчас относилась все больше как ученик, впивающийся глазами и сознанием, забывающий обо всем на свете вокруг, в дорогой и любимый для него учебник, в котором изложен жизненно необходимый для него предмет.

А то, что у Юлии возникало раньше, когда она получила случайную возможность приступить к чтению первых страниц дневника: рыдающие истерики чувств наплывами, истаскивающие до бессилия тело и душу, часто приводящие к тупиковому оцепенению разум -- этого теперь уже не было.

Дневник, с каждой страницей утрачивал, как замечала Юля, последовательность, местами записи встречались все чаще, даже где-то наспех изложенными, косноязычили.

* * *

"Порою, и это все чаще, мне кажется, что Юленька догадывается о моих внутренних переживаниях. Но я говорю себе -- нет! Этого не может, не должно случиться, потому как, тогда... неведомо что произойдет. Если такое случится, не дай-то Бог, то, я не знаю, во что все это, мое внутреннее выльется и какие примет формы наружи, в реальности -- я не знаю, трудно даже предположить.

Лучше не думать об этом. Прочь скользкие мысли! Я все правильно делаю.

* * *

Я переспал с Юсман. Она узнала от меня о некоторых моих внутренних переживаниях и мучениях по поводу моей дочери.

Юсман -- сумасшедшая, хотя и кандидат психологических наук! Она мне дала какой-то идиотский номер телефона, какой-то, не менее идиотской, сумасшедшей фирмы. Проституцкий бред! Фантастический абсурд!..

Но я все-таки попробую туда позвонить, поскольку терять мне нечего.

* * *

Я посетил эту фирму. Ну, и что?! Не исключено, что Юсман в ту ночь просто наврала или бредила.

Представитель фирмы все отрицает, но..., ка-жется..., не исключена зацепка, может что-то и прояснится.

* * *

Миша. Интересный молодой человек. Ка-жется, это лучшая кандидатура, да что-там, скорее бывает лучше, но она единственная -- у меня совершенно нет выбора, а в особенности, как я уже начинаю догадываться, мало времени. Надо спешить и все обставить как подобается.

А если..., а вдруг, ничего не получится и я потеряю Юленьку?!

Нет. Все будет хорошо, говорю я себе и буду говорить только так и не иначе.

Главная моя задача теперь заключена в том, чтобы они понравились друг-другу. И в самом деле о существовании такой проблемы я еще не думал всерьез, а надо было бы!

* * *

Откуда у меня дома появился этот журнал со статьей об этой фирме?! Словно кто-то нарочно подбросил его. Кто? И зачем?

Слава Богу, мне думается, что я выкрутился и Юленька ничего не успела понять или заподозрить.

Кажется, Мише Юленька в пору, по крайней мере симпатизирует -- это пол-дела.

Юленька не против этого молодого человека.

Господи, только бы мне все это выдержать!

* * *

Сегодня решающий день. Сейчас я обязательно дозвонюсь Мише и мы встретимся. Там все готово, там -- ждут, я не должен их подвести, и Миша не должен подвести меня.

Юленька Мише нравится -- этого достаточно, остальное неважно, потому что самое главное, что я люблю Юленьку, а значит и Миша скоро будет любить мою дочь, сегодня же так случится, произойдет!

И все-таки немного, но жаль этого молодого человека мне. Впрочем, нельзя расслабляться. Передумать -- это конец!

Юленьке Миша подходит, о Господи! Трудно такое осознать и вытерпеть. А вдруг как она в него влюблена?

Боже мой! Что я думаю?! Будто забываюсь на время, что именно так и надо, чтобы она была влюблена в этого молодого человека.

Это мне мешает, старая привычка моего одинокого, скрытого влечения к дочери.

Сегодня все меняется, все по-другому. Надо победить себя изнутри.

Зачем я пытаюсь представить себе то, как я играю короля в костюме нищего -- для этого необходимо иметь божественно-гениальный та-лант, которого у меня нет. Ведь сыграть короля в костюме короля может и последний дурак! Так, что же я боюсь тогда? Я не

дурак и одевши кос-тюм короля, без особого труда буду производить должное, соответствующее впечатление. Все будет в порядке. Все будет так как надо.

Юля и я, Миша -- будем всегда вместе. Это прекрасное время приближается.

Однако, пора звонить.

Все."

Юля сидела на кожаном диване в кабинете отца в коротеньком домашнем халате. По прочтении этих строк, она опустила дневник отца себе на обнаженные колени и пристально задумалась.

Девушку мучила ускользающая от нее загадка: что стоит за этими, последними строками дневника?

Странная метафора, в которой сказано отцом о, наверняка, что-то другое выражающих, одеждах нищего и короля, -- обеспокоила сердце дочери, и сейчас, эта метафора, исподволь обнажала мутное, еще не разглядеть, (но что-то, вот оно, есть), необъяснимое предчувствие того, что, несомненно, рядом лежащее, даже обязательно знакомое, но еще не уличенное в чем-то, в каких-то действиях, совершенных или совершаемых поступках.

"А может и так, на это тоже похоже: папа и в самом деле в последних своих записях все больше выражается как человек, который не в себе. Господи!" -- думалось Юле.

И все-таки, изложенное на бумаге, не похоже на переломанно-перемешанные мысли человека, теряющего, или потерявшего контроль собственного разума над собой -- ... не похоже..." -- по-дытожила, рассуждая про себя Юля, -- "Тогда... Все должно, обязательно должно объясниться!.. Но как?..

Нет! Так больше продолжаться не может! Мне срочно необходимо увидеться с папой. Да что это такое, наконец!

Какое они имеют право не допускать к нему меня?!" -- разгоряченно возмутилась девушка, произнеся последнюю фразу вслух, -- "Сегодня же я потребую свидания с ним и оно состоится! Или я разгромлю их лечебницу! -агрессивно вскочивши с дивана, громко выкрикнула Юля в сторону, по направлению воображаемого присутствия недоброжелателей, удерживающих ее отца, и пригрозила им кулаком, -- "Я разгром-лю вашу лечебницу! Вы слышите?!" -- прокричала она.

В отчаянии, девушка стала обозленно, истерично избивать кулаками лежащую на диване пуховую подушку.

Вскоре она почувствовала усталость во всем теле. Тогда медленно она прилегла на диван и обессиленно закрыла глаза.

Не через долго Юля уснула.

Внеплановое решение

-- Новоявленный, глубокий вечер, -- тихо проговорила Юля, всматриваясь в настороженные тени, которые словно подползали под каждое фруктовое дерево дворика дачи. -- Интересно, -- задумчиво сказала она.

-- Что? -- послышался негромко вопрос молодого человека. Миша устало лежал поодаль от окна на растормошенной кровати.

-- Тени своим рождением обязаны сегодня-шнему безоблачному небу и полнолунию, Луне, но они будто прячутся, в самом деле, прячутся от своего родителя. Интересно, не правда ли?

-- Да, Юленька. Так всегда. Мы стараемся уйти от того, кому или чему принадлежим собою. И это справедливо -- размножение. Вечный процесс. Суть любого движения и существования.

-- А почему так? Почему не объединение? -- предложила уточнить, продолжая неподвижно стоять у окна, Юля.

-- Тем и един Господь, что все размножается.

-- Миша, -- позвала Юля.

-- Да, -- отозвался молодой человек.

-- Если бы я сейчас могла обернуться назад и увидеть папу. Ты... совсем сказал как он.

Не обижайся. Может, тебе покажется это глупым или ненормальным, пусть даже так, но я, сейчас бы хотела оказаться с ним, здесь, с моим отцом как с тобой. И я отдалась бы ему всей душой бы и... телом... Извини... Миша... Порыв... Видимо, я слишком потрясена случившимся, -жалобно сказала Юля и тут же отвернулась от окна и присмотрелась к молодому человеку.

-- Иди ко мне, Юленька, маленькая моя, -- позвал ее Миша.

Юля подошла к молодому человеку в это время привставшему на кровати на локтях, халат соскользнул с ее плеч и обнажилось гибкое женское тело -- Юля села так близко к Мише, что их лица, дыхания оказались друг против друга.

-- Обними меня, папа, поцелуй. -- мягко по-просила она.

-- Не казни меня, Юленька, -- заговорил молодой человек, исцеловывая ее лицо, губы, глаза, -- Любимая, нежная, -- заботливо нашептывал он.

-- Я твоя, ты хотел, я твоя, -- будто бредила Юля... -- Достаточно! -неожиданно вскричала она и вскочила с кровати, вырвавшись из Мишиных объятий. -- Завтра же я иду к отцу! -- решительно сказала Юля и уселась в кресло-качалку в дальнем углу комнаты, и теперь молодой человек мог видеть только ее раскачивающийся, белеющий наготой и окутанный полумраком, силуэт.

-- Ты... действительно любишь меня? -- через паузу, вкрадчиво спросил, будто позвал Юлю Миша.

-- Я должна видеть папу, -- холодно и спокойно сказала в ответ она.

-- Ты не ответила на вопрос, Юленька.

-- Я люблю своего отца... в тебе.

-- Как это? -- отчетливо насторожился молодой человек.

-- Ты меня..., я не смогу объяснить..., не поймешь правильно, как я того бы хотела, Миша.

-- Хорошо, -- успокаиваясь в голосе, сказал молодой человек и присел на кровати. -- Пусть оно так, -- попытожил он свое невмешательство. -- И что ты намерена предпринять?

-- Я хочу видеть отца и все! -- воскликнула не громко Юля. -- Завтра же я еду к нему. Ты должен мне сказать, где находится это заведение или же..., я сама разыщу его, чего бы мне это не стоило.

Между ними, будто проснулась, ничего не соображая толком -- не зная, чью принять сторону и чей выразить интерес, озадаченная теперь пауза.

Юля ждала определенного ответа, от кото-рого, как сейчас понимал Миша, определялись их дальнейшие отношения. Юля это понимала тоже.

-- Что ж... -- заговорил молодой человек, чувствуя, как продолжает незримо присутствовать, словно прислушиваться, проснувшаяся пауза к интонациям его зазвучавшего голоса. -- Если ты не станешь возражать, Юленька..., я сопровожу тебя завтра к твоему отцу.

-- Да. Я хочу этого, -- тут же согласилась она.

-- Но я не могу поручиться за то, что нас пустят к нему, -- словно предлагая отказаться от подобной затеи, с интонацией надежды на это, сказал Миша.

-- Пусть... они только попробуют не пустить. -- Злым шепотом проговорила Юля, не обращая внимания на чувственный намек молодого человека. -- Я взорву это заведение, уничтожу.

И снова пауза, которая теперь, словно заметалась между молодыми людьми, от одного к другому: одного пытаюсь успокаивать -- другого подталкивая, убеждая говорить, а не молчать.

"Столько вымученных ожиданием лет, чтобы, в конечном итоге, прийти к тому, что любимая, наконец-таки, -- станет понимать меня, согласна принять меня, но... прежнего, которого теперь нет и не может быть". -- Думалось Василию Федоровичу. -- "Зловещая несправедливость!.. И ничего ведь, действительно, не исправишь теперь, ничего... Она опять будет рядом, к этому стремился, будет любить...но, не меня, и все же, меня! И от этого... еще

больнее. Еще бессердечнее уклад и милость судьбы, уходя от которой, можно угодить не дальше, чем еще в большую боль и страдание...

Смирение. Вот чего не хватило, не хватает и сейчас. Будь она трижды проклята, жажда, отнимающая глаза, но надежда..., только она не изменна, если остался еще, хотя бы клочок разума в тупике моего положения! Ведь остался... Я все понимаю, а значит... буду бороться, но теперь уже не так, как я это делал раньше. У меня... выбора нет.

Надо идти и начинать все заново. Я уступил свое место и занял чужое. Я дважды нарушил свое благополучие, нарушил судьбу, попытался исправить ее ошибку в своих правилах. А у судьбы другая орфография! И мои правила поставили лишнюю запятую..."

Миша нервно вскочил с кровати и подошел к окну. Он смотрел на облуненный светом двор, на Луну, которой нечего было скрывать в своем полнолунии. И он, впервые в своей жизни понимал, что он, и в самом деле -Мертвяк, Аршиинкин-Мертвяк. Он понимал, что он уже действительно, и в самом деле, мертв и что он сам закончил, оборвал свою жизнь там, в Интегральной фирме, и навсегда.

Он сейчас понимал, что уже принял бесповоротное решение о дальнейшем своем существовании.

-- Она взошла хрустально-молодую, -- сказал Миша, не поворачиваясь к Юле, всматриваясь в лунное небо.

-- Кто? -- не громко спросила Юля.

-- Она..., взошла хрустально-молодую..., совсем, едва заметно, Луна, -- сказал молодой человек и глубоко, волнительно вздохнул. -

Висела долго хрупкой запятой.

Моей судьбы наверно в том вина...

Копил годами солнечную усталь

Я для раздумий, и пришли они...

Я понял, что воспитывая чувства,

Позволил мыслям одичать в тени...

Я до сих пор оглядываю дали,

Надеюсь, что найду за горизонт!

Восходы все еще не отпылали,

Еще не оступался я с высот...

Отзапятаюсь. В жизни так ведется, -

Всегда над нами остается высь!

И в полный круг моя Луна сомкнется,

И так отпишет белой точкой жизнь...

-- Чьи это строки? -- спросила Юля.

-- Я считаю, что строки принадлежат на тот момент, когда они звучат, всегда тому, кто их читает, а вообще-то... -- это строки вашего отца, Юленька. Ты их наверняка не знала, совершенно случайно они оказались у меня.

-- Ты говоришь так, что можно подумать, папа подарил тебе целую тетрадку своих стихов, Миша. -- будто укорила Юля.

-- Нет. Не тетрадку, -- загадочно проговорил Миша, продолжая смотреть на Луну.

-- Точка, -- сказала Юля.

-- Да. И она отписала его жизнь.

-- Немедленно извинись, Миша, ты сказал какую-то гадость. Мой отец жив, и он еще будет жить, слышишь! -- потребовала Юля.

-- Юленька! -- будто опомнился молодой человек и отвернувшись от окна, прошагал к белеющему силуэту в кресле. -- Я просто оговорился, -- жалобно сказал он, припавши к Юлиным коленям и исцеловывая нежные ее руки. -- Я совсем не то имел ввиду. Я хотел сказать: отписала одну из частей его жизни, но будут еще и другие. Прости меня, Юленька. Я проговорил это в каком-то чертовом забытии, прости.

-- Мы действительно завтра идем? -- спросила Юля, не наклоняясь к Мишиным ласкам,

будто отшатнувшаяся от них -- так она сидела в кресле, недоверчиво откинувшись на его спинку.

-- Да. Я же сказал -- Да! Сейчас же..., я позвоню Вере домой, прямо сейчас! Я буду настойчив. Она не откажет.

-- Звони, -- потребовал Юля.

Несколько секунд Миша продолжал сидеть оцепенело.

-- Звони же! -- настойчиво прикрикнула Юля.

-- Конечно, -- оживился молодой человек и тут же ловко встал во весь рост на ноги и решительно прошел к журнальному столику у кровати, на котором стоял телефон, сел на кровать, снял трубку с аппарата.

Не через долго, зазвучал его голос...

-- Алло, -- сказал он.

-- Да, -- ответили ему.

-- Это вас беспокоит Миша. Будьте добры, пригласите к телефону Веру.

-- Кто ее просит?

-- Это я, Миша.

-- Зачем вы звоните сюда? Этот номер для экстремального случая.

-- Можете считать, что это именно так, Георгио Фатович. Позовите Веру.

-- Вы что... не один? Ваша дочь рядом?

-- Да.

-- Весьма не осторожно, Василий Федорович, весьма. Вера!.. Возьми трубку...

-- Да. Я слушаю вас, Василий Федорович. Вы, наверно, беспокоитесь о здоровье этого молодого человека. Пока он себя чувствует не плохо, смирился, молчит...

-- Перестаньте! Я не хочу об этом слышать.

-- Тогда, зачем же вы звоните?

-- Как хотите, Вера..., но завтра Юля должна увидеть своего отца.

-- Что?! Свидание? Вы с ума сошли, Василий Федорович. Это исключено.

-- Давайте без осложнений, Вера. Юля увидит отца, и это обязательно. Увидит завтра.

-- Вы что, пугаете?

-- Я предупреждаю об обязательном.

-- Извините, но... как по-вашему я это устрою?! Прикажете показывать вашей дочери старого молодого человека, а говорить будете за него вы, или мы ему заткнем рот?

-- Как вам угодно.

-- Нет. Вы определенно не в себе, Василий Федорович.

-- Это вы угадали.

-- Перестаньте острить! Я понимаю, что вы не можете справиться со своей дочерью, и все заботы на этот счет пытаетесь свалить на меня. Мы так не договаривались. Скажите Юле -- нет. Или давайте, если вы так слабы, пригласите ее к телефону: я ей все, что понадобится, объясню.

-- Слушайте меня внимательно: завтра я и Юля будем у вас в клинике ровно в одиннадцать часов. И я не хотел бы никаких осложнений, Ве-ра. До завтра. Все.

Но Юля слышала только Мишин голос:

"Алло... Это вас беспокоит Миша. Будьте добры, пригласите к телефону Веру... Это я, Ми-ша... Можете считать, что это именно так, Георгио Фатович. Позовите Веру... Да... Перестаньте, я не хочу об этом слышать!.. Как хотите, Вера..., но завтра Юля должна увидеть своего отца... Давайте без осложнений, Вера. Юля увидит отца, и это обязательно. Увидит завтра... Я предупреждаю об обязательном... Как вам угодно... Это вы угадали... Слушайте меня внимательно: завтра я и Юля будем у вас в клинике ровно в одиннадцать часов. И я не хотел бы никаких осложнений, Вера. До завтра. Все..."

Миша брезгливо бросил трубку на аппарат. У него было такое чувство, что трубка может сейчас сама подлететь к его уху и он услышит какую-нибудь гадость, против которой не в силах будет протестовать.

Молодой человек поторопился встать с кровати и отойти к окну, чтобы успокоиться и не выказать, через возникшее волнение, для пристально следящей за ним Юли какую-нибудь нежелательную догадку.

Неожиданно Василий Федорович почувствовал, что у него ничего не получилось, когда он попытался вытереть пот со лба! Его правая рука оставалась лежать на подоконнике неподвижно, а он совершенно точно понимал, что поднял ее к лицу! "Что такое?!" -- удивился и испугался он про себя. -- "Я могу поклясться, что моя рука сейчас поднята, но я вижу точно -- она осталась на подоконнике... Что это со мной? И голова немного закружилась. Стоп. Надо успокоиться, взять себя в руки... Вот так. Руку на место. Спокойно. Поднимаю ее: пошла... Слава Богу. Нельзя волноваться. Но почему же?!" -- возмутился он. -- "Неудачная пересадка? Или... Так было надо?.. Юсман права: меня поместили временно... Во всяком случае, я теперь знаю, что волноваться нельзя -- тело начинает отставать от моих движений. Надо взять себя в руки и ни в коем случае впредь не поддаваться более испугам или неожиданным переживаниям".

-- Все в порядке? -- через некоторое время поинтересовалась Юля.

-- Да. Все в порядке, Юленька. Завтра мы отправляемся в клинику.

-- Но..., мне показалось, Вера не согласна?

-- Это я беру на себя.

Юля встала из кресла и подойдя к молодому человеку, прижалась к его спине:

-- Спасибо, Миша, -- сказала она и шепотом спросила, -- Луна же, правда, не отписала папину жизнь?

-- Нет, Юленька.

Срочное ускорение дела

После того, как Вера переговорила по телефону с Аршиинкиным-Мертвяком, пересаженным в тело Миши, когда, так поспешно и вызывающе, Василий Федорович оставил Веру на телефонной линии, односторонне положив трубку на аппарат, Георгио Фатович, все подслушавший через наушники, быстро зашагал туда-сюда по своему домашнему кабинету, в котором провел около часа в одиночестве.

-- Слушай меня внимательно, Карвелла! -- распорядительно заговорил он, когда решил и объявился в проеме двери в комнате своей жены. -- Сама судьба нам готовит завтра сюрприз! -- торжественно и обдуманно объявил он.

-- Но, Фантик, -- (так обычно называла Ворбия дома его жена), обратилась к мужу Карвелла, пытаясь оправдаться, -- я совершенно не знаю, что мне делать? -- в это время она сидела на диване и читала книгу, но теперь Карвелла захлопнула ее и стала машинально, она побаивалась своего мужа, ощупывать, поглаживать руками переплет книги, перекладывать книгу из руки в руку.

...

-- Завтра они придут оба, -- Карвелла замерла, -- придут сами и ничего лучшего нельзя себе вообразить. Сами придут, понимаешь?!

-- Ну, и что? -- разочарованно разведя руками в стороны, растерянно сказала жена и книга упала на пол. -- Я лучше убью или спрячу этого старикашку, нежели они увидят его! -- обиженно сказала она.

-- Зачем же так, -- покачал неодобрительно головой Ворбий.

-- А как же? Ну, я не знаю. Скажи мне, Фантик, что делать?

-- Старикашку покажешь, -- твердо приказал Ворбий. -- Обязательно покажешь.

-- Постой, но... -- хотела возразить Карвелла.

-- Позже. Позже расскажу как именно, -- остановил ее Георгио Фатович.

-- Понятно, -- согласилась она и приготовилась внимательно слушать мужа.

-- Завтра... -- сказал, злорадно улыбаясь, Ворбий и выдержал небольшую паузу, -- ты сделаешь им уколы.

-- Я стану молодой! -- воскликнула Карвелла.

-- Тише, Кара, -- будто пригрозил Ворбий своей жене. -- Не спугни такую удачу.

Кара -- так звал свою жену Карвеллу Вор-бий -- обычно когда злился на нее.

-- Молчу и слушаю, -- тут же определилась Карвелла.

Георгио Фатович, до сего момента, продол-жавший оставаться в дверном проеме, скоро прошел в комнату к жене и, присевши рядом с ней на диван, заговорил шепотом.

В тупике отчаяния

Миша сидел в своей палате, в клинике, на жесткой кушетке. Его всего -чувственно противоречило как изнутри так и снаружи: молодой человек ощущал себя, будто перепачканным, измазанным с ног до головы чужой, приторно-вонючей блевотиной и от этого душу его выворачивало наизнанку, вплоть до ощущения физической тошноты.

Он сидел на кушетке в состоянии большем, чем обманутый человек.

Первые дни его действительно рвало, в особенности после еды, но постепенно, ему стало удаваться сдерживать рвотные позывы и в конце концов, он силою воли заставил себя, научил -- принимать пищу, не извергая ее обратно в тарелку.

Миша сидел на жесткой кушетке и его отрывистые мысли и чувства, сейчас походили скорее на пунктирные отрывистые линии, которые, словно пытались отстреливать мутные, маячащие вдалеке и хохочущие над ним, ускользающие мишени.

"Они!.. Кто они?!.." -- отстреливал мишени Миша, -- "За что же так?!" -- раскачивался он из стороны в сторону, раскачивался не своим корпусом, сидя на кушетке и крепко обхвативши не свою голову не своими руками, -- "Я презираю их, не-на-ви-жу!..

Профессор... Бесстыжий, подлый отец своей дочери!.. Как он мог? Меня... Уничтожить так больно... За что?...

Это старое тело!.. Меня бросили в помойную... яму... Я искалечу его!.. Проклятый Аршиинкин-Мертвяк!.. Я... Смогу ли я убить сам се-бя?..

О-он... Теперь я...

Так вот же он!.. Негодяй!

Я тебя сейчас проучу!.. Я буду бить тебя больно, сильно... пока не убью!

Получай! А-а!!

Еще! А-а!!" -- остервенело вскочивши с кушетки на ноги, стал избивать себя Миша.

Он бросал тело Аршиинкина-Мертвяка на стены и оно ударялось и падало навзничь на пол. Но снова поднималось и снова ударялось...

В палату вбежали два здоровенных медбрата в белых халатах и они ловко одели на пожилого мужчину, избивающего себя, смирительную рубашку.

-- Я его бью! -- кричал мужчина, запелено-ванный в смирительную рубашку и опрокинутый на кушетку, изворачиваясь, будто перевер-нутая с лапок на спину гусеница, пытаясь осво-бодиться. -- Я ненавижу его!

Пришла Вера со шприцем в руках. Она сделала пациенту какой-то укол и он стал успокаиваться и уже, тихо теперь и безнадежно-спокойно проговорил:

-- Жаль только, что больно не ему, а мне...

-- и пациент уснул.

-- Поспи, -- сказала уснувшему, когда медбратья уже вышли из палаты, надменно улыбнувшись Вера, -- скоро я тебя освобожу,-- как-то ласково и заботливо добавила она.

Клиника

Юля и Миша свернули в переулок. Они шли молча и не очень быстро, но в их неторопливости отчетливо понималась, виделась решительность и правота.

Таким шагом обычно приближаются к дому человека-должника, к дому, где тебе обязаны и должны, но надо быть начеку, настороже, потому что могут и обмануть или чем-то разжалобить, отвлечь и выклянчить совершенно нежелательную отсрочку отдачи долга.

-- Это здесь, -- сказал, притормаживая шаг, молодой человек.

Оба они остановились.

-- В этом доме? -- уточнила Юля.

-- Да, -- подтвердил Миша. -- Вход со двора.

Они прошли через едва приоткрытые высокие металлические в подтеках ржавчины ворота, над которыми сверху, и вообще, далее по переулку, вдоль всего кирпичного забора, Юля мельком обратила на это внимание, протянулась многорядно колючая проволока.

Со двора кирпичный, четырехэтажный дом, в котором располагалась клиника, выглядел довольно старым зданием: по, хотя и крепким на вид, стенам змеино расползались трещины, множество выщерблин в фундаменте. Неприятно бросались в глаза прочные сети решеток на всех окнах.

Юля и Миша прошли во внутрь здания и металлическая дверь, будто протяжно огрызаясь на своих петлях, тут же потянулась толстой пружиной, вмонтированной в стену и закрылась за ними.

Тяжелым и душным воспринималось освещение в маленьком фойе: трансформаторно гудели несколько пыльно-желтеющих люминесцентных ламп, нервируя и ущемляя сосредоточенность и заставляя большую часть внимания посетителя обращать на себя, словно отвлекая, по чьему-то намерению, от чего-то другого, что не должны замечать.

Сразу у двери на выступающей барельефом из стены колонне, висел телефонный аппарат местного значения. Его трубка была вся залацкана, замусолена так, что создавалось впечатление, будто ее снимало с аппарата множество людей, перекладывая перед этим сально истекающий жиром пирожок из одной руки в другую.

Миша, гадливо поморщившись, двумя пальцами снял трубку с аппарата, мизинцем, словно отковыривая болячки, набрал несколько цифр на телефонной рулетке и не прислонил трубку к лицу, а придержал ее навесу возле уха.

-- Алло! -- громко сказал он в трубку и покосился в сторону стоящей рядом с ним и переминающейся с ноги на ногу Юли, она тоже взглянула на Мишу, -- этот гул... -- досадно проговорил он и недовольно, едва покачав головой, снова прокричал в трубку: -- Алло! Вы меня слышите?!... Мне нужно Веру... Мы пришли... Здесь, внизу... Ждем, -- окончил он короткий разговор и брезгливо положил трубку на аппарат.

-- Все в порядке? -- спросила у него Юля.

-- Да. Вера скоро спустится за нами, -- ответил он, -- только знаешь, Юленька...

-- Что?

-- Я туда не пойду, наверх. Я подожду тебя на улице.

-- Но почему же? -- немного насторожилась она.

-- Так будет лучше, -- сказал Миша.

-- Хорошо. Как знаешь, -- согласилась Юля, но посмотрела в глаза молодого человека просительно, словно выискивая в них необходимую поддержку.

-- Так... действительно будет лучше, Юленька, -- еще раз повторил, чувствуя себя неловко, Миша.

-- Да. Конечно. Ты прав. Это же мой отец, -- печально проговорила она и отвернулась от молодого человека и стала выжидательно смотреть в сторону еще одной двери, расположенной в фойе, но ведущей, как понималось, в глубины палат и лабораторий клиники, откуда и должна была скоро выйти Вера.

Не через долго, в фойе появилась Вера: на ней был одет белый халат и такая же белая, жестко крахмаленная, шапочка, на согнутой в локте левой руке у нее висело еще два, изрядно помятых, больничных халата.

Вера подошла к ожидающим ее Юле и Мише и суетливо, громко заговорила в укорительном тоне.

-- Что это вы переполох устраиваете, господа?! А?! -- сказала она. --Сознайтесь, молодые люди, что вы совершенно не выдержаны, торопитесь жить! Возьмите, оденьте халаты, -- она протянула Мише оба халата.

Молодой человек принял из ее рук только один халат и помог Юле одеть его.

-- Вот, еще один, одевайте Миша, -- будто приказывала Вера, протягивая оставшийся в ее руках больничный халат молодому человеку.

Юля и Миша переглянулись: у Юли промелькнула надежда, что Миша все-таки

пойдет с ней.

-- Я подожду Юлю на улице, -- решительно сказал Миша Вере не отрывая своего взгляда от Юли.

-- Как же так? -- озадачилась Вера, -- я и два халата принесла и... -еще что-то хотела сказать она, но передумала и смолчала. У нее был теперь недовольный вид.

-- Идемте, -- перехватывая инициативу и обиженно отворачиваясь от Миши, сказала Вере Юля.

Когда Юля уже скрылась в проеме той самой двери, через которую объявилась в фойе Вера, отставшая от Юли, Вера, на мгновение приостановившись у той же двери, озлобленно и, как показалось Мише, испуганно посмотрела в его сторону.

"Мерзавцы!" -- думал про себя Василий Федорович, -- "Какие все-таки Мерзавцы! Столько отхватили от меня денег, а в результате..." -- тяжело вздохнул он, -- "А в результате готовятся умертвить меня и мою дочь, Юленьку... Но я могу постоять за себя!" -- и молодой человек смачно сплюнул на пол. И тут он снова почувствовал неладное в своих ощущениях: он точно понимал, что плюнул на пол, но оказалось, что слюна лишь изо рта выступила сочно на его губах и испачкала подбородок так, как это могло бы случиться, если попытаться плюнуть против сильного ветра. Мишины губы не подчинились Аршиинкину-Мертвяку.

"Я снова разволновался". -- заметил для се-бя Василий Федорович. -- "Необходимо быть еще бдительнее и осторожнее. Это тело способно выходить из-под моего контроля". И он вытер носовым платком влажный подбородок и вышел во двор клиники.

Юля поднималась по чисто вымытым сту-пенькам лестничными пролетами. Такое явилось весьма контрастным! Зброшенное фойе, там, внизу и чистота здесь -- это удивило.

Еще там, на втором этаже, Юлю обогнала Вера.

-- Нам на четвертый, -- чем-то обеспокоенная, сказала она.

Когда они поднялись на четвертый этаж, то оказались на лестничной площадке, вымощенной коричневой плиткой, тогда, немного, ничего друг другу не говоря, отдышавшись, вошли они в протяженный по обе стороны коридор, завернули направо и прошли по этому коридору в самый его конец.

Здесь Вера достала у себя из накладного бокового кармана халата ключ и открыла дверь, в которую упирался коридор.

-- Проходите, -- сказала Вера и приказом добавила: -- садитесь на стул и ждите.

-- Папа придет сюда? -- поинтересовалась взволнованно Юля.

-- Вашего отца скоро приведут. Ждите здесь, в этой комнате, -требовательно прозвучал Верин голос, и Вера ушла по направлению в про-тивоположную сторону коридора.

Несколько секунд Юля стояла у двери, ис-подволь наблюдая за удаляющейся по коридору Верой. Наконец, она решительно потянула дверь за ручку на себя и та очень легко открылась.

Юля вошла в предложенную комнату и не спеша прикрыла дверь за собой.

Комната была не большой, без окон, практически без мебели, освещена по-домашнему люстрой: лакированный паркет пола, выбеленный потолок, только один-единственный стул, одна стена была полностью закрыта тяжелой шторой серого цвета из плотного материала, остальные стены обклеены мелкого травяного рисунка обоями.

"Но почему же один стул?" -- удивляясь, подумала Юля, приседая на него, -- "Сейчас придет уже папа". -- сказала она вслух сама для себя, -- "Какая бедность или не предусмотрительность! На чем же мы будем сидеть?"

Минут через десять, дверь в комнату приоткрылась и в проеме показалась Вера, но она не стала входить в комнату. Выглядела Вера довольно растрепанно и как-то, внутренне настороже.

-- Еще попрошу вас подождать одну минуточку, -- обратилась она к Юле. -- Сейчас начнется свидание, -- объявила она и снова, так же неожиданно, как и появилась, скрылась в коридоре, прикрыв за собою дверь.

Юля опять осталась одна в комнате.

"Она как-то странно выглядит" -- подумала Юля в адрес удалившейся Веры. -- "Скорей бы уже пришел папа. Может, мне удастся забрать его сегодня домой! Во всяком случае, я попытаюсь это сделать".

И тут, совершенно неожиданно, так, что да-же напугало Юлю, массивная штора, прикрывавшая одну из стен, стала медленно, под жуж-жание, видимо электромотора, отодвигаться в сторону двери и перед Юлей, вскоре, открылось удивительное зрелище, которое заставило ее испытать в первые мгновения боль и бессилие, и пораженная увиденным, Юля оцепенела всем телом и, будто обронила на пол радость ожидания встречи с отцом.

-- Папа? -- только и смогла она вымолвить вопросительно.

Но отец ее слышать не мог, и она не могла слышать его.

Когда отодвинулась штора, то она открыла возможность видеть, как оказалось, соседнюю комнату, видеть и только, потому что обе комнаты были разделены между собой двойным и толстым стеклом.

Аршинкин-Мертвяк сидел в противопо-ложной, соседней комнате в кресле: волосы его были выбриты налысо, на нем была одета сми-рительная рубашка и туго завязаны ее длинные рукава.

В дверях его комнаты стоял, скрестивши ру-ки на животе, в надменно-жестоких чертах лица санитар в таком же белом халате, что и у Веры и с накрахмаленной шапочкой на голове.

Пациент в смирительной рубашке тоже увидел Юлю, и тут же заерзал в кресле, пытаясь освободиться от наложенных на него больничных пут. Он что-то кричал, говорил, но не было слышно, что именно.

Потом, на некоторое время, он успокоился и стал жалобно смотреть на Юлю. Его глаза теперь стали настораживать дочь. Они совершенно не выражали папу.

-- Папа, -- тихо позвала Юля отца, выходя из оцепенения.

Она, медленно поднялась со стула, машинально взяла этот стул за спинку и перенесла его ближе к, поражающему ее, окну свиданий.

Юля снова присела на стул, но теперь возле самого окна и оперлась ладонями на стекло и прильнула к нему лбом.

-- Папа, -- позвала она еще раз.

-- Ты что же, ничего не знаешь, или так же как и они притворяешься, сволочь! -- прозвучало, но, лишь только увидела и поняла Юля, что сейчас: неистово о чем-то вскричал ее отец там, в комнате за стеклом, но она не могла слышать о чем. -- Ненавижу! -- продолжал громко выкрикивать Миша в соседней комнате, опять заерзавши в кресле. -- Вы -- сделали меня этой развалиной, стариком! Твой, негодяй, папа! Это он! Зачем ты пришла сюда, сволочь?! Посочувствовать!?

Юля вздрогнула, когда до ее плеча кто-то дотронулся. Тут же, она обернулась назад: возле нее стояла Вера.

-- Придется пока так, милочка, -- ехидно сказала Вера. -- Видите какой он буйный.

-- Вы не имеете права так..., -- запнувшись от ярости, -- обращаться с моим отцом! -- громко и требовательно сказала Юля.

-- А как же по-вашему? Пусть он себе все крушит? Да он же и вас прибьет -- только допусти!

-- Это... бесчеловечно, -- разбито произнес-ла Юля.

-- Извините, но у нас инструкции. Все как полагается. Ничего лишнего мы не делаем.

-- Я прошу вас, пожалуйста, пусть уйдет этот санитар, он мне мешает видиться с папой и вы... уйдите, Вера.

-- Ну, это можно, -- снисходительно согласилась Вера. -- Может еще что? -- спросила она.

-- Да, -- сказала Юля.

-- И что же?

-- Отвяжите папу хотя бы от кресла, пусть он, если захочет, будет способен подойти к

окну.

-- И это можно устроить, -- все так же снисходительно определилась Вера. -- Для вас это ничем не грозит -- стекло бронированное, -предупредительно добавила она и поспешила удалиться из комнаты, оставивши Юлю одну.

Вскоре Юля увидела, как санитара вызвали из комнаты, потом, через несколько мгновений, он снова вернулся, отвязал отца от кресла и снова вышел из комнаты.

Папа, так же как и она, Юля, оставался теперь один в комнате напротив.

Тогда Юля стала делать пригласительные жесты руками, подзывая, предлагая папе подняться из кресла и поближе подойти к окну свиданий.

Некоторое время, отец, как казалось Юле, не обращал внимания, возможно не понимал ее или же просто не желал подходить близко, и тогда Юля, стала беззвучно для отца плакать -- по ее щекам потекли слезы.

Наконец, отец медленно поднялся из кресла, постоял возле него, словно удерживая равновесие тела, было едва заметно, как он покачнулся несколько раз.

И все же он подошел, приблизился почти вплотную к стеклу, на которое, со своей стороны, снова прилегла ладонями и лбом Юля.

-- Папочка мой, папа, -- нашептывала она и целовала стекло.

-- Ты что же... -- проговорил в замешательстве Миша со своей стороны окна, -- действительно ничего не знаешь?

-- Я люблю тебя, папа, -- продолжала шептать она.

И тут Юля стала медленно писать пальцем на стекле невидимые, но если присмотреться, то можно было разобрать, буквы, она старалась как можно отчетливее выводить каждую из них.

Итак, она написала: п..а..п..а..я..т..е..б..я..л..ю..б..л..ю. И Миша одобрительно покивал ей в ответ головой, подавая таким образом знак, что он понял написанное.

Тогда Юля жестами предложила отцу про-делать то же самое, что и она на стекле -- ответить. И папа снова покивал одобрительно головой в знак согласия.

-- Он меня понимает! -- не удержавшись, во-скликнула Юля. Но тут же осеклась и осмотрелась по сторонам, потому что ее могли услышать и помешать.

В свою очередь, Миша стал выводить на стекле носом тоже буквы. Их труднее было узнавать, но Юля, чтобы понять отца, максимально напрягала свои глаза, отслеживая невидимые линии: я..н..е..т..в..о..й..о..т..е..ц..я..м..и..ш..а -- прочитала она.

-- Ты, -- молча, произнесла только губами и как можно отчетливее Юля, -- Миша? Да? -- подкинула она головой.

-- Да, -- тоже подкинул головой Миша. -- Я Миша, -- тоже произнес он губами.

-- Пора заканчивать, милочка! -- вздрогнула Юля от внезапно возникшего голоса в тишине комнаты, обратившегося к ней -- это была Вера: она стояла у самого входа.

Юля увидела, как в комнату отца вошел са-нитар и тут же штора стала закрываться и Юля медленно пошла впереди движущейся шторы, чтобы еще хоть несколько мгновений можно было бы видеть папу: санитар грубо выталкивал его из комнаты в дверь, а он сопротивлялся оглядываясь, в сторону Юли.

Штора закрылась полностью.

-- Ваши люди жестоки! -- яростно прикрикнула Юля в сторону Веры, продолжавшей стоять у входа в комнату.

-- Я передам им вашу просьбу, чтобы они были повежливее с вашим отцом, -- язвительно сказала та.

-- Уж будьте добры, но я все равно найду, к кому обратиться, чтобы у вас тут навели порядок, -- словно огрызнулась Юля, быстрым шагом выходя из комнаты и проходя мимо Веры.

Юля не пошла, а побежала по коридору.

-- Вас проводить!? -- крикнула ей вдогонку Вера, но Юля ничего не ответила: выскочила на лестничную площадку и бегло стала спускаться по ступенькам вниз.

Когда она преодолела уже несколько лестничных проемов, то услышала окрик сверху:

-- Не заблудитесь, милочка!

Юля выскочила во двор клиники. Миша, ожидавший ее, сразу же подошел к ней.

-- Что случилось, Юленька? -- озабоченно спросил он, на ходу пристроившись крупным и быстрым шагом рядом с Юлей, которая уже ос-танавливала свой полубег. -- Почему ты бежала? -- задал он вопрос, когда они уже вышли из ворот клиники и оказались в переулке.

Здесь Юля позволила себе ненадолго оста-новиться и молча отдышаться. Потом она снова, но уже не быстро пошла по переулку. Молодой человек последовал за ней.

-- Почему ты бежала? -- попробовал еще раз задать он вопрос.

-- Не знаю, -- ответила Юля и на мгновение, опять, приостановившись, пристально заглянула в Мишины глаза, отчего молодому человеку стало немного неловко, не по себе.

-- Что-то не так? -- вкрадчиво поинтересовался он.

-- Все в порядке, -- ответила Юля. -- Папа... действительно болен.

Планерка смертников

Несколько дней спустя после вторжительного посещения клиники Юлей и Мишей, Юсман позвонила Василию Федоровичу (Мише) и предложила в срочном порядке встретиться вечером в помещении кафедры психологии, как выразилась она: "Наиболее безопасное место".

В назначенное время эта скоропалительная встреча состоялась. Коротко поприветствовав друг друга, они заперлись в помещении кафедры изнутри и заговорили вполголоса.

-- Ты, Василий Федорович..., извини, привычка! Конечно же, Миша, -поправилась Юсман.

-- Не стоит извиняться. Зови меня как удобно тебе, от этого суть не изменится, -- на этот раз определился профессор, грустно почему-то, сам даже не понимая зачем, рассматривающий свои руки.

-- Удобнее, все-таки, по-старому, -- сказала Юсман. -- Можно?

-- Как знаешь, Виктория. Не стану возражать.

-- Хорошо. Так вот, ты, Василий Федорович, положительно счастливчик, иначе не подумаешь и не скажешь о тебе, -- сказала Юсман.

-- О чем это ты?

-- О том, что ты теперь присутствуешь здесь и разговариваешь со мной, а не где-то, неведомо где.

-- Не понимаю тебя.

-- Так-таки и не понимаешь? -- немного игриво поинтересовалась Юсман.

-- Не надо. В таком тоне..., я прошу... не надо.

-- Извини, Василий Федорович. Еще одна старая привычка наших отношений, -- печально согласилась Юсман. -- Иногда, сама того не замечаю, как перехожу на обычный уклад, забывая о своем сегодняшнем положении.

-- Ты права. Но что ты хотела сказать, Вик-тория, обо мне, как о счастливчике?

-- Если бы ты видел, как рвал и метал Ворбий, когда он узнал, что намеченное сорвалось! Я как раз находилась у него в кабинете, потому что должна была по плану отвечать за транспортировку ваших тел.

-- наших тел? -- пугливо насторожился Василий Федорович.

-- Да, ваших, профессор, твоего и Юлиного.

-- Ничего не понимаю.

-- Сейчас поймешь. Что интересно, что я да-же не успела бы помешать этой затее, как продумал все, гад! Я узнала об этом буквально, когда вы уже находились с Юлей в клинике и ожидали появления Веры. Она как раз позвонила Вор-бию, чтобы сообщить об этом, о начале опера-ции, и тут же, после звонка своей жены, Ворбий изложил мне: для чего меня вызвал, мои обязанности и место в этом деле.

-- Ты меня пугаешь, Виктория. Что за срочная операция, дело о котором ты говоришь?

-- Хорошо, что ты не пошел вместе с Юлей на встречу с..., ну, сам понимаешь какую встречу. Ворбием было запланировано вас обоих тогда же ликвидировать, покончить разом со всеми троими: у тебя и Юли -- отобрать тела, а Мишу..., просто умертвить, и похоронили бы про-фессора тогда со всеми полагающимися почестями, а на похоронах бы присутствовала Юля, точнее, Вера в Юлином теле и Миша, точнее, Вор-бий в твоём теперешнем теле. Вот такая получается картина, Василий Федорович.

Честно говоря, я очень переживала и молила Бога, чтобы вы каким-то образом ускользнули. И вам удалось нарушить их план! Вы сделали это!..

Одну Юлю они не посмели бы тронуть, потому что ты бы оставался на свободе и тебе тогда нечего было бы терять. Они повременили, но кто знает, надолго ли?

Если они бы разделились с вами, то автоматически, тут же наступила бы и моя очередь, как свидетеля, так что и меня можно назвать через тебя, Василий Федорович, счастливым человеком.

-- Спасибо за информацию, Виктория. Но, сама понимаешь, узнать, что ты остался жив уже зная об этом... Ты меня пригласила сегодня только для того, чтобы сообщить об этом?

-- Нет, Василий Федорович, наш разговор, можешь считать, только лишь начинается. Пора, профессор. Теперь уже, и в самом деле, пора -действовать!

-- Я тоже так думаю, но как? Что мы сможем предпринять?

-- И это говорит крепкий, -- Юсман, оценивающе окинула с ног до головы профессора восторженным взглядом, -- молодой человек, да еще с таким не ординарным, талантливым умом!

-- Ты права, это так, но что мне с ними -- подрагаться!?! -- немного обиженно сказал профессор.

-- Зачем же так, Василий Федорович. Ин-формация -- это власть, в нашем случае, реальная возможность все сделать как нам это нужно.

-- Знать -- этого мало, Виктория. Необходимо применить знание. Но если ты будешь весь вечер говорить вокруг да около, то..., сама понимаешь.

-- Понимаю. Поэтому и говорю теперь по существу.

-- Да уж..., прошу тебя, Виктория.

-- Ты, профессор, и твоя дочь и Миша и Я: теоретически и практически -смертники.

-- Зачем ты говоришь такие гадости, Виктория?! -- возмутился профессор.

-- Разве я не права?

-- Ну..., наверно, права... Только не надо так -- в лоб.

-- Хорошо. Скажу иначе. Все мы люди об-реченные и у нас нет выбора другого, нежели защищаться самим, так?

-- Так, -- заметно нервничая, согласился профессор.

-- Я сказала, что наступила пора действо-вать, потому что теперь я имею полное основание на такое заявление. Я знаю все, во всяком случае, то, что необходимо нам для спасения, об Интегральной Фирме, ее возможностях и о ее руководителях.

Первое, что нам необходимо, это хотя бы на время, вывести из строя их главный генератор.

-- Что это такое? -- спросил профессор.

-- Не перебивай, Василий Федорович, долго объяснять. Будем делать дело, по ходу и необходимости поймете, а сейчас это не так важно. Так вот, вывести из строя Генератор -- это во-первых, тогда я получаю возможность беспрепятственно освободиться от капсулы смерти в моем теле, с технологией я уже знакома, а затем мы уничтожаем наши документы, хранящиеся в архиве фирмы, а с этими документами уничто-жатся и наши коды доступа к нам -- мы получаем свободу!

Конечно же, придется куда-нибудь бежать, поменять имена и фамилии, но это лучше, чем не жить, согласись, Василий Федорович.

-- Да, конечно, -- подтвердил свое одобрение профессор, внимательно слушающий Юсман. -- А что будет с... Мишей, -- исподволь поинтересовался он.

-- Его они, естественно, уберут. Не поможете же вы ему бежать, не освободите же вы

его.

Честно говоря, пойми меня правильно, я не хочу тебя обидеть, Василий Федорович, но я на месте бы Миши, если бы вдруг смогла освободиться, то первым бы долгом -- придушила тебя.

-- Зачем же так гадко, -- брезгливо сказал профессор.

-- Правильно, Василий Федорович, поэтому я и не упомянула в моем плане Мишу. Его судьба уже, так или иначе, предрешена. Ни одной из сторон невыгодно его существование.

-- Хватит о нем, Виктория. Я принимаю ваш план. Мы сумеем справиться вдвоем?

-- Нет.

-- Но позволь! Никого другого для участия в этом деле мы пригласить не можем.

-- Но все-таки это понадобится сделать.

-- И кого же ты предлагаешь?

-- Не беспокойся, не Юлю, -- сказала Юсман и профессор насторожился еще пуще прежнего.

-- А кого же тогда? -- поинтересовался он.

-- Твоего друга, Василий Федорович, бывшего.

-- Ты хочешь ввести в курс дела совершенно постороннего человека? Ты с ума сошла, Виктория! Это исключено, -- резко не согласился профессор.

-- Не кричи, -- попросила Юсман и на неко-торое время прислушалась к вечерней тишине близлежащего пространства университетских аудиторий.

-- Извини, -- шепотом заговорил профессор. -- Но я не согласен на участие в нашем деле пос-торонних лиц.

-- Успокойся, Василий Федорович, этот человек, он даже не будет знать ничего. Его задача будет проста: побыть один вечер с Юлей.

-- Как это побыть?

-- Ты имеешь ввиду под каким предлогом? Это я уже продумала. Все нормально. Сейчас он придет, я буду говорить и ты услышишь. Он, че-ловек, по крайней мере в отношении тебя, как друга, порядочный, и ты это знаешь не хуже ме-ня. Лучшей кандидатуры у меня, извини, Василий Федорович, на сегодняшний день -- нет.

-- Короче, кто это? -- спросил профессор.

-- Порядков.

-- Порядков? -- переспросил профессор.

-- Именно он, Петр Алексеевич, профессор психологии, твой лучший товарищ, бывший. Да ты не переживай, Василий Федорович, я все об-ставляю в лучшем виде.

-- Он уже в курсе?

-- Еще нет, но сейчас он будет, -- Юсман взглянула на часы, -- еще целых полчаса ждать моего звонка и может подняться сюда, к нам на кафедру в любой момент по-моему приглашению. Ты согласен?

-- Да, -- согласился Аршиинкин-Мертвяк. -- У меня, действительно, нет выбора.

Юсман позвонила Порядкову и теперь с минуты на минуту ожидался его приход.

-- Я хотел у тебя спросить, Виктория, пока не появился Петр Алексеевич.

-- О чем?

-- У тебя такое бывало или бывает?

-- Что именно?

-- Когда нервничаешь и делаешь резкое движение, а... оно... происходит и не происходит.

-- Не понимаю, Василий Федорович.

-- Скажем, поднял я руку, точно понимаю, что сделал это движение, а на самом деле рука остается на месте.

-- Боже мой, -- покачала головой по сторонам отчаянно выражая соболезнование, Юсман. -- Они тебя даже не закрепили как следует. Что ж ты молчал?! -- возмутилась она.

-- Мы же решали дело, -- вздохнул тяжело профессор.

-- Но это же тоже дело! Или ты думаешь всю оставшуюся жизнь прожить на цыпочках в этом теле. Тебя необходимо срочно закрепить. Ну, ладно, это мы решим тоже.

Хотя, с виду, в своих интонациях, Юсман и вела себя, в какой-то степени, бравадно, но Василий Федорович простительно понимал Викторию, потому что находилась она в эйфории, в сильно возбужденном состоянии, не соответствующим реальному положению дел, в эйфории, вызванной страхом, неподдельной угрозой смерти. Таким образом, она, как бы защищалась и поддерживала себя.

Вскоре на кафедру пришел Порядокков.

Выбор - Смерть

На следующий день, вечером, Юля находилась дома одна в приподнятом состоянии духа.

Еще с утра, перед тем как уйти по делам, Миша предупредил ее о том, что сегодня в гости должен подъехать профессор психологии Петр Алексеевич Порядокков, Юля немного помнила его по отцу.

"Петр Алексеевич" -- сказал Миша, -- "Я, очень возможно, задержусь, пусть он -- обязательно дождетя меня. Это очень важно. Мы с Порядокковым будем решать проблему пребывания твоего папы в клинике. Может удастся. Только ни о чем не спрашивай его заранее, он все равно не откроется. Я хочу, чтобы мы это решали вместе."

Юля тщательно убралась в квартире, привела в порядок свои волосы и лицо, оделась в соответствии -- для приема гостя: удобное, не стесняющее движения тела, домашнее платье черного цвета, кружевное -- уютно смотрелось на ней.

Вскоре, как и предупреждал Миша, подъехал Петр Алексеевич. И они вдвоем, Юля и Петр Алексеевич пили чай с пирожными, сидя в гостиной в креслах и разговаривали.

-- Мне кажется, что с вашим отцом все будет в порядке, -- сказал профессор, размешивая ложечкой сахар в очередной чашке чая.

-- Вы так думаете? -- уточнила Юля.

-- Я просто уверен в этом. Обязательно будет порядок.

-- Ну, если сам Порядокков говорит, что ожидается порядок, тогда -- нет сомнений, -- попыталась пошутить Юля, хотя ей это было трудно и шутка прозвучала в неловкой, неуклюжей интонации голоса.

-- Да, да! -- воскликнул профессор, поддерживая конфузию девушки. -Мое любимое слово -- порядок!

Юля продолжала, не всегда и во всем складно, беседовать с Порядокковым, ожидая возвращения Миши, а в это же время Юсман и Миша (Василий Федорович) подъехали на автомобиле, принадлежавшем Виктории Леонидовне к зданию Интегральной Фирмы "Обратная Сторона" и припарковались от него далее по переулку метрах в пятидесяти.

-- Ну, что ж... Ты готов? -- спросила Юсман. Василий Федорович не ответил, он думал о чем-то, всматриваясь в ночную глубину переулка. -- Что молчишь, профессор? Думаешь, что мне на душе легко?

-- Я не об этом сейчас подумал, -- заговорил Василий Федорович.

-- А о чем? -- ласково погладив его по волосам, спросила Юсман.

-- Юля беременна, -- коротко сказал профессор.

-- От... тебя? -- вкрадчиво уточнила Юсман.

-- От меня, -- подтвердил он.

-- Ты уверен?

-- Ты что, с ума сошла, Виктория, от кого же еще! -- заволновался профессор, -- Юленька. Она... ты должна это знать!

-- Ты меня неправильно понял, Василий Федорович, я хотела сказать: ты действительно уверен, что Юля и в самом деле беременна?

-- Да. Мы вместе, с неделю назад, ходили к врачу, -- успокаиваясь подтвердил профессор.

-- Да-а, -- протяжно сказала Юсман.

-- Что значит "да"? -- возмутился профессор, -- осуждаешь?!

-- Да перестань ты, Василий Федорович, в самом-то деле, взрываться. Я сказала "да" просто так. Каждой женщине внутренне, по природе, хочется иметь ребенка, но не каждая может... его иметь.

-- Прости. Я наверно тебя обидел, -- извинился профессор.

Уличные фонари задумчиво освещали ярким желтым светом переулок.

-- Ничего... -- сказала Юсман и помолчавши немного, неожиданно, для мечтательно расслабившегося в это время профессора, активизировалась, -надо делать дело! -- подвижно и решительно заявила она. -- Идем, Василий Федорович.

-- Скажи, Виктория, ты довольна своим по-ложением? -- не обращая внимания на активизацию Юсман, холодно проговорил Аршиинкин-Мертвяк. Оставаясь теперь сидеть неподвижным и даже еще спокойнее в голосе, он будто придержал своим вопросом подвижность Виктории.

-- Ты... имеешь ввиду... -- призадумалась она, -- мое женское положение?

-- Да.

-- Я всегда к этому стремилась. Мое приобретение -- это всегда была и есть я сама.

-- Счастливая ты.

-- А разве ты не имеешь, то, что хотел?

-- Кажется, уже не имею.

-- Не понимаю тебя. Сожалеешь?

-- Сейчас... Да. Но не о том, что получил возможность, а о том, что не могу возратить ее.

-- Удивительно. Стремился и стал. Зачем же терять?

-- Да. Я стремился. Да. Приобрел. Ну, почему же такая клейкость человеческой судьбы!? Нет, я не хочу и не принимаю такое!

-- Мне тебя жаль. Ты как ребенок: поигрался, познал и хочешь отдать. Но это настоящие игры, Василий Федорович, с болью и кровью, среди людей не принято иначе.

-- Знаю. И это меня мучает. Как много и бы-стро мы могли бы узнать и познать и покаяться и идти дальше, если бы...

-- Можно было бы играть и отдавать? -- уточнила Юсман.

-- Да. Играть! Именно так! С детским во-сторгом отдаваться соблазну желания и отходить от него, отпустить для другого.

Я чувствую, я понимаю, что не может больше так продолжаться на Земле: человека поглощает желание или множество таковых, и он -- не успеваает, не может освоить из них, хотя бы те, которые видит и хочет иметь...

Почему, почему, ему, человеку, постоянно приходится исподволь коситься на желаемое, страдать о близости с ним, но иметь его, в лучшем случае, частично, не полностью, по крошкам, а в худшем... не иметь никогда, а еще хуже того -- получить желаемое и не мочь возратить его по-другому, нежели как ценою собственной жизни.

Я не хочу так.

Я протестую против такого. Так слишком долго идти и невозможно собрать воедино весь опыт.

Ну, почему же лишь смерть избавляет ото всего!? Да. Я поигрался, но я осознал это.

-- И ты хочешь играть в другое, -- будто продолжила, подсказала мысль профессору Юсман.

-- Не понимаю, что в этом плохого? -- озадачился Василий Федорович.

-- Я могу лишь только напомнить сказанное: с кровью и болью они, эти игры, понимаешь?

-- Значит..., все-таки смерть все решает?

-- Смерть лишь возможность, решаем только мы, Василий Федорович. Мы выбираем смерть, а не она нас.

-- Плохой мир, несправедливый и медленный, он должен меняться, я в это верю.

-- Может и прав ты, Василий Федорович, но я, видимо, не совсем, не до конца..., не так понимаю тебя, как ты бы хотел этого. Прости, -- сказала Юсман.

Некоторое время они сидели молча в машине.

-- Все, -- решительно сказала Юсман, встряхнув головой, будто прогоняя одолевающий сон, -- Пора. Надо идти, Василий Федорович. Надо!

-- Постой, -- остановил ее профессор, тоже оживляясь. -- А как ты думаешь справиться с Ворбием?

-- Вот, -- сказала Юсман и достала из внутреннего кармана куртки небольшой пистолет, -- на этот случай имеется.

-- Газовый? -- уточнил профессор.

-- Настоящий, Василий Федорович, самый что ни на есть.

-- Огнестрельный?

-- Конечно.

-- Дай его мне, Виктория, -- попросил профессор.

-- Зачем? -- удивилась Юсман.

-- Я мужчина и в моих руках оружие будет прочнее работать. И потом, тебе все равно же необходимо выполнять какие-то манипуляции, известные тебе: генератор, капсула, архив. Давай мне пистолет. Я буду в качестве останавливающей силы, а ты в качестве производящей действия.

-- Слушай, почему я тебе его должна отдать?

-- Ну, перестань же, Виктория! Ты что, думаешь: и на мушке держать и дело делать?

-- Ну, хорошо. Убедил, -- согласилась Юсман и отдала пистолет профессору. -- Ты хоть стрелять умеешь? -- поинтересовалась она.

-- Обижает, Виктория. У меня разряд.

-- Ладно, верю... Пошли.

Юсман и Василий Федорович вышли из ав-томобиля и направились к зданию Интегральной Фирмы.

Они остановились у входной двери в здание фирмы и Виктория привычно нажала сигнальную кнопку, вмонтированную возле двери в стену.

-- Привела? -- раздался металлический голос, возникший за знакомой профессору селекторной решеткой.

-- Да, он со мной, -- ответила Юсман и профессор насторожился, подумав про себя: "Что значит "привела?"".

Щелкнул металлический запор в двери.

-- Проходите, -- снова прозвучал голос.

Юсман предложила профессору пройти первым.

-- Проходите, Василий Федорович, -- сказала она холодно и равнодушно.

Вскоре, оба они оказались в кабинете Вор-бия.

В это время, Юля, разговаривая с профессором Порядковым, почувствовала, как ее сердце неожиданно сжалось и от этого родилось у нее в душе какое-то необъяснимое беспокойство, предчувствие.

-- Что-то... -- сказала она заметно волнительно, -- долго так нет Миши.

-- Насколько я знаю этого молодого человека, он обязателен и если сказал что-то, пообещал..., то -- несколько секунд поразмышлял Петр Алексеевич, -- ему... можно верить, -- договорил он.

-- А что вы будете решать с Мишей, когда он вернется? -- не удержавшись, поинтересовалась Юля.

-- Я же уже говорил вам, Юлия... У Миши имеются какие-то соображения на этот счет, а меня он пригласил как интеллект, мозг, так сказать, и, естественно, как близкого друга Василия Федоровича, вашего отца. Больше я ничего добавить по этому поводу не могу.

-- Не можете или не хотите? -- отчаянно не унималась Юля.

-- Ну, Юлия, извините, но вы как ребенок.

-- И вы меня извините, Петр Алексеевич, -- словно опомнилась Юлия. -- Я очень устала.

-- Усталость -- характерная черта любого поколения. Все устают, начиная от малого и кончая старым человеком. А вы не обращали внимания, Юлия, на то, что дети устают все же меньше чем взрослые?

-- Замечала, -- как-то особенно нежно и за-думчиво, заметил профессор, сказала девушка.

-- А не задавались вопросом, почему это так? -- снова спросил Порядков.

-- Я не думала, -- ответила Юлия.

-- А вы подумайте, -- предложил профессор.

-- Возможно, оттого они устают меньше, что... Честное слово, не знаю, Петр Алексеевич. Отчего?

-- Все очень просто, -- определился Порядков. -- Есть только три возможности жить в мире.

Первая: видеть природу, все как впервые, без какого-либо опыта на то, но это -- бессозна-тельное бытие.

Вторая возможность, здесь посложнее: видеть природу, все что есть, но не как впервые, потому что уже есть опыт и он подсказывает -- как надо видеть, а значит, всякий раз, когда имеется возможность видеть очередную природу, она уже не воспринимается как есть, как впервые, потому что воспринимается в свете уже существующего опыта, и таким образом, человек перестает видеть, можно сказать даже, если хотите, как бы перестает видеть новое, а видит лишь, собствен-но, блуждает в первичном опыте и только.

И в редкие моменты жизни, количество и ка-чество которых разнится у всех, ему, человеку, удастся воспринять что-то новое, когда, вдруг какую-то из натур он воспримет без опыта, но, к сожалению, и тогда, после того, как ему удастся такое -- опыт набрасывается -- осознавать вновь прибывшую природу и опять же, искажает ее; другими словами, вторая возможность предполагает в общем -- ложное видение природы.

И наконец, третья возможность жить в этом мире: это когда природа воспринимается постоянно вне опыта, но при этом присутствует и сознание.

-- Интересно, как это можно? -- спросила, внимательно слушающая Юлия.

-- Это так просто! Давайте примем логическую модель, чтобы обозначить возможность правильно понимать. Я предлагаю такую модель: природа, она, как не крути и есть потому природа, что она всегда находится во вне опыта че-ловека, тогда, отсюда вытекает, что опыт находится относительно природы всегда -- внутри че-ловека. Ну, а если это так, тогда можно коротко охарактеризовать первую возможность жить в этом мире, охарактеризовать, как бессозна-тельное видение природы при полном отсутствии опыта, а вторую возможность, как видение человеком, его восприятие природы, через опыт, точнее, как опыт видящий, получается -- ложную природу, или человек, видящий сам себя, отсюда третья возможность жития в этом мире прозвучит следующим образом: восприятие, видение природы как опыта во вне, при полном отсутствии опыта внутри, через осознанный и полный перенос внутреннего опыта во вне, последний и ста-новится природой. Вот так-то, Юлия!

-- Но, все-таки, почему же дети устают меньше? -- озадачилась Юлия, как бы задавая вопрос одновременно и себе и профессору.

-- Согласитесь, что это логично: если течет река сама по себе, то нельзя сказать в прямом смысле, разве что в переносном, о том, что река устала.

-- Нельзя, -- согласилась Юлия.

-- Но если человек начнет работать с этой рекой, скажем: подгонять ее течение или наоборот -- притормаживать, то человек устанет. И чем больше он будет что-либо делать за реку, тем больше он будет уставать. Догадываетесь? -- лукаво прищурившись, спросил профессор.

-- Теперь... Кажется, да. Если я правильно поняла вас, то, в начале, дети, не имея опыта или мало позволяя ему проявлять себя, восприни-мают течение реки и мало вмешиваются в

него, мало что делают за реку, а значит и меньше устают, чем тогда, когда, они же, подрастая и становясь взрослыми, начинают жить опытом -- делать все больше за реку, вместо нее, и чем не больше они это делают, тем больше и быстрее устают.

-- Абсолютно верно, Юлия. Только, предлагаю, слово "река" замените на фразу -- "энергия в движении" и, все сразу станет на свои, окончательно и достаточно понятные места.

-- Можно сказать еще короче, Петр Алексеевич.

-- Скажите, буду очень рад!

-- Не двигайтесь вместо энергии! -- немного повеселев, объявила Юлия.

-- Ну, вот, -- обиженно сказал Порядков. -- Куда там угнаться мне за вами, старому, длинно и не выразительно говорящему: "Не двигайтесь вместо энергии"! Великолепно и коротко, -- похвалил профессор. Но мы с вами, Юлия, столько наговорили, чтобы всего лишь убедить себя в том, что действительно -- лучше жить человеку как птички и не заботиться о дне завтрашнем.

-- Ох, Петр Алексеевич... -- вздохнула тяжело Юлия.

-- Что? Никак устали? -- нарочито съехидничал профессор.

-- Да. И теперь понимаю, что сама виновата в этом, -- призналась Юлия.

-- А давайте-ка, во что-нибудь поиграем. А? Как вы смотрите на это? -приободрившись, предложил Порядков.

-- Давайте, Петр Алексеевич, а во что?

-- Ну, я не знаю... Ну..., хотя бы в лото, что ль?

Юлия сходила в папин кабинет и принесла оттуда лото и они стали играть в него, развернув-ши поудобнее кресла к журнальному столику...

А в Интегральной Фирме, в кабинете Вор-бия начался разговор.

Хозяин кабинета восседал за своим рабочим столом, теперь в новом роскошном кресле, как бы приподнимающим сидящего над всеми, а Юсман и Миша располагались друг против друга тоже в креслах, но менее значительных, чем у Георгию Фатовича.

-- Пришли, -- многозначительно, с высоты своего положения, в самодовольную растяжку произнес Ворбий.

-- Я ничего не понимаю, Виктория?! -- воз-мущенно сказал профессор, обратившись к Юсман и пристально посмотрел в глаза Ворбия: Георгию Фатович оскалился в надменноторжествующей улыбке.

-- А тебе и не надо что-либо понимать, -- заговорил вместо Юсман хозяин кабинета, -- отпонидался, -- злобно добавил он.

-- Что это за тон. Что вы себе позволяете, Георгию Фатович!? -вскричал профессор. -- Виктория!? Что же это такое?! -- требователь

но посмотрел он на Юсман, которая неподвижно сидела, опустивши глаза. -- Короче. Если вы сейчас же не объяснитесь, то я уйду, -- заявил профессор, бросивши два пронзительных взгляда: один в сторону Ворбия, а другой в сторону Юсман.

-- Уйдет! Ха-а-х, как же! Он уйдет! -- над-смехался Ворбий. -- Я тебя еще не отпускал никуда. Конечно уйдешь, куда же ты денешься! Чуть попозже. Я провожу.

-- Прекратите! -- возмутился Василий Федорович.

-- Молчать! -- приказательно крикнул Вор-бий профессору. -- Сидеть и молчать, Миша -- язвительно подчеркнул он слово "Миша". -- Бу-ду говорить только я.

-- Я прошу вас, Георгию Фатович, -- заговорила Юсман.

-- А ты еще можешь подать голос -- насмеш-ливо обратился к ней Ворбий. -- Ты, кое-что, наверно, забыл, раб! -- Юсман замолчала и смотрела на Ворбия умоляющими глазами. -- Ты забыл-ла, Викторррия Леонидо-о-в-на, -издевательски говорил хозяин кабинета, -- кнопка. Мне только стоит.. ее нажать, и я тебя.. выключил. Как заводную куколку. А!? -- вскричал он. -Мне нажать ее прямо сейчас?! Что же молчишь?.. Ты боишься. Я это знаю, раб. Ну, так я не стану более задерживать тебя здесь, -- спокойно сказал Ворбий и подтянул к себе клавиатуру компьютера и пальцы его рук, как два зловещих паука

пробежались по ней.

В это время, Юсман подала, посмотревшему в ее сторону, Василию Федоровичу знак, чтобы тот достал пистолет.

Профессор, едва заметно, кивнул головой, что он понял, и на сердце у него отлегло, стало ясно, что Юсман не знала доступа к архиву и необходимо было вынудить Ворбю, чтобы он сам этот доступ организовал.

Ворбий, проманипулировал еще с несколь-кими клавишами, время от времени посматривая на монитор, остановился: его лицо выражало торжество и без труда давало понять, что программа архива Интегральной Фирмы приведена в рабочее состояние.

И тут, когда хозяин кабинета грациозно, в дирижерском жесте оторвал свои руки от кла-виатуры компьютера и хотел было что-то сказать, но успел лишь открыть для этого рот, нео-жиданно, даже для Юсман, не отрывающей теперь взгляда от Ворбю, -- раздался оглушительный выстрел из пистолета.

Пахнуло пороховым дымком.

-- Суу-ки! -- прорычал Ворбий, выскочив-ший из кресла, будто от сумасшедшей затрещины и прижавши правую руку к себе, согнулся вместе с ней в животе. -- Сговорились, рррабы! -- проорал он выглядывая из-под стола и корча физиономию от полоснувшей боли.

Юсман тоже подскочила из своего кресла и пока еще оставалась стоять, в замешательстве бросая взгляды то в сторону профессора, то в сторону ужаленного пулей Ворбю.

Георгио Фатович выказал в своих движениях попытку приблизиться к клавиатуре компьютера.

-- Назад! -- жестко окрикнул его Василий Федорович. -- Ненасытный мерзавец, -- озлобленно проговорил он не отводя глаз от раненого Ворбю.

-- Ты ему попал в живот? -- спросила Юсман у Василия Федоровича, не сходя со своего места, продолжая стоять у кресла.

-- Нет. Я пробил ему руку, -- ответил профессор, продолжая держать на мушке скулящего хозяина кабинета. -- Пора действовать, Виктория, -- сказал Василий Федорович и прикрикнул на Юсман, -- что ты стоишь?! -- но ее требовалось вывести из оцепенения. -- Виктория, я прошу тебя..., иди к компьютеру, делай, что положено, ты знаешь. Иди же! -- прикрикнул профессор еще раз. -- Слушай меня, мерзавец, внимательно: -- сказал профессор Ворбю, -- если ты попытаешься, хотя бы даже взглянуть в сторону монитора -- я тут же всажу тебе пулю в лоб, мне терять нечего, у меня нет другого выбора. Ты меня понял!?! -- проорал Василий Федорович.

Ворбий продолжал стонать, согнувшись в животе -- он отвернулся от компьютера и ничего не ответил.

Наконец, Юсман вышла из заторможенного состояния. Она обошла рабочий стол хозяина кабинета с другой стороны, чтобы не проходить мимо время от времени подскуливающего Вор-бю.

Виктория приблизилась к клавиатуре ком-пьютера, волнительно ощупала ее, не нажимая клавиш, как бы удостовериваясь, что она правильно понимает расположение ее клавиш, взглянула на монитор.

-- Слава Богу! -- воскликнула обрадовано она, -- этот мерзавец вызвал-таки необходимую программу. -- К Юсман возвращалась прежняя решительность. -- А ты молодец, Василий Федорович -- выстрелил в самый раз! -- благодарно сказала она, посматривая то на клавиатуру, то на монитор, соображая, какие произвести мани-пуляции.

-- Действуй, Виктория. Не теряй времени, -- подбодрил ее профессор.

-- Представляешь, Василий Федорович, этот скот думал, что я и в самом деле привела тебя сюда, чтобы спасти свою задницу!

-- Сука, -- простонал Ворбий.

-- Заткнись! -- прикрикнул на него профессор, угрожая пистолетом, от чего Георгио Фатович съежился, согнулся в животе еще более.

Юсман пощелкивала клавишами, периодически сверяя передвижения своих пальцев по клавиатуре с информацией, высвечивающейся на мониторе. Так прошло минуты две-три.

-- Нашла! -- счастливо вскричала Юсман. -- Я нашла наш Архив, профессор! -- но профессор молчал, отслеживая поведение Ворбия. -- Сейчас... Мы посмотрим... Надо...уточнить -- рассуждала Юсман, -- возвращаюсь в исходное положение... Расшифровать... -- через непродолжительные паузы коротко комментировала она свои действия, потом, на несколько мгновений замерла, всматриваясь в показания на экране монитора, снова оживилась и щелкнула еще не-сколькими клавишами. -- Вот... Боже мой, -- проговорила она. -- Сейчас... нажимаю "ввод", -- и Виктория, взволнованно опуская дрожащую руку на клавиатуру, словно прицеливаясь к необходимой клавише, медленно... нажала эту клавишу и тут же схватилась за то место, где у нее находилась припухлость под кожей (ампула смерти) -- чуть ниже изгиба локтя на левой руке.

Юсман сосредоточилась на несколько секунд так, что у нее выступила испарина на висках. -- Все, -- тихо проговорила она. -- Ампула -растворилась. Ты слышишь! Василий Федорович! -- вскричала Юсман. -- Ампула растворилась! Ее больше нет! Генератор -- сработал, -- негромко и замороженно произнесла она, словно убеждая себя в произошедшем.

-- Да! Черт побери, слышу! Молодец, Виктория! -- отозвался радостно профессор. -- Продолжай! -- поторопил он. Освободилась... -- прошипел сквозь зубы Ворбий, -- сучка перевернутая.

И тут, хозяин кабинета выпрямился во весь рост, но продолжая прижимать к животу правую руку, у него оказалась простреленной кисть -- из раны сочилась кровь, которой теперь была перепачкана его белая рубашка.

-- Стоять на месте, мерзавец! -- активизировался профессор и еще пристальнее стал удерживать жертву на мушке.

И вдруг, Ворбий сделал, невероятно быстро, -- прыжок в сторону боковой двери из кабинета и присел там на корточках так, что его практически не было сейчас видно из-за стола.

-- Пристрели его гада! -- отчаянно вскричала шокированная неожиданным поведением Ворбия, Юсман.

Но профессор почему-то оставался стоять на месте, все так же прицеливаясь в то место, где только что находился хозяин кабинета, будто Ворбий продолжал оставаться там же.

Ворбий торопился набрать код замка, чтобы открыть дверь.

-- Стреляй же, Василий Федорович! -- крикнула Юсман и не выдержавши замешательства профессора, сама -- истерично кинулась в сторону Ворбия с воплями, -- сука проклятый! Ссстой! Не уйдешь!

Дверь поддалась Ворбию и он кубарем вывалился из кабинета и тут же захлопнул дверь за собой так, что Юсман с налета сильно ударилась плечом в нее. Она свалилась у двери и застонала.

Раздался выстрел из пистолета. Это профессор, запоздало выстрелил в дверь, в которую, только что удалось улизнуть Ворбию.

Пуля отрикошетила от бронированной двери и едва не погубила все дело -касательно разбила защитный экран монитора.

Вся эта свалка молниеносных событий произошла в считанные секунды.

-- Он ушел? -- опечаленно, виноватым го-лосом, не громко спросил профессор у Виктории, медленно поднимающейся с пола и усиленно растирающей ударенное плечо. Юсман молчала, приходя в себя, в состояние равновесия. -Он ушел? -- еще раз задал вопрос профессор.

-- Нет. Из этой комнаты, -- Виктория ука-зала рукой в сторону закрытой двери, за которой таился враг, -- к нашему счастью, нет выхода. Но у нас есть всего минут двадцать-тридцать, не больше.

-- Почему? -- опустошенно и как-то равнодушно спросил профессор.

-- Потому что, наверняка, эта скотина, Ворбий, сейчас уже звонит своим людям и они

скоро придут сюда. Нам надо торопиться, Василий Федорович. Теперь же, я уничтожу архив! -- решительно сказала Юсман и подошла к клавиатуре компьютера.

Профессор присел в кресло, его рука с зажатым в ней пистолетом медленно опустилась к полу. Он смотрел куда-то в никуда и так оставался, совершенно не подвижным, пока Виктория настукивала клавишами клавиатуры, уничтожая архив.

-- Все, -- вскоре, коротко подытожила Юсман, -- архив уничтожен. Компьютер я перекодировала и теперь он сможет выполнять только то, что было вложено у него до сегодняшнего дня, а если кто-то попытается получить к нему доступ, минуя мой новый, не известный теперь никому, кроме меня, код, или же, попробует подобрать, угадать код -- компьютер включит главный генератор фирмы на самоуничтожение.

-- Молодец, Виктория, -- проговорил отрешено профессор, оставаясь неподвижным в кресле.

-- Ты что? Василий Федорович! -- забеспокоилась Юсман о настроении профессора, и она бегло подошла к нему, -- пора уходить, -- сказала она, -профессор молчал. Тогда Юсман взяла из его опущенной руки пистолет и выстрелила в дверь, за которой спрятался Ворбий, потому что услышала там, за ней, какую-то возню. От выстрела шум за дверью затих, прекратился. Профессор подскочил из кресла, как бы сразу ожил.

-- Что случилось! -- настороженно оглядываясь по сторонам, спросил он у Юсман.

-- Этот гад, там, за дверью что-то возится. Не нравится мне это. Не исключено, что у него там было оружие. Я на всякий случай предупредила Ворбия, что мы здесь -- начеку. Нам необходимо срочно позаботиться о своем тыле, Василий Федорович, -- сказала Юсман.

Профессор и Виктория сорвали штору: один ее конец они привязали к ручке двери, туго натянули штору, и также крепко, привязали ее другой конец к угольнику небольшого откидного столика, прикрепленного к стене.

Теперь, если бы даже Ворбий попытался открыть свою дверь, то ему вряд ли бы удалось это -- штора из плотного материала надежно бы не дала это сделать.

-- Уходим, -- сказала Юсман.

-- Да, -- согласился профессор. -- И это нам нужно сделать как можно быстрее.

Потихонечку, они открыли дверь из кабинета и прислушались -- было тихо.

Как только, Ворбий оказался в относительной безопасности, он сразу же, как и предположила Юсман, стал судорожно названивать по радиотелефону.

Вначале, он позвонил кому следует, а потом набрал свой домашний телефон.

-- Алло! Алло! -- кричал он оскаливаясь, раздражительно в трубку, не обращая внимания на то, что еще никто не подошел к телефону на том конце линии: его лицо выделявало презрительные гримасы от обжигающей руку боли. -Алло! Алло! -- продолжал требовать срочного ответа он.

-- Да, да, я слушаю! -- наконец, послышался голос его жены.

-- Ты что, провалилась! -- заорал на нее Георгио Фатович.

-- Что случилось, Фантик? -- разволновавшись настроением своего мужа, спросила Карвелла.

-- Карчик! -- перешел на более сглаженный тон Ворбий. -- Я звоню из фирмы. Они ушли. Генератор заблокирован. Сейчас подъедут мои люди. В меня стреляли. Я ранен, -- бегло проговорил он короткими фразами и издал непродолжительный стон.

-- Я сейчас же подъеду, Фантик! -- тут же отреагировала Карвелла.

-- Не надо подъезжать, -- запнулся от боли и тяжело вздохнул Ворбий, -сюда. Не подъезжай!

-- Как же, Фантичек? -- насторожилась же-на.

Несколько секунд они оба молчали, Карвелла начала всхлипывать в трубку.

-- Перестань, Кара! Слушай меня, -- приказал ей Ворбий.

-- Да, -- испуганно попискивая, слезно отозвалась жена.

-- Сейчас же, слышишь меня?!

-- Да.

-- Сейчас же, ты -- позвони дочери этого мальчика -- старого педераста.
-- Позвонить Юле? -- уточнила жена.
-- Да, ей!
-- И что я должна сказать?
-- Пригласи ее срочно, только в спокойном тоне! -- пригрозил жене Ворбий и снова на секунду зашелся от боли.
-- Куда ее пригласить, Фантичек? -- сострадательно спросила жена.
-- Пригласи ее в клинику.
-- Но ведь ночь скоро. Она может что-нибудь заподозрить, -- попыталась как бы подсказать Карвелла.
-- Ерунда! Скажешь, что ее отца завтра вы-писывают, что ей необходимо понаходиться возле него для подтверждения, скажем, диагноза, черт побери! Для подтверждения состояния больного, что он действительно готов к выписке и не имеет клинических рецидивов. Найдешься, что сказать! Все! Немедленно звони и езжай в клинику. Я тоже там скоро буду!
-- Я все поняла, Фантик! Сейчас же звоню и выезжаю! -- жалобно сказала Карвелла, всхли-пывая.
-- Возьми себя в руки. Карчик! Слышишь меня?
-- Да. Я слышу.
-- Немедленно успокойся и звони. Все.
-- Я люблю тебя, Фантичек! -- горячо воскликнула Карвелла.
-- Я тоже тебя люблю, -- холодно сказал Ворбий и злобно отключил телефон.
Тем временем, профессор и Юсман благо-получно вышли из здания фирмы и спешно, в полубеге устремились к автомобилю.
-- Почему ты не остановил его выстрелом? Ворбий не стал бы рисковать, открывать дверь, если б ты выстрелил? -- спросила Юсман у профессора, когда они уже сели в машину.
-- Я понимаю, -- грустно сказал профессор. -- Но я ничего не мог сделать.
-- Испугался?
-- Нет.
-- Почему же?
-- Когда этот мерзавец прыгнул к двери..., я... проследил за ним дулом пистолета и нажал курок вовремя. Но ничего не произошло, и пока я понял, что моя реальная рука осталась на месте, было уже поздно -- я чувственно ух-ватился в нее, перевел в нужное положение и автоматически, машинально выстрелил в уже закрытую дверь... Но он, уже успел это сделать, Ворбий..., ушел.
-- Нам надо вернуться! -- тут же оживленно и решительно сказала Юсман.
-- Ты что, Виктория! -- не менее оживленно остановил ее профессор.
-- Другого такого случая уже не представится. -- попыталась убедить она профессора. -- Тебя необходимо закрепить в теле! У меня совершенно вылетело это из головы. Пошли!
-- Поздно, Виктория. Смотри, -- спокойно сказал профессор, указавши кивком головы на скульнувшую тормозами машину, только что, круто, на большой скорости, вывернувшую из ближайшей улицы в переулок. -- Его люди уже здесь, -- машина подъезжала к зданию фирмы, когда профессор и Юсман пронеслись мимо нее в своем автомобиле.
* * *
-- А Юлии... нет, -- суетливо оправдываясь, заявил Петр Алексеевич, впуская в квартиру запыхавшихся Мишу и Юсман.
-- Как это нет!? -- тут же, не раздеваясь, стоя в прихожей, громко спросил молодой человек, не скрывая своей взволнованности.
-- А где же она? -- осторожно, чтобы не вызвать излишних размышлений у Порядкова, задала вопрос Юсман.
-- Да я сам не знаю, ребята, -- удивляясь пожал плечами профессор психологии. -- Мы, -- стал объяснять он, -- некоторое время, довольно интересно, беседовали за чаем, играли в

лото, потом..., этот телефонный звонок.

-- Кто звонил? -- раздражаясь, спросил Миша.

-- Да, я не знаю. До звонка Юлия как раз находилась на кухне, нарезала пирожные и потому, говорила оттуда. Вернулась с целой тарелкой пирожных, тут же извинилась и сказала, что ей необходимо срочно оставить меня минут на десять, а чтобы я не скучал -- включила мне музыку. Ну, я понял, что это обычные женские дела. Потом я несколько раз пытался дозваться ее, но она не отвечала. Наконец, мое терпение закончилось, я просидел минут сорок не меньше, я вышел из гостиной и убедился, что Юлии дома нет. Я подумал, что она выбежала к какой-нибудь подруге и заболтались, с женщинами это бывает. Но теперь пришли вы. Может быть, вы знаете, куда могла пойти Юлия, все-таки уже, -- Порядков взглянул на свои ручные часы, -- почти одиннадцать часов вечера, без малого, -- сказал он.

-- Понятно, -- подытожил рассказ профессор Миша.

-- Что-нибудь не так, случилось что? -- в свою очередь насторожился и Порядков.

-- Нет. -- Успокоила его Юсман. -- Все в порядке. Это я звонила Юле, -нашлась она. -- Я ей предложила срочно подъехать к швее, чтобы примерить и если готово -- забрать свое новое платье, эта швея -- моя подруга, она завтра уезжает отдыхать, на юг. Вот я и подумала, что так будет лучше, чем дожидаться ее возвращения, и целый месяц не носить платья, пусть Юля сегодня заберет свое платье.

-- Да уж, женщины народ капризный на этот счет и очень чувствительный, -- согласился Порядков, -- Я представляю, как бы Юлия за месяц измучилась! Так она у модистки? -- поинтересовался, улыбаясь Петр Алексеевич.

-- Да. Ну, а где же еще ей быть. Просто я ду-мала, что она уже вернулась, но мы с Мишей приехали раньше. Ты уж извини меня, Миша, -обратилась Юсман к молодому человеку, недоу-мевающе посматривающему то на профессора, то на Викторину, -- Юля хотела тебе сделать сюрприз -- поехать завтра на дачу в новом платье. Но раз уж так получилось, она задержалась, я вынуждена была признаться, думаю, что Юля меня поймет и простит.

-- Мы так и будем с вами стоять в прихожей? -- ехидно спросил Порядков. -- Может вы, мо-лодой человек, пригласите нас в гостиную?

-- Да, -- спохватился Миша, будто очнувшись, -- Конечно же, пройдемте в гостиную.

Петр Алексеевич направился в гостиную, а Молодой человек и Юсман медленно, с неохотой стали раздеваться, снимать верхнюю одежду и уличную обувь.

-- Какие вкусные пирожные ожидают вас! -- восклицательно послышался голос Порядкова уже из гостиной.

-- Куда она могла деться? Зачем же ты на-врала, Виктория? -обеспокоенно, шепотом спросил Миша.

-- Сама думаю, -- ответила Юсман. -- Куда?

-- Постой! -- неожиданно остановил Викторину, было уже собравшуюся идти в сторону гостиной. -- На кухне телефон... Если он был включен на запись. Надо проверить.

-- Вы скоро!? -- выкрикнул самодовольно из гостиной профессор. -- Я уже устал от одиночества!

-- Надо вымыть руки и я должна позвонить модистке! -- в свою очередь, громко сказала в сторону гостиной Юсман.

Василий Федорович и Виктория быстро прошли на кухню. Виктория приоткрыла кран -- зашумела вода.

Миша, торопливо, немного назад перемотал ленту на кассете автоответчика и включил воспроизведение.

Несколько секунд, встроенный крохотный динамик в телефоне тихо шипел, демонстрируя отсутствие какой-либо записи и, Василий Федорович и Юсман стали уже подумывать о том, что автоответчик не был включен на запись во время Юлиного разговора с кем-то.

-- Не может быть, -- подбадривал себя и Викторину профессор. -- Он был включен. Сейчас... должно...

-- Может, все-таки, он был выключен? -- грустно прислушиваясь, проговорила Виктория.

-- Я же сказал нет. Тихо, -- коротко сказал Василий Федорович и поднес указательный палец к своим губам. Он умоляюще посмотрел на Юсман.

И в самом деле, еще через несколько секунд зазвучала запись нужного телефонного разговора.

-- Аллоу! -- романтично и привлекательно прозвучал чей-то голос. -- Это я.

-- Я слушаю. -- ответила Юля.

-- Юленька! Это Вера звонит.

-- Она. Сволочь! -- прошипел озлобленно Василий Федорович и переглянулся с Юсман.

-- Что вы хотели? -- задумчиво прозвучал голос Юли. Она, словно что-то соображала про себя.

-- Понимаете. Я позвонила обрадовать вас! Вашего папу завтра выписываем домой.

-- Как!? -- взволновалась Юля. -- Завтра?!

-- Да, да. Завтра. Вы его сможете забрать домой.

-- Спасибо, что позвонили, Вера! -- не скрывая своей радости поблагодарила Юля. В котором часу мне можно будет подъехать? -- спросила она.

-- Дело в том, что, ну, это обычный процесс в подобных случаях, вашему отцу надо пройти последний тест перед выпиской. Вам необходимо подъехать прямо сейчас, я вас буду ожидать в клинике. Ворота будут открыты.

-- Какой тест, его могут еще не выписать? -- погрузневши поинтересовалась Юля.

-- Нет, в принципе -- это чистая формальность! Ваш отец в отличном состоянии. Вы просто подежурите у него в палате одну ночь. Мы обычно так делаем, чтобы проверить выписываемого как он будет себя вести в домашней обстановке. Вряд ли вашему папе могут угрожать какие-либо осложнения, но инструкция есть инструкция, Юленька. Я, очень хотела бы вас не волновать, и поэтому прошу отнестись к вашему сегодняшнему приезду в клинику как к моей дружеской просьбе. Хорошо?

-- Спасибо, Вера. Я сейчас же выезжаю, -- согласилась Юля. -- Один вопрос! -- остановила она Веру, было пытавшуюся уже закончить разговор.

-- Да. Какой? -- насторожилась та.

-- У вас что, был Миша?

-- А его еще нету дома? -- в свою очередь поинтересовалась Вера.

-- Да, нет. Я волнуюсь. Жду его.

-- Ой, я совсем забыла вам об этом сказать, Юленька! -- обрадованно заговорила, словно опомнилась Вера. -- Был же Миша сегодня здесь, в клинике, конечно же был. Уехал, но скоро опять подъедет сюда же. Он вам еще не звонил разве?

-- Нет не звонил. Хорошо. Я выезжаю.

-- До встречи. -- попрощалась Вера.

-- Спасибо, что позвонили, -- сказала Юля.

Василий Федорович нажал нужную клавишу на автоответчике и остановил пленку.

-- Что делать? -- отчаянно произнес он.

-- Прежде всего, не паниковать, -- обдумывая что-то про себя, сказала Юсман.

-- Все пропало. Все оказалось бессмысленно, -- говорил профессор, сидя за кухонным столом, облокотившись на него руками. Ладонями, он крепко стискивал свою голову.

-- Судя по тому, как объяснился Порядков, с тех пор, как Юля, мы теперь знаем, уехала в клинику, прошло, надо полагать, -- рассуждала Виктория, -около часа. Мы еще можем успеть! -- подытожила она свои измышления. -Значит так: ты сейчас же идешь в машину, чтобы не потратить время на излишние разговоры, а я... коротко объяснюсь с Порядковым по поводу нашей срочной отлучки, -- профессор продолжал сидеть за столом все так же стискивая ладонями голову. -- Быстро же, Василий Федорович! Не заставляй меня подумать

о тебе хуже, чем ты показал себя сегодня, -- профессор посмотрел Виктории в глаза. -- У тебя нет выбора, -- твердо сказала она.

Не через долго, Юсман и Василий Федорович мчались в автомобиле в клинику.

-- Что ты сказала Порядкову? -- по дороге спросил Василий Федорович. Он крепко ухватился на очередном повороте в свое сидение, чтобы не свалиться набок.

-- Я сказала ему, что Юля нас ждет у швеи и мы сейчас привезем ее, -скороговоркой ответила Юсман, потому что ей трудно было отвлекаться от дороги.

Скоро они подъехали на место и припарковали автомобиль неподалеку от входа во двор клиники. Возле металлических ворот было пустынно -- ни одной машины.

-- Пока еще мы успеваем. Юля, наверняка уже здесь, но Ворбия со своими людьми еще нет, -- определила Виктория, внимательно рассматривая из машины видимое пространство переулка вокруг.

Не сговариваясь, но одновременно молча они вышли из машины и, пробежавшись вдоль кирпичного забора, увенчанного колючей проволокой, прошли во двор клиники сквозь щель в ней до конца закрытых ворот.

-- Но сюда может войти и Ворбий! -- пугливо прошептал профессор, указывая на приоткрытые ворота.

-- Правильно, Василий Федорович. Хотя и не велико препятствие, но надо ворота закрыть.

И они заперли ворота на прочный металлический запор, которым они были оборудованы.

-- Все-таки над ними колючая проволока. Какой ни какой, а тыл, -подытожила Юсман.

Когда Юля подъехала в клинику и снова ока-залась в противном ей фойе, то там ее уже поджидала жена Ворбия.

На Вере, все так же, как и в прошлый раз, когда Юля посетила клинику вместе с Мишей, был одет белый халат, а на голове топорщилась такая же, белая, стойко накрахмаленная шапочка.

-- Юленька! -- приветливо улыбаясь, воскликнула не громко Вера. -- Ты одна? -- мягко поинтересовалась она.

-- А Миша еще не подъехал? -- в свою очередь спросила Юля.

-- Нет. Я думаю, скоро подъедет. Так ты од-на? -- снова настойчиво повторила вопрос Вера.

-- А с кем же мне еще быть, -- грустно ответила Юля.

-- Хорошо. Пройдем на верх, -- заботливо предложила Вера.

По ступенькам они поднимались молча и ко-гда вышли на площадку третьего этажа, Юля стала было, по памяти прошлого посещения клиники, подниматься выше, на четвертый этаж, как Вера -- остановила ее.

-- Юленька! -- окликнула она. -- В начале нам нужно сюда, зайти в лабораторию, -- и Вера вежливо указала рукой на приоткрытую дверь, которая вела с площадки в коридор третьего этажа.

-- А зачем? -- удивилась Юля.

-- Так надо, Юленька, -- ласково улыбаясь, пояснила Вера.

-- Хорошо. Раз надо -- идемте, -- согласилась Юля.

Она вернулась со ступенек, опустилась на площадку, и вместе с Верой, которая теперь выступила ведущей впереди, прошла, по такому же длинному коридору как и на четвертом этаже, в лабораторию клиники.

Помещение лаборатории было очень ярко освещено: и от белизны стен, пола и потолка у Юли, без привычки, немного защемило в глазах, но постепенно, ее зрение успокоилось и Юля присела на предложенный ей стул.

Потом, некоторое время, она смотрела на Веру, которая что-то делала в своей стихии.

Юля почувствовала усталость и, чтобы немного передохнуть, закрыла глаза, откинувшись на спинку стула. Ей, за последнее время, пока отец прибывал в этой клинике,

впервые было приятно расслабиться и душой и телом, и в мыслях.

Нет, она не спала, сейчас, даже ощутимая тяжесть тела не мешала ей и не раздражала, а наоборот, доставляла какое-то необъяснимое удовлетворение, заслуженное присутствие. Дышалось легко, чувства больше не ежились в груди, они -- парили как лепестки невесомые. Так обычно себя ощущает изрядно вымотанный человек, неожиданно получивший полное удовлетворение, получивший желаемое.

Сквозь приятный дрейф своих чувств и мыслей, Юля почувствовала, как у нее будто оголяют плечо, потом, она ощутила прикосновение свежей влаги к плечу, чье-то близко дыхание и резкий, что-то напоминающий, запах.

Медленно, она открыла глаза и вдруг увидела наклонившуюся к ней Веру со шприцем в руках, из которого прыснула уже на пол ниточка какой-то жидкости!

-- Тихо, Юленька, тихо, -- приговаривала Вера, прицеливаясь уколоть Юлю в оголенное плечо.

-- Да что такое! -- возмущенно оттолкнула Веру от себя вскочившая на ноги Юля. -- Что вам нужно?! Что вы хотели делать?! -- потребовала немедленных объяснений она и сердце у нее усиленно застучало в груди. Юля ничего не понимала и терялась в догадках.

-- Юленька! А-я-яй! -- покачала головой в знак неодобрения Вера. -- Я только хотела тебе сделать укол. Он совершенно безвреден и безболезнен.

-- Что за укол, зачем?! Я себя хорошо чувствую! -- сказала Юля и отпятилась на один шаг к выходу из лаборатории. Она не отводила глаз от Веры, теперь испуганная ее неожиданным поведением.

-- Да пойми же ты, глупенькая, тебе всю ночь придется не спать, а ты такая усталая, уже сейчас дремлешь. Укол тебя взбодрит и придаст тебе сил. Давай-ка, иди сюда, я его сделаю. -- Юля, молча, отрицательно помотала головой по сторонам в знак несогласия. -- Юля, надо сделать, -- продолжала уговаривать Вера. -- Не хочешь в плечико, приляг на кушетку, сделаем в мягкое место, -- улыбнувшись, предложила она.

-- Мне не надо делать никаких уколов, это не может входить ни в какие ваши инструкции! Оставьте меня! -- сопротивлялась Юля.

-- Не хочешь? -- неожиданно переменявшись в лице, злобно сказала Вера. -- Я все равно его сделаю, сучка!

Юля бросилась к двери, но дверь оказалась запертой. Тогда Юля прижалась к двери спиной и впиалась глазами в медленно приближающуюся к ней Веру, которая осторожно делала шаг за шагом со шприцем в руках.

-- Стой смирно, -- приказывала Вера. -- Тебе будет хорошо, очень хорошо. Сдохнешь, сучка сейчас все равно же, -- не выдержавши, истерично, выкрикнула она. -- Я буду жить вместо тебя! Слышишь! Я!!

Юля метнула беглый взгляд по сторонам, оценивая, что ей делать.

И тут, когда Вера уже подошла совсем близко и остановилась в паре шагов, Юля молние-носно нагнулась, ловко схватила стоявшую у двери небольшую лавку за ножки -- и изо всех сил рванула ее с места, резко продвинула эту лавку под ноги остановившейся Веры и лавка жестко ударила Веру чуть пониже колен, сшибла Веру с ног и та, как подкошенный манекен, упала через лавку и, ударившись головой о пол, потеряла сознание.

Так получилось, что во время падения, Вера, машинально, пытаясь удержать равновесие, взмахнула рукой, в которой держала шприц, и от этого его игла вонзилась Вере прямо в грудь.

Шокированная Юля стояла неподвижно и смотрела на совершающееся: правая рука и нога Веры еще оставались лежать на лавке и медленно соскальзывали с нее, тогда как остальная часть Вериного тела лежала на полу, в сантиметре от пола в ее груди торчал шприц.

Вера полностью соскользнула с лавки и поршень шприца заметно вдавился.

Юля простояла еще с пару минут. Дыхание у Веры прекратилось.

Тогда Юля медленно приблизилась к бес-чувственному телу Веры и боязливо

наклонилась к ней и вытащила из бокового кармана Вериного халата связку ключей.

Юля вернулась к двери и стала судорожно подбирать к ее замку, примеряя один за другим, ключи.

Сейчас только она почувствовала, что все ее лицо, шея и руки покрыты крупными каплями испарины.

Наконец, один из ключей подошел, дважды щелкнул замок и Юля, потихонечку приоткрывши дверь, выглянула в коридор и осмотрелась по сторонам.

И тут, она неожиданно услышала какие-то перешептывающиеся голоса, доносившиеся от-куда-то оттуда, с лестничной клетки.

Тогда Юля замерла и стала вслушиваться в них. Голоса приближались и вот...

-- Миша! -- громко и призывно вскричала девушка, узнавая один из голосов. Она выскочивши из лаборатории, что есть сил побежала по коридору в сторону двери, ведущей на лестничную площадку третьего этажа.

По ступенькам на четвертый этаж клиники, поднимались Василий Федорович и Юсман. Они услышали чей-то крик и, остановившись на месте, затихли, вслушиваясь как он приближаясь, нарастает.

Юля выскочила на площадку третьего этажа и увидела здесь Мишу и Юсман.

Она бросилась к молодому человеку и прижалась к его груди. Юля вся дрожала в паническом страхе.

-- Она а-а... хотела меня... убить, -- с трудом сообщила Юля.

-- Это была Вера? -- уточнила Юсман.

Юля, на пару секунд оторвала свою голову от Мишиной груди и, посмотревши на Викторию, кивнула головой.

-- Да, -- подтвердила она и тут же, снова прижалась к груди молодого человека и отчаянно разрыдалась.

-- Где Вера сейчас, она за тобою гналась? -- громко задала вопрос Юсман.

Юля на какое-то время затихла. Потом, не отрывая головы от Мишиной груди, испуганно, на едином дыхании, проговорила:

-- Вера, кажется -- мертва. Она там, в лаборатории, -- и Юля снова разрыдалась.

-- Юленька, девочка моя, я прошу тебя... Я с тобой, -- уговаривал успокоиться Юлю молодой человек, и он крепко прижимал к себе ее голову, поглаживал ее волосы.

-- Миша, нам пора уходить, -- заволновалась Юсман.

-- Нет! -- неожиданно переставши рыдать, воскликнула Юля. -- А папа? -сказала она и умоляюще заглянула в Мишины глаза. -- Мы должны забрать папу. Они убьют его здесь.

-- Надо идти, -- торопила Виктория. -- С минуты на минуту Ворбий может быть здесь.

-- Нет! -- снова вскричала Юля и вырвалась из объятий молодого человека. -- Я никуда не пойду отсюда без папы! -- воспротивилась она и бегло поднялась на несколько ступенек четвертого этажа. -- Надо забрать папу, -- твердо сказала она, -- и тут же решительно стала подниматься вверх по лестнице.

Юсман и профессор переглянулись.

-- Юля! Остановись! -- крикнул молодой человек.

-- Что? -- спросила обиженно Юля, приостановившись.

Несколько секунд они стояли и во все глаза смотрели друг на друга.

-- Я иду с тобой, -- сказал Миша, а Юля ожидала именно этого: ее глаза загорелись благодарностью и она, как ей это было ни трудно сейчас, приветливо улыбнулась молодому человеку.

-- Виктория, ты идешь с нами? -- спросил Миша.

-- Это безумие, -- коротко, тихо сказала Юсман и отрицательно покачала головой.

-- Прощай, -- нежно произнес профессор и мягко прикоснулся своими ладонями к ее щекам, потом опустил руки, обернулся назад и взглянул на ожидающую его Юлю, снова повернулся к Юсман. -- Спасибо за счастье, -благодарно сказал он. И в глазах профессора и в глазах Виктории засеребрились слезы. Юля не слышала их.

Теперь молодой человек в несколько прыжков вверх по ступенькам оказался возле Юли.

-- Я прикрою вас здесь, -- крикнула им в след Юсман.

-- Спасибо, Виктория Леонидовна! -- по-слышался Юлин голос уже с высоты площадки четвертого этажа.

Миша и Юля оказались в коридоре четвертого этажа.

-- Почему в этом заведении нет ночных сиделок, и такое впечатление, что вообще никого нет, -- удивилась Юля, медленно шагая за молодым человеком по пятам.

-- Потому, что это частная клиника, принадлежащая некоему Георгию Фатовичу Ворбию, заместителю Президента Интегральной Фирмы "Обратная Сторона" и порядки здесь устанавливает он лично, Вера была его женой... А тихо, только именно здесь в верхних двух этажах. Больные находятся там, в подвальном, на первом и втором этажах. Но твой отец где-то здесь, на четвертом, как особенный случай.

-- Как ты сказал? -- спросила Юля. -- Интегральная фирма "Обратная Сторона"? Что-то очень знакомое. Но Миша больше ничего не сказал.

Юсман спустилась на площадку между третьим и вторым этажами и спряталась там в нише.

Вскоре послышались чьи-то крадущиеся шаги там, внизу, шаги приближались.

Не через долго, шаги поравнялись с нишей. Виктория незаметно выглянула из своего укрытия и увидела какого-то человека. Она сразу поняла, что он из людей Ворбия, но никого больше не было, никто больше не шел за этим человеком. Было ясно, что Ворбий послал его вперед, чтобы все разнюхать.

-- Стой тихо на месте, -- прошептала Юсман и она щелкнула для внушительности затвором пистолета, и человек остановился. -- Чуть пошевелишься -- стреляю... -- предупредила Виктория. -- Отвечай тихо, -спросила она, -- Ворбий здесь?

-- Внизу.

-- Перегнись через перила и крикни ему, что все в порядке и что его жена ждет его в лаборатории. Сразу же отойдешь от перил. Оглянешься или выкинешь что -- стреляю.

Человек Ворбия, не оглядываясь, медленно подошел к перилам, немного наклонился через них.

-- Веселее, -- шепотом поторопила его Юсман.

-- Георгию Фатович! -- крикнул человек.

-- Да! -- отчетливо донесся с низу голос разъяренного Ворбия.

-- Все в порядке! -- снова крикнул человек. -- Ваша жена... -- запнулся человек.

-- В лаборатории, идиот! -- прошипела подсказку Юсман.

-- Что там?! -- нетерпеливо поинтересовался Ворбий.

-- Она ждет вас в лаборатории, -- прокричал человек и не оборачиваясь, как ему было и велено, отошел от перил, но тут же свалился на пол без чувств. Виктория, что было сил тяжело ударила его рукояткой пистолета по голове.

Она быстро вытащила ремень из брюк человека и связала этим ремнем его руки и привязала их со спины к ногам, всунула ему в рот кляп, на который сгодились галстук и несколько носовых платков, и волоком втащила этого человека в нишу.

Ей повезло со временем, потому что Ворбий по каким-то причинам не сразу стал подниматься по ступенькам, возможно, ему понадобилось отдать какие-то распоряжения своим людям.

Но теперь Георгию Фатович уже поднимался на верх и он приближался.

Юсман на цыпочках взбежала на площадку третьего этажа, прижимаясь к стене и, проскользнув в приоткрытую дверь, оказалась в коридоре.

Здесь она отошла на несколько шагов от двери в сторону, противоположную от лаборатории, она помнила, откуда выбежала Юля.

Ворбий приближался. Видимо, от потери крови, у него была сильная отдышка.

Наконец дверь, неподалеку от которой замерла Виктория с пистолетом наперевес,

шумно открылась и в коридор ввалился, тяжело перебирая ноги и шумно дыша -- Ворбий.

-- Потихоньку закрой дверь, -- прошептала ему Юсман.

-- А-а... -- только и произнес Георгио Фатович, оглянувшись на голос.

Он увидел направленный на него пистолет в руках Виктории. Юсман сделала ему знак молчать, приложивши указательный палец к губам. Она увидела в руках оцепеневшего Ворбия не-большой, карманного образца аппарат радиосвязи с выдвинутой антенной.

-- Твои люди остались внизу, во дворе? -- задала вопрос Виктория.

-- Да-а, -- испуганно подтвердил Ворбий.

-- Прикажи им убраться, и тогда я тебя не убью, -- с наигранной ласковостью в голосе предложила Юсман.

Георгио Фатович, не дожидаясь напоминаний, сразу же связался со своими людьми и объявил им, что он остается здесь до утра, приказал немедленно убраться из клиники.

Затем Виктория попросила Ворбия бросить ей аппарат связи -- она ловко поймала его в свободную от пистолета руку и тут же разбила его о пол.

После чего она открыла дверь в туалетную комнату и заставила Ворбия туда зайти, и как только он это сделал -- захлопнула дверь и заперла ее снаружи на крепкий имевшийся там засов.

-- Посиди-ка в сортире, скотина, -- сказала Юсман и не через долго беспрепятственно спустилась по ступенькам лестничной клетки вниз и вскоре вышла из двора клиники в переулок.

Здесь она осмотрелась по сторонам -- никого не было в переулке. И Виктория направилась к своему автомобилю кокетливой женской походкой.

Юсман села в машину и стала ожидать, чем это сегодня все кончится.

Алекс Маприй тоже сидел в своем автомобиле, он припарковал его на самом повороте, в ближайшей, примыкающей к переулку, в котором располагалась клиника Ворбия, улице, чтобы видны были ворота клиники и он видел, как приехали и уехали люди Ворбия и как вышла из ворот Виктория.

-- Ну, что ж, -- проговорил насмешливо Алекс, наблюдая за шагающей по переулку Вик-торией. -- Баста, девочка. Нажимаем кнопку, -- и он улыбнувшись, нажал какую-то светящуюся кнопку на приборе, который лежал у него на коленях. -- Что такое! -- возмутился Алекс. -- Почему она теперь же не умерла, не свалилась на тротуар?! -- он еще и еще раз стал нажимать светящуюся кнопку, но Юсман, беспрепятственно уже села в автомобиль. --Ничего не понимаю, -- озадачился Маприй. -- По архиву этому экземпляру вживлена ампула! Неужели же... Ворбий! Сволочь Ворбий, что-то предусмотрел! -- неистовал Алекс. -- Ладненько, тогда ты сейчас же у меня подохнешь, Георгио Фатович! Вкус лимона! -- прошипел сквозь зубы Маприй. -- Вкус лимона, Гермич! -- захохотал Алекс. -- Сейчас, я предоставлю тебе -- тело!

Маприй связался с главным генератором. На небольшом экране его прибора высветилось: "Не правильно набран код, в доступе отказано".

Алекс подумал, что впопыхах он где-то ошибся, и он еще раз вышел на главный генератор.

Снова на экране прибора появилась надпись: "Неправильно набран код, в доступе отказано".

"Что такое?!" -- вне себя от раздражающей его ярости вскричал он.

Еще множество раз он пытался связаться с главным генератором, но его попытки оказывались тщетными.

Тогда Маприй набрал резервный код и на экране высветилось: "Вы можете произвести только одну операцию, после чего главный генератор будет самоуничтожен. Хотите продолжить?"

Ненависть к Ворбию все возрастала, вскипала сейчас в Алексе, и чтобы не задохнуться от ее удушья, Маприй нажал нужную клавишу и на экране прибора высветилось приглашение к работе с главным генератором.

Наконец-то, Алекс почувствовал себя легче. Хотя и жаль было расставаться с генератором, но это все равно поздно или рано необходимо было сделать.

"Вкус лимона!" -- вскричал Алекс и набрал эти слова пароля на клавиатуре своего прибора и, предвкушая неистовое удовольствие от приближающейся смерти Ворбия, нажал "ввод".

Через некоторое время, на экране прибора высветилось: "Введите код еще раз". И Маприй снова нажал клавишу "ввод." "Операция произведена успешно" - высветилось где-то через минуту сообщение на экране, и тут же появилось новое сообщение: " Внимание, Главный генератор самоуничтожен", и Алекс, получивший теперь удовлетворение, на мгновение представил себе, какой там, в здании фирмы, сейчас начался озлобленно грызущий, сжигающий электронику пожар.

"Ну, и черт с ней!" -- презрительно сказал Алекс о фирме.

Юля и Миша торопливо заглядывали в каждое помещение четвертого этажа клиники, они разыскивали Юлиного отца.

Наконец, они подошли к последней двери, которую еще не открывали. (Юсман в это время выглядывала в переулок со двора клиники.)

В руке Миша держал небольшой ломик, он позаимствовал его из пожарного ящика.

-- Папа может быть только здесь, -- уверенно сказала Юля. -- Здесь, за этой дверью.

Миша потянул дверь на себя за ручку, она оказалась запертой. Тогда молодой человек взломал эту, последнюю дверь, ведущую в последнее помещение на четвертом этаже клиники, где мог находиться профессор.

Юля и молодой человек ворвались в помещение, но здесь оказалось темно, практически ничего не было видно.

-- Кто здесь? -- послышался откуда-то из глубины мрака вопрос, обращенный к Юле и Мише.

-- Папа! -- радостно вскричала, сразу же узнав голос отца, Юля. -- Надо включить свет! -- требовательно обратилась Юля к Мише и они стали вместе ощупывать стены, ища выключатель. -- Нашла! -- неожиданно вскрикнула Юля. -Послышался краткий щелчок и все помещение осветилось ярким светом.

Удивительная картина предстала перед Юлей: комната была разделена на две части прочной металлической решеткой, и там, за решеткой стоял, вцепившись в нее обеими руками ее отец, профессор Аршиинкин-Мертвяк.

Миша отвернулся от этого зрелища.

-- Что ты глаза воротишь? -- озлобленно проговорил профессор в сторону молодого человека.

-- Папочка мой! -- задыхаясь от волнения, едва оказалась способной произнести эти слова Юля. Она подбежала к решетке и стала целовать руки своего отца и попыталась целовать его в щеки.

Но отец, как-то странно посмотрел на нее и отшагнул от решетки, вырвав свои руки из рук дочери.

-- Ты лучше предложи своему папе, чтобы он не отворачивался от меня! -грозно сказал профессор.

Миша повернулся к Аршиинкину-Мертвяку лицом и мучительно, но заставил себя смотреть ему в глаза.

-- Что? Совестьным стал, Василий Федорович? -- с издевкой спросил профессор, обращаясь к смотрящему на него теперь в упор молодому человеку.

-- Это же Миша, папа. Ты должен помнить его, -- сказала Юля.

-- А как же его можно забыть? -- ехидно проговорил профессор. -- Ну, что ты стоишь. -- снова обратился он к молодому человеку. -- Скажи ей кто ты, и кто я.

-- Ты... -- сказал молодой человек и выдержал небольшую паузу, чтобы переглянуться с Юлей, и опять посмотрел на профессора. -- Ты -- Миша. А я -профессор философии Василий Федорович Аршиинкин-Мертвяк, -- объявил молодой человек.

-- Вы оба сумасшедшие! -- воскликнула в недоумении Юля. -- Миша! Ты должен объясниться! -- потребовала она. -- Папа. Ты... -- не договорила она и заплакала.

-- Нет, Юленька. -- заботливо заговорил молодой человек. -- Я больше всего боюсь сейчас, чтобы ты все это выдержала. Мы -- оба не сумасшедшие. Я действительно твой отец, а там, за решеткой, ты видишь мое тело, в котором теперь заточен -- настоящий Миша. Боже мой, что я говорю! -- воскликнул Миша и снова обратился к Юле: -- я знаю, что ты прочла мой дневник... -- Юля внимательно посмотрела ему в глаза, продолжая плакать, -- После смерти твоей мамы, которую я очень любил, продолжаю любить и теперь, больше всего на свете, я хотел быть только с тобой, Юленька. Вот, почему я решился на это.

-- Я не верю тебе! Замолчи же! Ты лжешь!.. Папа! -- неистово вскричала Юля и бросилась к решетке.

-- Он говорит правду, -- подтвердил профессор, стоящий за решеткой. --И в самом деле, замолчал бы ты, -- сказал он молодому человеку. -- Перестань мучить свою дочь.

-- Миша, взломай же ты эту дверь в решетке, наконец! -- горячо потребовала Юля, сотрясая дверь руками.

-- Там сейфский замок, Юленька. Нужен ключ, -- пояснил молодой человек.

-- Я знаю где он, -- решительно сказала Юля. -- Я сейчас. Я принесу его. Подождите меня, -- говорила она, уже выходя из комнаты.

Послышались торопливо удаляющиеся звуки ее шагов.

Профессор и Миша остались вдвоем, один на один. Их разделяла только решетка.

-- Понимаю, -- заговорил первым профессор, -- мне прощения нет.

-- Василий Федорович, -- сказал Миша, подходя к решетке, -- я здесь, я заперт и стар вместо вас.

-- Мне очень больно, Миша.

-- Вы страшный, бесчеловечный человек, Аршиинкин-Мертвяк, неужели вам все-таки может быть больно?

-- Да что ты знаешь о боли! Твою ущипнули гордыню -- не принимаешь старика. Но подлинная боль и мучение, когда не болит и не мучается гордыня, а страдает душа и сердце, этого ты еще никогда не испытывал! -- проговорил на едином дыхании профессор.

-- Было... Было у меня и это, Василий Федорович. Я из детдома. И может потому, как это не трудно, и могу понять вас сейчас. Сами себя судите, а я не хочу и не стану. Да. Вначале, я откровенно отдался соблазну ненавидеть вас, я и теперь, все-таки, еще сдерживаю себя, но... меня мучил вопрос -зачем, для чего поступили вы так? И кажется, я начинаю на него отвечать.

Юля быстро спустилась на третий этаж и, пробежавшись по его коридору, остановилась у дверей лаборатории в нерешительности.

Тут она вспомнила об отце и храбрость вселилась в нее. Смело Юля открыла дверь в лабораторию: Вера все так же, бездыханно, продолжала лежать на полу возле лавки, Юля отвернулась от нее.

Наощупь, она обнаружила торчащую связку ключей в замочной скважине с внутренней стороны двери в лабораторию и, вытащив ключ из замка, зажала связку в кулаке и стремительно побежала, не оборачиваясь, прочь.

Когда Алекс Маприй использовал главный генератор, чтобы отомстить Ворбию, у Ворбия, находящегося запертым в туалетной комнате, закружилась голова, он стал ощущать резкий запах лимона и, в конце концов, его сознание и чувства вскоре полностью растворились в этом запахе.

Гермич приходил в себя, словно после сильнейшего наркоза и первое, что он стал осознавать и чувствовать как себя это резкий запах лимона.

Постепенно, запах лимона улетучивался, рассеивался, а сознание Гермича становилось все отчетливее и наступил момент, что запах пропал, а Гермич, словно проснулся, очнулся в теле, которое сразу же поторопился обрадовано ощупать с ног до головы.

Ворбия больше не было -- это был Гермич.

Юля как раз пробежала мимо туалетной комнаты, в лабораторию за ключами, когда Гермич уже нашелся, сумел отщелкнуть наружный запор, он только что выглянул из-за двери, и тут же, спрятавшись за нее обратно, чтобы пробегающая по коридору мимо туалетной комнаты девушка не заметила его. Спрятался он и еще раз, потому что не известная ему девушка пробежала обратно.

-- Женщина! -- выглядывая из-за приоткрытой двери, воскликнул слюняво Гермич вслед удаляющейся Юли. -- Надо позаботиться о ней! -- сказал он и подхохотнув сам себе, заторопился отследить скрывающуюся уже в проеме двери, ведущей из коридора на лестничную площадку, девушку. -- Догоню я, догоню, -кривляясь, подшептывал сам себе на ходу Гермич.

Он тоже выскочил на лестничную площадку третьего этажа, на секунду остановился, прислушался, потом широко и изнеженно улыбувшись, стал подниматься на четвертый этаж клиники.

Юля вернулась, у нее была связка ключей в руках. Она застала Мишу и своего отца молча стоящих друг против друга: их разделяла решетка.

Тут же, ничего не говоря, она стала пробовать открывать замок, торопливо вставляя в замок первый ключ.

-- Давай-ка, Юленька мне, -- сказал ей молодой человек, подошел к Юле и она отдала связку с ключами ему.

-- Папочка, -- обратилась было Юля к своему отцу, стоящему по ту сторону решетки.

-- Перестань, я прошу тебя, Юля, -- твердо сказал он и отвернулся от нее.

Юля, тихо плача, присела возле решетки прямо на пол и обняла свои колени руками.

-- Ка-ка-я прелесть, ты здесь! -- раздался чей-то омерзительно насмехающийся голос.

Профессор обернулся назад, а Юля вздрогнула всем телом: в дверном проеме стоял Ворбий!

Миша, в теле профессора, подошел к решетке, всматриваясь в пришедшего.

-- Ворбий!? -- проговорил Василий Федорович. -- Успел все-таки, Мерзавец!

-- Тьфу! Какой я тебе Ворбий! Я Гермич. Ты меня не знаешь. Я пришел, потому что я хочу эту де-ваць-ку, -- вразяжку проговорил Гермич последнее слово, предвкушая сладкое. -- Только ты кричи погромче, ладушки? -подхохотнул Гермич, обратившись к Юле. -- Мне так нравится, чтобы крика побольше, -- объяснился он в сторону оцепенело стоящего профессора в теле Миши.

-- Что ты стоишь?! Ты что, не понимаешь, что ему нужно?! -- крикнул профессору Миша, наблюдающий эту сцену через решетку.

И тут, Василий Федорович вышел из своего оцепенения. Он нагнулся и поднял с пола металлический лом и сделал шаг к Гермичу, но остановился.

-- Ты что? -- театрально гримасничая, выражая недоумение и неудовольствие подобным поведением окружающих против него, сказал Гермич. -Тоже хочешь? -- подхохотнул он. -- Только после меня. Как это делают другие, я то-же люблю наблюдать, иногда. А сейчас -- пошел вон, и положи ты ломик, мальчик.

Профессор медленно стал идти к Гермичу, крепко удерживая лом в руке наизготовку.

-- Нет. Ты меня не понял, -- в притворной вежливости сказал Гермич приближающемуся к нему Василию Федоровичу. -- Хорошо себе, иди ровненько, не споткнись, -- комментировал издевательски каждый шаг профессора Гермич. -На-а! Получай! -- неожиданно сделавши выпад, ударил Гермич профессора ногою в живот, и Василий Федорович выронил из рук лом и согнулся от боли. -Де-ваць-ка, теперь нам никто не мешает, а? -- Гермич направился к Юле, она продолжала оставаться сидеть на полу, сжавшись в единый комок, обхватив свои ноги руками. -- И что мы там прячем, а?... Между ножек? -- Гермич подошел к ней вплотную и Юля попыталась ударить его между ног, но ей это не удалось -Гермич увернулся. -- И что за гадкая девчонка! -- скорчивши удивленную физиономию, сказал он.

Алекс Маприй продолжал наблюдать, сидя в машине. Его интерес по-прежнему был

обращен к воротам клиники, а еще его интересовало, почему не уехала, а продолжала оставаться в переулке в своем автомобиле эта, не состоявшаяся жертва. Это начинало Алекса немного волновать и, на всякий случай, чтобы не было осложнений, Алекс снова включил свой прибор, произвел необходимую комбинацию его клавиш и, щелкнувши последней из них, сказал:

-- Вот и нет еще одного, -- он отключил прибор, и отложил его на сидение рядом.

Прошло несколько секунд, как вдруг, следующее событие насторожило и Маприю и Юсман: в переулок выехало из-за поворота три авто-мобиля -- на их крышах беззвучно сверкали красно-синие огни, производя впечатление обрушившегося внезапно зловещего торжества.

Автомобили остановились у ворот клиники и из них стали быстро выходить какие-то люди в штатской одежде. "Федеральная служба" -- предположил Алекс, так же подумала и Юсман.

Еще до того как Маприй уничтожил свою очередную жертву с помощью своего прибора, за считанные минуты до этого, события в клинике продолжали неотступно разворачиваться.

-- Очнись же ты, бей его, бей! -- выкрикивал, не в силах чем либо помочь, бегая вдоль решетки, Миша в теле Аршинкина-Мертвяка.

-- Что за непорядки, обезьяна не кормлена! -- гадливо морщась, сказал в сторону Миши Гермич, и нагнувшись к Юле, схватил ее за ноги и потащил в сторону выхода в коридор, приго-варивая. -- О, какие мы драчливые. Еще подергай ножками, еще. Я не хочу при этих. Ты же видишь -- они не выходят отсюда. Я стесняюсь при них.

-- Папа!.. Мишенька!.. Господи!.. -- выкрикивала Юля сквозь рыдания. --Сволочь!.. Брось!.. Помогите же!..

-- Открой меня! -- проорал Миша за решеткой профессору.

Судорожно, Василий Федорович стал подбирать ключи к замку. Гермич уже вытащил Юлю в коридор -- послышался треск разрываемой одежды, Юля беззащитно рыдала.

Наконец профессор не выдержал.

-- Открывай сам, -- обронил он короткую фразу Мише и бросился к настежь открытой двери в коридор, оставивши висеть связку ключей в замочной скважине на одном из воткнутых наспех в нее ключе.

Профессор подбежал к Гермичу и вцепился в него со спины и навалился на него всем весом тела. Юля приглушенно стонала -- ее сильно вдавило в пол. Но Гермич свалился на бок и теперь Василий Федорович оказался под ним. Гермич ловко приподнял голову профессора над полом и со всего маху, рывком, ударил Василия Федоровича затылком о пол -- профессор остался лежать без чувств.

Гермич было попытался тут же возобновить свои наслаждения, как вдруг, обратил внимание.

-- Тебе сейчас конец, парень! -- спокойно и уверенно проговорил приближающийся к нему старик. Это был Миша в теле Аршинкина-Мертвяка -- ему удалось быстро подобрать ключ и освободиться.

Гермич подскочил на ноги и грозно насу-пился, ожидая подхода противника.

Но вдруг старик остановился..., издал уду-шливый стон, покачнулся, теряя равновесие и медленно упал на пол как подкошенный.

-- Смотри-ка! -- хохотнул Гермич, -- сам сдох!

-- Папа! -- выкрикнула что было сил, душераздирающе Юля и бросилась к отцу. Она подхватила его голову и стала целовать его лицо.

-- Кончай целовать его! Тьфу! -- сказал подошедший к Юле Гермич, -- Ты ничего не по-нимаешь. Надо целовать меня-а-и!

-- Иди сюда, скотина! Я тебя поцелую, -- кто-то окликнул Гермича, и Гермич, медленно развернулся на голос.

Молодой человек, которого Гермич ударил головою о пол стоял как ни в чем не бывало

вовесь рост, да еще подбоченившись.

Гермич, помня о своем преимуществе -- смело пошел на него, улыбочиво ехидничая.

-- Вот что я тебе скажу: напрасно ты встал, мальчик. -- говорил Гермич, приближаясь к молодому человеку. -- Тебе придется лечь... навсегда, -- и он подхохотнул сам себе.

Когда Гермич подошел уже совсем близко к молодому человеку, то он даже не успел вскрикнуть ни разу: целая серия оглушительных ударов обрушилась на него -- Гермич лежал на полу без сознания.

Миша подбежал к Юле. Она сидела возле своего отца, теперь навзничь лежащего на полу, и молчала.

Неожиданно профессор приоткрыл глаза и, едва было заметно это - улыбнулся.

-- А ты знаешь... -- обратился он к Мише с трудом проговаривая слова, -- я... ни о чем... не жалею. -- с огромным трудом ему удалось перевести свой взгляд на стоящую возле него на коленях Юлю. -- Я люблю тебя, Юленька. -- почти что не слышным шепотом сказал Аршиинкин-Мертвяк и.... умер.

-- Папа! -- вскричала Юля и, вскочивши на ноги, бросилась, рыдая, к Мише на грудь.

Миша, стоявший с опущенными руками, не-решительно приподнял их и бережно обнял Юлю.

Маприй внимательно следил за воротами клиники. Юсман тоже оставалась в своем автомобиле.

И вот из ворот стали выходить заходившие туда ранее люди в штатских костюмах.

И тут, Алекс увидел среди них Ворбия!

-- Ворбий? -- сказал он негромко. -- Да нет же, -- он вздохнул облегченно. -- Это же -- Гермич. Но в следующее мгновение Маприй заволновался еще поболее, чем если бы он увидел вместо Гермича и в самом деле Ворбия. -- Черт побери! -- воскликнул он сам для себя вслух. -- Гермич может их вывести на постройку нового генератора! И он слишком много знает о фирме. Даже чересчур, чтобы остаться в живых! -- подытожил он и, наклонившись к соседнему сидению, включил свой прибор и настроил его. -Хорошо, что и о Ворбии я давно позаботился -- у него имеется ампула! -Алекс нажал нужную клавишу и сразу же, заведя мотор автомобиля, развернулся и уехал.

Юсман увидела Ворбия, он стоял среди людей в штатском. По неловким движениям туловища Георгио Фатовича, она догадалась, что на нем надеты наручники. Но тут случилось удивительное! Ворбий подкошенно рухнул на тротуар.